

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

НОВОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
АНЕКДОТОВЪ,

Glinka, Sergei Nikolaevich
или

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПЯТИ ЧАСТЯМЪ
РУССКИХЪ АНЕКДОТОВЪ,

ИЗДАНЫХЪ

СЕРГЪЕМЪ ГЛИНКОЮ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКАГО.

1829.

DK 42
G 55

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечашавіи предспавлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1828 го-
да Января 14 дня. Въ должноти Предсѣдателя Цензоръ
Сергей Аксаковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Историческое изображение добродѣтелей и славы Россіянокъ древнихъ и но- выхъ временъ.	1.
Черты изъ жизни Петра Перваго . .	57.
Способъ первоначальнаго ученія, предло- женный Екашериною Второю . . .	62.
Послѣднія слова Амвросія, Архіепископа Московскаго	64.
Жертва, принесенная Москвѣ Графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.	65.
Смерть Генерала Вейсмана	68.
Умный отвѣтъ Адмирала Чичагова . .	71.
Юность Ломоносова	72.
Сила наблюденія ,	73.
Соображеніе опроческаго наблюденія съ опытами зрѣлыхъ лѣтъ.	74.
Страсть къ ученію и поспешенные успѣ- хи Ломоносова.	75.
Ломоносовъ достигаетъ 17-ти лѣтъ и оставляетъ отцовскій домъ . . .	77.
Нравственныя черты, почерпнутыя изъ жизни и сочиненій Ломоносова . .	79.
Любовь къ человѣчеству	80.
Соспрананіе къ ближнимъ	81.
Сила ободрѣнія	82.
Усердіе къ добрымъ иностранцамъ . . .	—
Истинное просвѣщеніе украшается скро- мностію	84.
Терпѣніе	86.
Личное достоинство	88.
Сыновняя любовь	90.
Опроческія лѣта Ивана Ивановича Дми- тріева	93.
Чувствованія Николая Михайловича Ка- рамзина къ памяти нѣжной матери.	98.

Суворовъ-наставникъ юныхъ воиновъ и любитель воспитанія.	100..
Обновленный памятникъ Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву	106.
Степанъ Юрьевичъ Храповицкій.	111.
Обозрѣніе жизни Генерала Рекешмейстера Аркадія Ивановича Терскаго	115.
Анекдоты о Екашеринѣ Вшорой	122.
Снисхожденіе Екашеринѣ Вшорой	124.
Великодушное безприсрасіе Екашеринѣ	126.
Проницательность Екашеринѣ Вшорой.	—
Уваженіе Екашеринѣ къ заслугамъ	127.
Довѣренность Екашеринѣ	128.
Милость Монаршая.	129.
Отрывокъ изъ письма Суворова къ Графу Петру Ивановичу Панину	132.
Письмо Князя Николая Васильевича Репнина къ Князю Потемкину	—
Подлинное извѣстіе о взятіи Измаила, изъ бумагъ Князя Потемкина-Таврическаго	135.
Диспозиція Генерала Суворова къ сраженію съ верховнымъ Визиремъ 11-го Сеншября 1789	140.
Извѣстіе о покореніи Варшавы	142.
Письмо Ивана Ивановича Бецкаго къ Князю Потемкину	145.
Московское гостепріимство	155.
Похвальный обычай нашихъ предковъ	156.
Смерть юнаго Графа Спрогонова	157.
Поле Бородинское	159.
Родственный судъ	162.
Памятникъ сыновней любви	164.
Мининъ, или слава и добродѣшель не умирающъ.	168.
Экспедиція подъ командою Подполковника Зигрода	177.
Новый благотворительный подвигъ Василья Васильевича Варгина	195.

Стран.

Благодѣшельный Венгерскій уроженецъ Албертъ Фишеръ	198.
Спихи на кончиву Генералъ-Адьютанша, Графа Павла Андрѣевича Шувалова .	204.
Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій .	209.
Восторгъ Россіянина при лицезрѣніи Государя.	214.
Описаніе праздника, даннаго Екашеринѣ Второй Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ 29 Юля 1772 года, въ приморскомъ его домѣ Левендалѣ. .	217.
Московскія ямскія слободы	228.
Взятіе крѣпости Ланкорана	238.
О благоустройствѣ и вѣликолѣпїи двора царя Алексѣя Михайловича	242.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ДО- БРОДѢТЕЛЕЙ И СЛАВЫ РОССІЯНОКЪ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Воспоминаніе о добродѣтеляхъ есть лучшая дань, приносимая добродѣтели и славѣ.

И какъ не вспоминать о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя охраняютъ и колыбель младенца и дни опроческіе! Какъ не вспоминать о чувствованіяхъ супруговъ и матерей! Нѣжная ихъ длань устилаетъ цвѣтами всѣ пупы жизни нашей; сердечные ихъ взоры проясняютъ туманъ, не рѣдко наносимый заботами и горестями, неизбѣжными въ сей лепящей жизни; душевныя слова ихъ придаютъ новыя прелести радости и вливаютъ новую жизнь въ сердце скорбное; дальновидная заботливосць ихъ и нѣжная дружба отдаляютъ все горестное и сближаютъ съ будущими отрадами.

Жизнь летитъ съ быстротою молніи; но добродѣтели и слава, не раздѣльная съ ними, въ неизмѣнномъ существованіи своемъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и все переживаютъ.

Сбылись въ наше время слова незабвеннаго Писнопѣвца: Россіянки дѣли-

ли съ отечественными Героями вѣнцы славы и побѣдъ.

И такъ, вмѣсто всѣхъ разсужденій о добродѣтеляхъ и славѣ Россіянокъ древнихъ и новыхъ временъ, я предлагаю историческое о томъ начертаніе. Не буду означать книгъ, откуда что почерпнуто; сіе историческое начертаніе взято изъ сердець Россіянокъ и подтвердился сердцами чисташельницъ. Лестъ не должна приближаться къ памятникамъ добродѣтели и славы; добродѣтель и слава сіяютъ собственною своею красотою: онѣ прелестны истиною своею.

Непроницаемою завѣсою сокрыты отъ насъ времена давнопрошедшія, когда язычество опемняло умы и души. Изрѣдка и какъ будто бы во мракѣ отдаленной ночи мелькаютъ имена знаменитыхъ Россіянкъ; и до *Ольги-Христіанки* извѣстно было почти одно имя *Едвиги*, оставшееся не въ Исторіи, но въ преданіяхъ молвы народной.

И такъ примѣры величія души и любви къ Отечеству, примѣры любви супружеской, нѣжности материнской, словомъ, тѣ незабвенные примѣры, которые соединяютъ живыхъ съ прахомъ мертвыхъ:—всѣ сіи дѣянія, относящіяся къ Россіянкамъ, блеснули и навсегда возсіяли съ лучами Вѣры Христіанской,

основанной на любви, надеждъ, милосердіи и безсмертіи.

Съ именемъ *Ольги* соединяются красота и мудрость. Нѣкоторые предполагають, будто бы она была правнукою *Гостомысла*, послѣдняго Старшины или Посадника Новгородскаго. Другіе утверждаютъ, что *Игорь*, сынъ Рурика и воспитанникъ Олега, забавляясь охотою въ Псковской области, увидѣлъ ее въ первой разъ тогда, когда она плыла на лодкѣ черезъ рѣку. Юный Игорь, увлеченный порывами пылкой страсти, оскорбилъ ее словами, возмущившими невинную и скромную ея душу. „Я сирота,“ сказала Ольга: „нѣтъ у меня ни защиты, ни подпоры; но пусть поглощаютъ меня волны рѣки *Великой*, а юность моя не помрачится стыдомъ!“

По согласію Олега, опекуна Игоря, Псковская сирота-Ольга стала супругой Князя Кіевскаго; имя *Прекрасы* замѣнилось именемъ *Ольги* въ воспоминаніе Олега.

Не надежны никакія добродѣтели безъ Вѣры, возносящей душу отъ земнаго праха къ небесамъ. *Ольга-идолопоклонница* ослѣпилась мщеніемъ по смерти супруга своего, убишаго *Древлянами* за необузданное корыстолюбіе.

Но Провидѣніе гошвило Ольгу къ

жребію незабвенному. „По природному своему остроумію,“ говоритъ Екатерина Вшорая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи: „Ольга убѣдилась въ превосходствѣ той Вѣры, или вѣспницы безсмертія, которая освѣтляетъ жизнь надеждою, сіяющею въ небесахъ, и соединеніемъ душъ и сердецъ подкрѣпляетъ на тернистыхъ путяхъ жизни. Душа ея отдалилась отъ праха земнаго и устремилась въ небеса. Многіе странствуютъ для любопытства, или желая видѣть разнообразную красоту природы, или блескъ Дворовъ великолѣпныхъ; Ольга отправилась въ Царьградъ, чтобы навсегда покориться смиренію. Тамъ сочелась она душою съ Вѣрою и вѣчностью.“

Ольга была *Матерію-Наставницею*; но сынъ ея Святославъ родился во тьмѣ язычества: пагубныя привычки лѣтъ опроческихъ навсегда укоренились въ его сердцѣ. Тщешно убѣждала она его перейти отъ мрака ко свѣту; упорный сынъ, поработясь землѣ, какъ будто бы невидѣлъ небесъ.

Для мгновенныхъ странниковъ сего міра нѣтъ и не было совершеннаго счастья. Не услышала Ольга изъ устъ сына своего изреченія, ожидаемаго ея сердцемъ; на краю гроба не услышала она отъ Святослава: *И я Христіанинъ!*

„Но.“ говоришѣ *Несторѣ*: „какѣ заря утренняя предшествуетѣ солнцу, такѣ Ольга была предшественницей свѣта въ областяхъ земли Руской. Подобно безмятежной лунѣ, сіяла она во мракѣ ночи: первая изѣ Россіянокѣ перешла она въ горнія селенія и проложила шуда стези сынамѣ Россіи.“

Блистала красою *Рогнеда*; но что значилѣ красота безѣ добродѣтели? Доспойна она была слезѣ въ печальной участи своей, когда отецѣ и братья ея пали отѣ мстительнаго меча Князя Владиміра, еще не Христіанина; но ревность все изстребила въ ея сердцѣ, неживляемомѣ Вѣрою, которая учитѣ шerpѣшѣ и надѣяться. Современники *Рогнеды*, видѣвшіе, какѣ быстро угасаетѣ и красота и слава и все то, чѣмѣ обольщаетѣ насѣ невѣрное счастье земное, называли ея *Гори-славою*. Часто, очень часто горе нераздѣльно со славою; но никогда любовь и надежда не оплучаются отѣ Вѣры.

Такою славою ознаменовались имена прехѣ дочерей Князя Ярослава: *Елисаветы*, *Анны* и *Анастасіи*.

Для Елисаветы, юный Норвежскій Принцѣ Геральдѣ отвергѣ любовь Греческой Императрицы; для нее плавалѣ онѣ на быстрыхѣ корабляхѣ по морямѣ дальнимѣ; для нее пускался въ неизмѣримоспѣ Океана, за предѣлы земель оби-

паемыхъ. Воспоминаніе о Елисаветѣ вездѣ ему сопутствовало. Н. М. Карамзинъ весьма справедливо замѣчаетъ, что Елисавета не презирала Рыцаря своего; но она желала, чтобы имя его гремѣло повсемѣстно подвигами славы необычайной; она желала, чтобы и въ дальнихъ земляхъ и въ землѣ Руской сказали, *что женихъ достоинъ невѣсты*. Слава и постоянство увѣнчались любовью. Отъ брачныхъ алтарей юный Принцъ и счастливый супругъ поспѣшилъ въ Отечество и тамъ владѣлъ съ Елисаветою подвѣиенемъ Короля. Долго ожидалъ онъ дней блаженныхъ; быстро пролетали они: блеснули и угасли. Не стало Королевы Норвежской.

Престолъ Франціи украшался другою дочерью Князя Рускаго. Анна Ярославовна была супругою Короля Генриха *Перваго*. Хотя и полагаютъ, что во дни вдовства своего Анна возвратилась въ край родной и умерла въ странѣ отечественной; но въ бурю мяшежа Французскаго отысканъ ея молишвенникъ.

Третія дочь Ярославова Анастасія дѣлила Престолъ съ Андреемъ, Королемъ *Венгерскимъ*. Приверженность къ Анастасіи привлекла нѣкошорыхъ Кіевскихъ уроженцевъ съ береговъ Днѣпра на берега Дуная. Сердце во слѣдъ за собою ведетъ сердца.

Нравственне воспитаніе учредилось въ Россіи подъ щипомъ Вбры Евангельской. Въ Исторіи своей Тапищевъ предполагаетъ, что Анна, дочь Всеволода, была у насъ первою основательницею училища для дѣвицъ. Въ мирномъ уединеніи, въ удаленіи отъ свѣта и въ сближеніи съ небесами, юныя Россіянки привыкли къ шрудолюбію, кошорое опклоняетъ отъ празности и мечтаній, волнующихъ воображеніе. Тамъ питали онѣ души свои подвигами милосердія и добродѣтели: тамъ помогали шрудами рукъ своихъ бѣднымъ шрадальцамъ. Истинная чувствительность живетъ благошвореніемъ.

Часто, весьма часто, къ несщасію нашего Опечества, Рускіе Князья поражали *Россію Россіей*. Въ сіи дни горешные великія Россіянки являлись въ видѣ *Ангеловъ-примирителей*. Сильно пораженъ былъ Владиміръ Мономахъ, когда коварство и насиліе лишили очей юнаго племянника его Васильку, за то, что онъ былъ достойнѣе другихъ наслаждаться и сіяніемъ солнца и присутствіемъ людей, любившихъ Князя за любовь его. Въ скорби душеной Владиміръ Мономахъ воскликнулъ: „Отъ раздоровъ нашихъ погибнетъ земля Руская; вшоргнушся хищные иноплеменники; возшпанутъ братья на братьевъ. Обнажимъ ме-

чи свои въ защиту невиннаго спрадальца!“

Уже засверкали мечи булашныя; вся Руская земля готова была вспасть и двинуться по голосу Князя добродѣтельнаго. Является Анна, вторая супруга Князя Всеволода. Уста ея вѣщають о мирѣ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ Князя Владиміра, но не отъ страха, а отъ жалости сердечной, и онъ въ горкихъ слезахъ восклицаетъ: „Отцы наши и дѣды берегли землю Рускую, а мы губимъ ее и разоряемъ!“

Добродѣтель, подобно солнцу, все радуетъ и животворитъ. Добродѣтель Анны разсѣяла грозную тучу, скопляющуюся надъ землею Рускою. Незабвенна память *Ангеловъ-примирителей* и въ лѣтописяхъ и въ сердцахъ!

За то и тѣнь подозрѣнія, навлекаемая на имя добродѣтели и невинности, почиталась ужаснѣйшимъ оскорбленіемъ. Вѣра смиряется передъ Богомъ, но никому не отдаетъ той чести и той славы, копорыя съ лица праха земнаго переходятъ за блестящій сводъ лазореваго неба. Слава Россіянокъ есть первое ихъ украшеніе. Легкомысленный Князь Ярославецъ, смущаясь собственнымъ беспокойствомъ своего сердца, отважился изгнать супругу свою, дочь *Мстислава*, названнаго *Великимъ* за

добродѣтель. Опца уже не было въ помѣ мѣрѣ, гдѣ часто спраждепѣ добродѣтель, но гдѣ и не всегда торжествуетъ насиліе. Дядя злополучной жерпвы, *Владиміръ Мономахъ*, вспуился за нее. Два раза отрекался отъ Престола и простилъ дерзновеннаго Ярославца, когда онъ покушался поколебать его Державу; но не могъ стерпѣть и не могъ простить оскорбленія, нанесеннаго невинности. Преклонность лѣтъ не охлаждаетъ жара сердца добродѣтельнаго. „Не поперплю,“ сказалъ *Владиміръ*: „не потерплю, чшобы передъ лицомъ земли Руской посрамлена была честь дочери моего брата и слава моей племянницы. И чѣмъ же спанемъ дорожить, если не будемъ вспупаться за славу невинности и добродѣтели?“ Грозно возсшалъ и двинулся *Владиміръ Мономахъ*. Силенъ защитникъ невинности; робокъ и малодушенъ оскорбитель добродѣтели. Ярославецъ бѣжалъ изъ земли Руской. Прахъ Великаго *Мстислава* успокоился. Длань брата опдалила отъ могилы брашней укоризну и нарѣканіе: слава его въ полномъ осталась блескъ и снова ожила въ лицѣ брата, защитника и друга добродѣтели.

И въ вѣкахъ прошедшихъ Россіянки чувствовали разнообразныя красоты природы; и тогда радость сердечная все

освѣтляла, а скорбь сердечная все освѣтляла мракомъ. Не всегда шогда болѣе живутъ сердцемъ, когда чаще о немъ говорятъ; и въ горести и въ радости сердце само собою изливается. Для предковъ нашихъ существовало то же ясное солнце, тотъ же свѣтлый мѣсяцъ, тѣ же испочки журчащія, тѣ же нѣжныя пѣсни соловья и тотъ же горестный стонъ горлицы. Знали они и разлуку и свиданіе: грустили, плакали въ разлукѣ и передавали чувствованія свои всему, что видѣли, всему, что касалось ихъ слуха. Дуновеніе вѣтра, теченіе рѣки казались имъ посредниками между ими и отсутствовавшими душевными ихъ друзьями. Примѣръ тому встрѣчаемъ въ Историческомъ и Спихотворческомъ повѣствованіи о походѣ и битвахъ Князя *Игоря Святославита*. Быстро перелетѣлъ онъ за славою туда, гдѣ еще не бывала нога Рускихъ; сильно сразился съ Половцами; былъ бы можетъ быть и побѣдителемъ, если бы жалость сердечная не заставила его поворошить полки на помощь милаго его брата *Всеволода*. Бились они два дни, а на третій при палящемъ зноѣ полуденномъ разстались на берегахъ быстрой рѣки *Каялы*. Игорь попался въ плѣнъ. Донеслась о томъ скорбная вѣсть къ супругѣ его *Ярославовнѣ*. Стонетъ она, какъ горли-

ца печальная, какъ горлица осиротѣвшая,
и вопіеть:

„Скорбной горлицей, печальной
Съ родины я полечу;
Полечу стрѣлой въ край дальней, —
Тамъ оспраду получу,
Прилечу къ брегамъ Дуная;
Горько плача и стоная,
Буду волны я просить:
„Слейтесь, слейтесь съ слезами!
Другъ мой пораженъ врагами;
Дайте раны мнѣ омыть!

„Вѣтръ! за чѣмъ такъ сильно вѣешь,
Для чего ты стрѣлы мчишь?
Ахъ! ты храбрыхъ не жалбешь;
Милыхъ сердцу ты разишь . . .
Мало ль горъ подъ облаками?
Вѣй, носися надъ морями;
Быспрыя суда лелѣй, . . .
Какъ пустынное расѣнье,
Мчишь мое ты утѣшенье:
Нѣтъ ужъ радости моей!

„Величавый Днѣпръ и славный:
Горы шверды ты пробилъ;
Ты свидѣтель былъ недавный,
Какъ шобой строй Руской плылъ:
Принеси опять супруга,
Дай еще взглянуть на друга!

Съ ранней утренняя зарей
 Ведишь ты мое здѣсь горе;
 И съ собой уносишь въ море
 Слезы скорби ты моей.

Солнце! ты для всѣхъ сіяешь
 Весело, а я грущу;
 Ты поля тѣ пожигаешь,
 Гдѣ я милаго ищу.
 Ты условилось съ врагами:
 Жажду шлешь передъ полками;
 Скорбь безводна ихъ помилъ;
 Ты молчаны ихъ скрѣпило,
 Ты ихъ стрѣлы засушило;
 Ихъ швой гнѣвъ — не врагъ разилъ.

Но уже Игорь изпоргся изъ плѣна: вмѣстѣ съ нимъ возвратились къ нѣжной супругѣ и жизнь и радость. Снова въ очахъ ея разцвѣла природа.

Насупили дни грозные, дни небывалые въ землѣ Руской со времени ея существованія; наступило второе *нашествіе Татаръ* подъ предводительствомъ *Батая*.

Быстро припекли къ стѣнамъ Владиміра безчисленные сонмы враговъ. Князь Юрій уже отправился съ мужественною дружиною на берега Волги; отправился для смерти, а не для защиты. Что сдѣлаетъ горсть Рускихъ противъ несмѣш-

наго ополченія? Она падеть съ оружіемъ въ рукахъ, падеть со славою: шакъ и сбылось.

Между тѣмъ столицу Княжескую обвяла повсемѣстная погибель.

Беззащитная супруга Князя злополучнаго, съ горестнымъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи пасыря церкви, спѣшитъ въ священный храмъ; спѣшитъ и удаляется въ верхніе терема, гдѣ въ счастливые дни жизни своей молилась за супруга, за дѣтей, за всѣхъ людей Рускихъ. Тапары вламываются во внутренность храма. Матери и супругѣ предстоитъ смерть, если не покорится, и спасеніе жизни, если сойдесть къ врагамъ съ семействомъ своимъ. Она видитъ смерть неминуемую, но видитъ и небеса. При буйственныхъ кликахъ поклонниковъ Алкорана, изъ глубины душевной возносятся въ чертогъ вѣчности голосъ Вѣры, голосъ сперва причастныхъ, а потомъ моливъ отходныхъ. За Вѣру, за добродѣтель, за славу земли Руской Россіянки вживъ себя погребаютъ. Раздраженные враги зажгли храмъ ограбленный. Изъ пламени пожарнаго, изъ облаковъ густаго дыма, души праведницъ отлѣтели къ свѣтлымъ небесамъ, къ престолу Бога любви и милосердія.

На горахъ тѣлѣ великодушныхъ Россіанъ смерть повсюду ликовала; но

въ то же время вездѣ блистала и слава Россіянокъ.

Батый слышитъ о красотѣ *Евпраксіи*, Княгини Рязанской. Онъ спѣшитъ къ спѣнамъ Рязани. *Евпраксія* съ младенцемъ всходитъ на башню; она видитъ торжество враговъ и гибель сыновъ Россіи. Прижимаетъ младенца къ сердцу, возводитъ взоры къ Творцу небесному и свергается съ башни.

Вскорѣ палъ подъ мечами враговъ Росповскій Князь *Василій Константиновичъ*. Блисталъ онъ юностью, блисталъ всѣми прелестными качествами душевными. Сердце его силою любви покорило всѣ сердца жителей области Росповской: имъ они жили и безъ него жить не хотѣли. Ташары предлагали ему и жизнь и владычество и все очарованіе мірское, чтобы онъ явилъ въ землѣ Руской примѣръ отрѣченія отъ Вѣры предковъ. „Богъ,“ отвѣчалъ онъ: „любилъ и миловалъ меня въ дни счастья моего; Онъ и въ дни скорбные меня не оставляетъ, — Онъ не отдаляетъ отъ Себя моего сердца: Имъ я жилъ, съ Нимъ и умру.“

Уже смертоносное оружіе сверкало надъ его главою, и вдругъ мыслямъ его представилась супруга его *Марія* и сыны ея *Борисъ* и *Глѣбъ*. „Боже!“ воскликнулъ онъ: „храни супругу мою и ея

сыновѣ!“ Последнее напоминаніе о нѣжной супругѣ слилось съ послѣднимъ воздыханіемъ Князя Ростовскаго. Онѣ увѣнчался славною смертію подъ тѣнію лѣса *Шерейскаго*. Одна жительница Ростовская отыскала бездыханное его тѣло (*). Супруга Князя великодушнаго и весь Ростовъ двинулись навстрѣчу спрадальца. Онѣ погребенѣ подлѣ матери своей.

И такъ лучшею считали наградою, чтобы другѣ и благопріятель народа, чтобы супругѣ и отецѣ примѣрный, чтобы сынѣ нѣжный и во мракѣ могилы чувствовалъ присутствіе матери. Честь, воздаваемая праху матерей, есть торжество добродѣтелей общественныхъ.

Не рѣдко и въ участи безвѣстной обладали Россіянки добродѣтелями, способными украшать чреду блестящую. Ксенія, извѣ дочерей церковнаго служителя, учинилась супругою Князя *Ярослава Тверскаго*. Предчувствіе сердечное не обмануло юнаго Князя: простая уроженка области Тверской водворила съ собой въ чертоги Княжескіе и нѣжность супружескую и попечительность материнскую и умѣ, способный содѣлывать счастье народа. Мудрою наставницею была она сына своего *Михаила* и заслужила сіе общіе одобреніе. *Князь Ми-*

(*) Имя ея *Марія*

хаилъ удостоился имѣть мать, которая во всеміъ предшествуетъ ему своимъ прилибромъ. За вниманіе къ каждому изъ людей Рускихъ и за благошвореніе къ спрадальцамъ наименовали ее *утѣшеніемъ града, и всего Отечества надеждою и покровомъ.*

Незабвенна также по добродѣтелямъ своимъ супруга Нижегородскаго Князя *Андрея Константиновича.* Душевною кропосшію услаждала она всѣ заботы и попеченія супруга своего о счастіи народа; по смерти его опрелась опъ міра подъ именемъ *Теодоры.* Съ супругомъ сошли во гробъ всѣ опрады ея жизни; но онъ жилъ еще по добродѣтелямъ супруги своей. Всѣ прежнія сокровища роздала она бѣднымъ, а сама рѣшилась пипаться шрудами рукъ своихъ. Сіе величественное самоопрѣченіе опъ всего блеска земнаго есть живое предчувствіе безсмертія и новой жизни въ небесахъ. Къ нимъ Ольга указала первый путь; къ нимъ опъ колыбели Россіянки ведушъ дѣшей своихъ. А предъ жизнію наднебесною что значитъ все очарованіе земное?—Призракъ, мелькающій среди бурь ненастныхъ.

Во мракъ порабоженія разорялось Отечество, но слава Россіянокъ не угасала. Около половины четырнадцатаго столѣтія и Смоленскъ опъ внутрен-

нихъ неустройствъ перешелъ въ руки Липовцевъ. Послѣдній его Князь *Юрій* удалился сперва въ Новгородъ, потомъ въ управленіе свое получалъ Торжокъ. Неразлучнымъ его соупникомъ былъ Князь Семенъ Ивановичъ *Вяземскій*. Пылкій Юрій плѣнился его супругою. Тщетны были всѣ его уловленія. Супругъ и супруга погибли для праха земнаго и увѣковѣчились вѣрностью и добродѣтелью. Юрій пережилъ и себя и всѣ опрады души невинной. Въ волненіи совѣсти бѣжалъ онъ въ *Орду*; но развратъ Ордынскій его не успокоилъ. Опшуда спѣшилъ онъ оживиться роднымъ воздухомъ: онъ прибылъ въ область Смоленскую. То же солнце сіяло шамъ, тѣми же прелестями цвѣла природа: но Юрій не узнавалъ уже ни себя, ни края опечеспеннаго. Гонимый самимъ собою, злополучный Князь пришелъ въ страну Рязанскую. Благочестивый пустычникъ *Петръ* принялъ Юрія, опвергшагося и опъ себя и опъ вселенной. Кропкимъ вѣщаніемъ Вѣры устремилъ онъ сердце его къ Небесамъ. Съ прахомъ вѣрныхъ супруговъ Юрій примирился разкаяніемъ: въ послѣдній часъ жизни, своей къ Богу и къ нимъ переносился онъ душою, истомленною спраданіемъ.

Быстро проходящъ, быстро исчезаетъ все то, что мы называемъ тор-

жествомъ земнымъ. Гремѣлъ на полѣ *Задонскомъ* Князь *Димитрій*: казалось, что вся земля Руская ожила и возспала въ лицѣ его къ низверженію вѣковаго ига. Но Россія снова оспалась въ цѣпяхъ, а Князь побѣдоносный палъ на одрѣ смертный. Умолкли клики радостныя; слышанъ одинъ только стонъ супруги его *Евдокии*. По словамъ лѣтописца, она проливала *огненные слезы* и вопіяла „Для чего я себя пережила? Уже взоръ твой не обращается ни на меня, ни на осиротѣлыхъ дѣтей. Мы зовемъ тебя, зовемъ съ рыданіемъ, а ты молчишь. Сомкнулись уста твои, оледѣло твое сердце. Еще юность не отходила отъ насъ, еще старость не приближалась къ намъ, а ты сокрылся во мракѣ, и все въ очахъ моихъ померкло. У Престола Божіяго молись обо мнѣ; молись, чтобы та супруга, которая жила шобою, въ слѣдѣ за шобою перешла бы и въ могилу. Горестъ вдовства лютейшее бѣдствіе!“

Имя *Анастасіи*, дочери Романовыхъ и первой *Руской Царицы*, напоминаетъ всѣ тѣ прелестныя качества, которыя въ сердцѣ супруга поселяютъ новое бытіе. Тринадцатъ лѣтъ *Іоаннъ* и *Россія* счастливы были Анастасіей; тринадцатъ лѣтъ супругъ первой Царицы былъ и другомъ добродѣтели и опцемъ наро-

да. Не спало Анастасіи, не спало и прежняго Іоанна. Уже шумѣла буря опдаленная! Жителѣмъ Московскимъ не милы спали и жизнь и свѣтъ. Въ день погребенія Анастасіи, нищии, по свидѣтельству лѣтописцевъ, не принимали милостыни.

Какъ сонъ исчезаетъ счастье! дни безмятежные, дни мимоходные, подобно скоропечнымъ днямъ весеннимъ блеснутъ и угасають.

Вступилъ на Престолъ Годуновъ для пагубы своего семейства. Но онъ не видѣлъ сей бѣды; онъ мечталъ только о возвышеніи рода своего. Властолюбецъ гналъ и истребитъ хотѣлъ съ лица земли всѣхъ родственниковъ Царицы Анастасіи. Добродѣтельного *Филарета Никитича* принудилъ онъ постричься; супругу его *Ксенію* сослалъ въ *Занежскіе погосты* и ввергнулъ въ пещицу на голодную смерть. Ксенія всегда жила Богомъ и для Бога: Богъ укрѣпилъ ея душу. Въ лицѣ Священника *Егорьевскаго погоста* (*) небесное Провидѣніе послало ей Ангела утѣшителя. Сей ревностный служитель Вѣры и чelовѣчества снабжалъ Ксенію пищею, и къ доставленію ей опрады, не щадя жизни, нѣсколько разъ провѣдывалъ о суп-

(*) Имя его: *Ермолай Герасимовъ*.

ругѣ ея въ предѣлахъ *Архангельскихъ* и приносилъ радоспную вѣсть, что онъ живъ еще для счастія ея и для счастія Россіи.

Не стало Годунова, и Ксенія переведена была въ Кострому въ обитель *Ипатскую*. Въ кельѣ уединенной въ присутствіи одного небеснаго Творца людей, воспишывала она юнаго сына Михаила и учила его не желать величія и жалѣть о гонимельхъ невинности.

Много видѣла Россія горя; видѣла она и прехлѣпнее междуцарствіе, когда Пресполь *вдовствовалъ*, а Опечество наше *сиротѣло*. Изчезли бури; увѣковѣчили въ Бра, вѣрность и добродѣпель: безъ нихъ все гибнетъ; ими все подкрѣпляется.

Не только по описаніямъ нашихъ Стихотворцевъ, но и сама истина подтверждаетъ, что Россіянки явили тогда зрѣлище безпримѣрное. Для существованія Россіи отрекались онѣ отъ имуществъ, отъ всѣхъ наслажденій жизни и оставались при одномъ украшеніи, все переживающемъ—при великодушныхъ пожертвованіяхъ. Общественному казнохранищелю *Минину* отдали онѣ всѣ драгоценности; въ дань Опечеству вели сыновъ своихъ. . .

„Какъ часть самихъ себя отъ персей отрывали,
„И трепешной рукой на брань благословляли.“

Дивны и непоспизимы судьбы Провидѣнія! Мимо всѣхъ людей совершаетъ Оно опредѣленія свои. Очистилась Москва отъ враговъ, а *ласкатели* *лжи* не преспавали разсѣивать недоумѣніе и въ войскѣ и въ народѣ. Но щещно! Богъ опрѣделилъ увѣнчать смиреніе и дланью Своей вывести юнаго *Михаила* изъ кельи безмятежной и посадить на Пресполь Державы Руской. Учредились постъ и молитва. Въ скорби сердечной Россія воззвала къ Творцу небесному, и силою Его всѣ души слились въ одну душу и всѣ умы въ одинъ умъ. Троицкій Келарь *Авраамъ Палицынъ* шоржеспвенно свидѣльствуетъ, что въ избирапельныхъ грамотахъ общее рукоприкладство утвердило имя *Михаила*, сына *Филарета* Никишича. Быстро напечатлѣлось имя сіе въ сердцахъ и возгласилось устами. Уже спекающа на мѣсто Лобное Рязанскій Архіепископъ *Теодоритъ*, Троицкой обители Келарь *Палицынъ*, Новоспасакаго монастыря Архимандритъ *Іосифъ* и Бояринъ *Василій Петровиъ Морозовъ*. Громогласно вопрошають они: *Кого избратъ Царемъ?* Мгновенно гремитъ кликъ единодушный: *Михаилъ Теодоровиъ да будетъ Царь и Государь Московскому Государству и всея Рускія Державы.*

Стогны Преспольнаго града оглашались сими торжественными воскицаніями; а юный Михаилъ вмѣстѣ съ Матерью своею въ уединенной кельѣ горкія проливалъ слезы о незабвенномъ родителѣ, спрадавшемъ тогда въ започеніи въ области Польской.

Отецъ въ темницѣ, мать въ кельѣ, сынъ провозглашенъ Царемъ!.. И такъ повторимъ еще свидѣтельство *Авраамія Палицына*, что не людьми, но Богомъ избранъ былъ Михаилъ.

Духовные и мірскіе Послы изъ града Преспольнаго отправаляющіяся въ *Кострому* умоляютъ мать Михаила, чтобы она отдала сына на царство. Они останавливаются въ селѣ Новоселкахъ, куда спѣшатъ *Градодержатели* и многочисленные сонмы народа.

Назавтра Архіепископъ *Теодоритъ* со всѣмъ соборомъ облекся въ ризы; Бояринъ *Теодоръ Ивановичъ Шереметевъ* и всѣ его сопутники нарядились въ свѣтлыя Боярскія одежды. Куда направятъ они путь? Въ великолѣпныя ли черпоги Царя сильнаго? Нѣтъ! къ безмолвной кельѣ обителі *Ипатской*, къ юношѣ беззащитному, хранимому только матерью и Богомъ! Туда идутъ они и съ честными крестами и съ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы и съ другими священными иконами.

Уже Послы у устья рѣки *Костро-
мби*. Тутъ присоединяется къ нимъ все
Костромское духовенство въ торжест-
венномъ облаченіи, съ крестами и ико-
нами и въ сопровожденіи народа, и женъ
и дѣшей, продолжаютъ путь съ Посла-
ми Московскими.

Двинулась Россія со всею святынею
своею къ умоленію матери юнаго Ми-
хаила; и ни матери, ни сыну, ни спра-
дальцу отцу, никому изъ нихъ и въ
мысль не приходили ни Царство, ни
власть, ни утѣшенія превратнаго міра.

Смиренно и съ одною Вѣрою Ми-
хаилъ и мать его выходятъ на встрѣ-
чу святыни Господней. Съ благоговѣ-
ніемъ принимающъ они благословеніе и
присоединяющъ къ народу богобоязнен-
ному. Въ священныхъ стѣнахъ храма,
въ присудствіи Творца вселенной, Послы
читаютъ избирательныя грамоты, на-
именовавшія Царемъ юнаго Михаила.
Ужаснулась родительница его: она и
слышатъ о томъ не хотѣла. „Не отдамъ
на Престолъ сына моего,“ вѣщала она:
„мы забыли и величіе и счастье земное;
мы привыкли къ бѣдствіямъ жизни про-
ходящей. Не оставимъ мирной нашей
кельи; не желаемъ вѣнца и Престола:
наша отрада плакать и рыдать. Нѣтъ
съ нами супруга и отца.“

Много еще, по свидѣтельствѣ очевидцевъ, возражала нѣжная мать и много проливала слезъ о томъ, что сынъ обреченъ царствовать. Истощивъ всѣ словесныя усилія, Архіепископъ *Теодоритъ* взялъ чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, а Троицкій Келарь Авраамій Палицынъ поднялъ чудотворныя иконы Пешра, Алексія и Іоны. Съ этими небесными знаменіями, представъ передъ матерью юнаго Михаила, боговдохновеннымъ голосомъ воскликнули: „Зрите, Благовѣрная и Великая Государыня Марфа Ивановна и Благовѣрный и благородный Государь Михаилъ Теодоровичъ! зрите, для чего шествовали съ нами въ дальній путь Пречестная и Чудотворная сія икона и Великіе Свящители. Вамъ не лѣзя ослушаться сихъ ликовъ небесныхъ; творите повеленное вамъ отъ Бога: вы истинно Богомъ избраны; не раздражите Владыку всего сущаго.“

Слезно возрыдала провозглашенная Царица передъ образомъ Богоматери; взяла за руку сына и вѣщала передъ всѣмъ собраніемъ: *Се Тебѣ отъ Бога, Мати Пресвятая Богородица, и вѣ твои пречистыя рѣцѣ, Владычице, тадо мое предаю, и яко же хоцещи, цстрой ему полезная и всему православному Христіанству.*

Повинуясь одному Богу, великодушная мать отдала сына своего на подвигъ шрудный—на Царство.

И сей юный воспитанникъ матери, по изрѣченію *Ломоносова*: выпрошенный слезами и рыданіемъ народа, принявъ вмѣстѣ съ вѣнцемъ тяжкое бремя поверженной Россіи, обновилъ и устроилъ Опечесство.

Какое торжество для Матери-наставницы!

Вступилъ Михаилъ на Престолъ Рускаго Царства и вскорѣ узналъ неизбежную превратность того, что мы называемъ *земнымъ счастьемъ*. 1625 Года сочетался онъ бракомъ съ Марьей Владиміровной Долгорукою. Какъ заря утренняя, блеснула она на Престолъ и сокрылась въ недры могилы. Ни юность, ни красота, ни добродѣтели, ничто не защитило ее отъ ранней смерти. Но гробъ ея орошенъ былъ сердечными слезами: любовь къ ея добродѣтелямъ не хотѣла вѣрить, чтобы она оставила свѣтъ по произволу Провидѣнія.

Присупя ко второму браку, Михаилъ по влеченію сердца своего избралъ *Евдокію*, дочь бѣднаго Можайскаго, или, по сказанію другихъ, Мосальскаго Дворянина. Евдокія по крайнему неимуществу воспитывалась у богатой родствен-

ницы, льстившейся доспичь того, о чем скромная пишмица и помышлять не смѣла. Всѣ двѣицы, а вмѣстѣ съ ними и высокомерная родственница успремилась къ цѣлованію руки нареченной Царицы, которая и сама ихъ цѣловала. Смущенная родственница поверглась на колѣни и воскликнула: „Государыня! не попомни о моей къ тебѣ *неласкѣ*; прости меня ради Бога!“ Евдокія, проливая слезы, низменно поклонилась родственницѣ и опвѣчала: „И меня прости, если я чѣмъ-нибудь тебя прогнѣвала: а тебя пусть Богъ прости!“

Отецъ Евдокіи, Лукіянъ Степановичъ *Стрѣшневъ*, услыша подѣ кровомъ соломеннымъ вѣсть о избраніи въ Царицы дочери его, преклонилъ колѣна передъ образами Божиими и съ душевнымъ умиленіемъ произнесъ сіи слова: *Боже! Ты сотворишь все по волѣ Своей!*

Никогда, никогда въ Отечествѣ нашемъ не узаконяли ненависти къ уроженцамъ странъ чужихъ; Вѣра поручала ихъ всегда и Князьямъ и Боярамъ и всѣмъ людямъ Рускимъ, какъ брашій и гостей. И не всѣ ли мы *гости* на прахѣ земномъ; не всѣ ли мы странники скоропечные на родинѣ и на чужбинѣ? Да и за что намъ не любить, за что ненавидѣть другъ друга? Жизнь есть *мгновен-*

ный даръ Небесъ (*): едва ли и для любви доспанетъ времени! . . .

Въ неопвратимыхъ бѣдствіяхъ войны Россіянки не только обращали вниманіе на своихъ раненыхъ, но и на иноземцевъ раненыхъ и плѣнныхъ. Первая супруга Царя Алексѣя Михайловича, Царица *Марія Ильинична*, изъ рода *Милославскихъ*, препоручила *Теодору Ртищеву*, бывшему наставникомъ Царевича Алексѣя, дары для вспомошествованія спраждущему чловѣчеству отъ грома и силы оружія. „Для лѣченія больныхъ иноземцевъ, для вспомошествованія имъ одеждою и пищею,“ говоритъ лѣтопись: „*Ртищевъ* шворилъ подаяніе отъ казны Царской, имѣя на то серебро, врученное ему отъ благочестивыя Царицы и Великія Княгини *Марьи Ильиничны*.“

При имени Царицы *Наталіи Кириловны* воспоминаемъ имя *Матери Рускаго народа*, имя, данное ей общею любовью сердечною.

Бѣденъ былъ соспояніемъ отецъ ея *Кириллъ Полуехповичъ Нарышкинъ*, но богаче былъ вельможъ сановитыхъ несравненнымъ даромъ небеснымъ: дружбою Боярине *Аршамона Сергѣевича Маш-*

(*) *Державинъ*.

вѣва, близкаго къ Царю Алексѣю Михайловичу и по зазлугамъ и по сердцу. Съ Бояриномъ Матвѣевымъ дружба перешла въ чертоги Царскіе.

Дружба въ лицѣ Царя Рускаго за-просто посѣщала домъ Матвѣева. Тамъ увидѣлъ онъ *Наталію*, воспитанницу благодѣтельнаго Боярина, увидѣлъ ее въ невинности жизни семейственной и опдалъ ей свое сердце: а Наталія, хранимая Небесами, дала Россіи Петра, Перваго и именемъ и дѣлами.

Съ нѣжнымъ супругомъ сокрылись въ гробъ всѣ прежнія радости Наталіи; но Богъ, покровитель вдовъ и сиротъ, послалъ ей новое бытіе въ благошвореніи и въ попеченіяхъ о сынѣ.

„Царица наша,“ говорили жители престольнаго града: „не для себя живешь, но для бѣдныхъ, для спрадальцевъ. Болѣе насъ трудится она: темная ночь заспаетъ ее за работою; шьетъ она собственными руками одежды и разноситъ ихъ по темницамъ. Сама, какъ Ангелъ Божій, посѣщаетъ и заключенныхъ и больныхъ спрадальцевъ: она родная мать всѣхъ бѣдныхъ; она *мать Рускаго народа*.

Такъ говорили свидѣтели добродѣтелей Наталіи; позже самое и потомство повторяетъ. Не за одно, за

всѣ столѣтія переносится голосъ любви и благодарности.

Отъ начала бытія сего міра добродѣтель въ борьбѣ со злобою чловѣческою. Неукротимая зависть грозно возспала и на Царицу Напалію. Гибли въ очахъ ея родные братья: смерть въ присудствіи ея приступала къ опроку Петру. На испребленіи ея дома гордая и высокоумѣнная *Софія* домогалась утвердити владычество свое.

Дивное явилъ Богъ зрѣлище и небываемое во вселенной! Не сонмы шлохранишелей послалъ Онъ къ оборонѣ Напаліи: Онъ послалъ къ защитѣ матери десятилѣтняго ея сына. И сей опрокъ, оберегаемый Провидѣніемъ для изумленія всѣхъ спранъ земныхъ, однимъ взоромъ, онимъ реченіемъ успѣ своихъ разсѣявалъ неисповыя шолпы убійцъ, и какъ посланникъ небесный, осѣнял мать свою щипомъ непобѣдимымъ. Силою любви материнской, внушенной Богомъ, крѣпилась Напалія подъ шумомъ свирѣпыхъ бурь; силою любви небесной вдохновенной Небесами, укрѣплялся Пепръ прошивъ злоумышленій, угрожавшихъ нѣжной матери. Съ сообразностью сихъ событій осталось у насъ безпримѣрное свидѣтельство и единственное въ лѣтописяхъ материнской и сыновней любви. „Въ попеченіяхъ о сынѣ,“ говоритъ зна-

менишый *Феофанъ* : „Нашалія забывала Царя, а помнила только сына; въ покорности и заботахъ о матери Пётръ забывалъ санъ Царскій и помнилъ только, что онъ сынъ Нашалии.“

Не въ блистательной родилась участи Нашалія, мать Петра Перваго; не въ блистательной участи узрѣла свѣтъ и Екатерина Первая, супруга Петра Великаго. Въ жизни сего Государя все было необычайно. Мать охраняла отрочество его; супруга услаждала всѣ волненія душевныя его скорби. Сердце Екатерины понимало сердце Петра; душа ея умѣла уравниваться съ его душою. Съ нимъ была она въ походахъ дальнихъ, съ нимъ дѣлила опасности грозныхъ битвъ; для него гошова была жертвовать и спокойствіемъ и жизнью. „Никакое вѣщанство,“ говоритъ *Феофанъ*, „не могло столь сильно одушевлять воиновъ, сколь оживлялъ ихъ примѣръ Екатерины. Ей сладостны были труды для Петра и для Россіи.“ Умъ ея, воспламененный любовью къ супругу и усердіемъ къ славіи Россіи, подалъ Герою Полшавскому мудрый совѣтъ, извлекшій его изъ обстоятельствъ, которыя самъ Пётръ сравнивалъ съ обстоятельствами, постигшими *Карла Двенадцатаго* подъ Полшавою.

Не спало Петра; но душа его неразлучна была съ душою Екатерины. Во

дни *стенанія* и *воздыханія* своего она все то исполняла, что началъ Пётръ, и все то старалась совершить, что преждевременная кончина не допустила его привестъ къ окончанію. Словомъ, продолжалъ Теофанъ, *не познало Россійское оружіе женской руки, и не ощутило море Петровой смерти.*

Но безъ благости душевной и слава мужества и величіе духа удивляють умъ, а не привлекають сердце. Екатерина и при Пётрѣ и послѣ него всегда просширала руку помощи и вдовамъ и сиротамъ и всѣмъ, кому нужна была благодѣтельная ея подпора.

Вънцемъ душевныхъ качествъ Екатерины Первой было то, что среди многочисленнаго Царскаго семейства, она, и какъ *невѣстка* и какъ *тетка* и какъ *бабка*, соединяла всѣ сердца съ своимъ сердцемъ и по праву дѣяній своихъ заслужила наименованіе *общей матери Царскаго семейства.*

Царствованіе Петра Второго и начало царствованія Анны Иоановны было зрѣлищемъ быстрой превратности жребія человѣческаго. Меншиковъ, соудникъ, другъ и товарищъ Петра Великаго, палъ съ высоты исполинскаго величія, палъ какъ будто бы для того, чтобы къ славѣ гремящихъ побѣдъ прибавить славу непоколебимой покорности къ судь-

бамъ Провидѣнія. Въ первыя мгновенія его паденія, Наталія, супруга его, изъ рода Арсеньевыхъ, поспѣшила въ черпоги; но соперники Менщикова, заградившіе отъ него сердце юнаго Императора, заградили и супругѣ его входъ во дворецъ. Не оставила она супруга, всѣми оставленнаго. Не успрашилась, когда одежды царедворческія должна была обмѣнять на одежды крестьянскія; съ состраданіемъ сердечнымъ сморгнула на юную дочь, недавно обреченную Императору и потомъ перешедшую на простую повозку. Но Вѣра и чувствованіе любви супружеской все побѣждали. Она желала только бытъ съ супругомъ и дѣлать съ нимъ все, чѣмъ угодно было испытывать ихъ непоспимому Провидѣнію небесному. Съ мужествомъ услышала она приговоръ о вѣчной ссылкѣ въ Сибирь на отдаленные острова *Березовы*. Ссылка и пустыня не ужасали ее: взоры душевные вездѣ могутъ обращаться къ Богу; сердце вездѣ можетъ спремиться къ Творцу любви и милосердія. Вѣра и надежда и мракъ земницы превращаютъ въ обитель небесную; безъ Вѣры и надежды, и присіяніи всего украшенія небеснаго, все въ мракъ все во мглѣ; Вѣра освѣтляетъ вселеную.

Но силамъ человѣческимъ положенъ предѣлъ. Наталія Менщикова скончалась въ прехъ спяхъ версахъ отъ Мо-

сквы. Вв послѣднія мгновенія жизни, прощаясь съ супругомъ, она вѣщала ему: *забудь гоненія враговъ!* Прощаясь съ нареченную невѣстою юнаго Петра Втораго, она сказала ей: „Богъ не опредѣлилъ тебѣ бытъ Императрицей; но ты можешь утѣшать опца: живи для него и молись обо мнѣ Богу.“

Новыя превращенія постигли соперниковъ Менщикова, едва только взглянувшихъ на возвышеніе свое. Не стало Петра Втораго, угасла радостная надежда Россіянъ, а вмѣстѣ съ нею угасло и счастье Долгорукихъ. Юному любимцу его Князю Ивану Михайловичу *Долгорукову* обручена была Напалія Борисовна, дочь знаменишаго Бориса Пешровича *Шереметева*; не наименую гонителя ея. Напалія вв Запискахъ своихъ говоритъ: „Я воспоминаю горе свое, а никого не хочу обличать.“ Императрица Анна Іоановна предлагала ей и другаго жениха и милость; но новымъ любимцамъ счастья предпочла она изгнанника, а блеску Двора и всѣмъ очарованіямъ свѣта предпочла ссылку и бѣдность. „Во имя Бога и Вѣры,“ сказала она, „обрекла я одному руку и сердце; никогда не опдамъ ихъ другому.“ Для друга и съ милымъ другомъ рада она была жить и вв Сибири и на краю свѣта и вездѣ, гдѣ только могла его видѣть, могла слы-

шашь его голосъ и вмѣстѣ съ нимъ пла-
кашь. Люди и вселенная исчезли для нее.
„Самъ Богъ,“ говоритъ она въ Запи-
скахъ своихъ: „выдавалъ меня за мужъ,
а больше никто.“

Нѣжная супруга не мечшала о сча-
стїи: лучемъ быспропечнымъ промель-
кало оно въ глазахъ ея. „Завидують знаш-
нымъ,“ пишеть она въ гореспныхъ сво-
ихъ воспоминанїяхъ, „а не знають ихъ
учасши злополучной. Двадцашъ шолько
видѣла я радостныхъ или благополуч-
ныхъ дней.“ Ей сладостно было спра-
дать съ супругомъ и дѣлїшь съ нимъ
спраданїя; ей сладостно было знать и
чувспвовать, что спрадаеть для него;
ей сладостно было вспоминаять, что все
въ жершву принесла другу своему, даже
—и надежду на счастье. На оспровахъ
Березовыхъ разлучена была сія чепа,
единспвенная въ лѣтописяхъ нѣжности
и любви. Съ двумя младенцами оспалась
безпримѣрно злополучная супруга и
машь; и она даже не знала, что другъ ея
съ лобнаго мѣста перешель за предѣлы
жизни—шуда, гдѣ ожидаетъ награда чис-
шую и свяшую любовь супружескую. Из-
вѣспилась она о шомъ, когда минова-
лась ея ссылка, при вспупленїи на Прес-
ноль Императрицы Елисаветы. Въ чер-
тахъ лица ея цвѣли еще прелесши при-
родныя, украшенныя величїемъ добродѣ-

пели. Снова предлагали ей все то, что обольщает и увлекает в свѣтѣ блестящемъ; но Наталія не жила уже на землѣ, не жила для свѣта: къ супругу переселилась она за предѣлы міра; съ нимъ неразлучна была мыслию, сердцемъ и всѣмъ бытіемъ души своей. Для него единственно занималась воспитаніемъ двухъ сыновъ своихъ; и оконча подвигъ матери, для нераздѣльнаго воспомина- нія о единственномъ другѣ, оставила ихъ въ буряхъ того свѣта, гдѣ очамъ ея одинъ разъ въ жизни представлялся призракъ *двадцати-дневнаго* счастья! Для супруга—отреклась Наталія отъ все- ленной; для Бога—отреклась даже и отъ воспоминаній о другѣ.

Уже она переселилась на вершины горъ Кіевскихъ, уже обрела себя Богу; память о другѣ и отреченіе отъ него, раздѣлялись печеніемъ одной ночи. Богу самому сознавалась нѣкогда Наталія, что *Онъ далъ ей знатъ такого теловѣка, который стоилъ, чтобы за любовь его жизнию заплатила.* И завтра должна забыть того, кто былъ для нее милѣе собственной жизни—завтра!... Быстро сняла она съ руки перстень обручальный, взглянула на небо, повергла въ Днѣпръ сей задушевный залогъ и воскликнула: „Волны быстрого Днѣпра! унесите съ собою въ море залогъ вѣрности и любви

къ другу и супругу моему ! Въ послѣдній разѣ произношу его имя.“

Грозныя шумѣли бури при Аннѣ, но не отъ нее: Дщерь *Іоанна*, который по словесному завѣщанію отца своего уступилъ старшинство брату своему *Петру*, обладала добрымъ сердцемъ. Скорбь о невинномъ спрадалецѣ испортила ее смертельнымъ уныніемъ: въ сердцѣ безчувственномъ не можетъ обитать такая скорбь.

Первые дни царствованія *Елисаветы* убѣдили снова въ мечтѣ и недально-видности честолюбія. „Судьба,“ говоритъ *Князь Шаховской* въ *Запискахъ* своихъ: „какъ будто бы нарочно избрала меня, чтобы я еще разительнѣе видѣлъ, какъ падаютъ люди, одаренные превосходными способностями и занимавшіе блистательныя степени Государственныя.“

Пали *Графы Головкинъ* и *Остерманъ*; палъ *Минихъ*—сей Герой, съ которымъ Рускіе взлетали на укрѣпленія *Перекопскія*, котораго въ битвѣ *Ставугинской* Рускіе воины называли *Соколомъ*, который первый научилъ битъ *Опшоманцевъ кареями*. На полѣ битвѣ онъ самъ дѣйствовалъ; въ политикѣ имъ управляли. Онъ не устоялъ. По препорученію новой Императрицы, *Князь Шаховской* спросилъ у супруговъ вельможъ,

назначенныхъ въ ссылку: желаютъ ли онѣ ихъ сопровождать? Онѣ отвѣчали: *охотно слѣдцемъ за нашими мужьями.*

Графиня Головкина, блиставшая и красою и умомъ, сопровождала супруга, страдавшаго тогда и тѣломъ и душою. Всѣ прежнія веселія промѣняла она на скорбь съ супругомъ.

Сильно поражена была Графиня Минихъ въ душѣ своей, но лице ея было спокойно. Она была въ дорожномъ платьѣ и держала въ рукѣ чайникъ съ приборомъ. Словомъ, прибавляетъ Князь Шаховской: *она какъ будто бы въ желаемый путь собиралась.* Первое желаніе нѣжной супруги—дѣлать съ супругомъ и дни радостные и дни ненастные.

Минихъ и въ мракѣ темничномъ подкрѣпилъ славу свою. Съ набожнымъ умиленіемъ, поднявъ руки и возведя взоры къ небу, онъ громко воскликнулъ: „Боже! благослови Ея Величество и государствованіе Ея!“

Сбылось желаніе Героя.

Вступила Елисавета на престолъ Великаго отца своего Петра Перваго и возвѣстила: „Не хочу побѣдъ, покупаемыхъ кровію человѣческой: не промѣняюсь счастіемъ Россіянъ на всѣ страны вселенной.“

Миролубіе Императрицы Елисаветы подтверждается письмомъ Французс-

каго Короля Людовика XV. Елисавета предложила себя посредницею между воевавшими державами; Людовикъ между прочимъ писалъ къ ней:

„Съ восторгомъ вижу, что Монархиня, къ которой привыкъ я пишасть особенное уваженіе, желаетъ бысть благошворительницею народовъ. Цари могутъ домогаться шой шолько славы, чтобы содблывасть счастливыми своихъ подданныхъ: и Вы, Государыня! Вы доставите счастье и Царямъ и ихъ народамъ; а подданные Вашего Величества, видя, что Вы дблаете для счастья другихъ народовъ, почувсшвуютъ къ Вамъ, если шолько шо возможно, еще болбе благоговѣнія. Ваше царствование еще болбе превознесетъся, когда общія хвалы Европейскихъ Державъ усугубятъ благословенія, воздаваемые Вамъ въ Вашей Державѣ.“

И шакъ Елисавета, съ полною увѣренностію въ правошъ своей, могла вѣщашъ къ Богу сіи слова:

„Меня оставленну судьбою

Ты крѣпкою возвелъ рукою

И на Престолѣ посадилъ.

Шеснацашъ лѣтѣ нося Порфиру,

Европу я склоняла къ миру.“

Подъ Державою крошкой Елисаветы цвѣла природа, цвѣла словесность и утвердились науки.

Въ устахъ ея было всегда *прощеніе*,
а въ сердцѣ *Богъ*.

Путешествіе Ея по счастливымъ
областямъ Россіи Ломоносовъ изобра-
жаетъ въ сихъ стихахъ:

Въ пуши, кошорымъ пролешаешь
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой взлядъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ,
Отъ всѣхъ къ тебѣ простершы взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры.
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не та ли здѣсь на насъ взираетъ,
Кого всѣ матерью зовутъ? ‘

Тотъ же Пѣснопѣвецъ, по случаю
путешествія Елисаветы, сказалъ:

„Опсуществуя—ты будешь съ нами!“

Не спало Елисаветы; но напоми-
наніе о той Царицѣ, которой *душа бы-
ла зефира тише*—напоминаніе о ней
живетъ въ сердцахъ.

Не умираютъ слава, добродѣтель
и любовь къ народу. Не стало и Ека-
перины Второй; но она, перешедъ и за
предѣлъ гроба, присутствовала въ Оше-
чествѣ. Сынъ ея Павелъ Первый, къ без-
смертнымъ ея подвигамъ прибавилъ под-
вигъ великодушнаго желашеля избавле-
нія Царствъ Европейскихъ: слава ея въ
новомъ еще блескѣ возсіяла въ дѣянiяхъ

Внука ея АЛЕКСАНДРА Перваго. Всѣ благодѣтельныя ея намѣренія, все рвеніе ея къ облегченію жребія страждущаго челоуѣчества вполне ознаменовались въ лицѣ двухъ Ангеловъ благошворенія: въ лицѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТЫ и МАРИИ; и сіе поприще милосердія часѣ отъ часу распостраняешся.

Имя Екашеріны Второй гремѣло повсемѣстно. Встрѣчало оно любовь, встрѣчало и непріязнь; въ удѣлѣ земнороднымъ не досталась безпристрастная справедливость.

Я пишу не Исторію Политическую, но предлагаю одно начерпаніе славы, основанной на любви и милосердіи;—одно изображеніе добродѣтелей, которыя пераживаютъ всѣ измѣненія политическія и переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ къ оправданію и ушѣшенію челоуѣчества.

Благость и любовь къ народу были душевною жизнію Екашеріны Второй. Современный ей Пѣснопѣвецъ, очевидецъ ея благости, сказалъ:

„Ты прежде Трона, Тронѣ любовью создала.“

Никого Екашеріна не желала устрашать. „Европа,“ писала она къ Циммерману: „напрасно меня спрашишся.“

Вскорѣ узнали, что Европа должна была самой себя спрашишся.

Мудрость Екашеріны извѣстна была только пѣснѣмъ, которыя, по изреченію

Державина: *цмѣли взвѣшивать силу Росса и духъ Екатерины.* Любовь ея всѣмъ была видна.

Необычайныя событія оправдали дальновидность Екатерины.

Краснорѣчивый Историкъ Рюлберъ получалъ жалованье, чтобы писать прошивъ Екатерины; но и онъ признавался, что Фридрихъ Второй уважалъ правленіе Россійской Государыни. „Фридрихъ,“ говоритъ онъ: „смотрѣвшій равнодушно на политику, волновавшую Дворы Европейскіе, неусыпно старался постигать намѣренія Екатерины и вмѣнялъ себѣ въ достоинство угождать ей (*).“

Екатеринѣ предлагали наименованія *Великой, Мудрой и Матери Отечества.* *Мудрость* предоставила она Богу, *величіе дѣлъ* отдала на судъ потомства; по чувству сердечному приняла названіе *матери.*

Она желала бытъ любимой, и современники именовали ее: *одушевленныиъ милосердіемъ,*

Съ именемъ Небесъ и съ именемъ Екатерины, Рускіе воины бросали молніи въ Стамбулъ и буйный Крымъ.

Въ войну на Балтійскомъ морѣ, именемъ ея спасался непріятель изъ волнъ пучины.

(*) Часъ 2, стр. 164 и 166.

„Изъ волиъ зовуть къ Екатеринѣ,
Спасаясь именовъ ея.“

Подобно солнцу, сіяющему на лазурномъ сводѣ неба; разливала она радость возрѣніемъ крошкихъ очей своихъ.

„Ея возрѣніе—смершнымъ радость,
Улыбка—жизнь! . . .“

Она безсмертна любовью къ Россіи. Она безсмертна вѣщаніями благости и любви,—вѣщаніями, не произнесенными до нея устами ниодного изъ Владыкъ земныхъ. Она просила Бога не пережить счастья своего народа.

Вскорѣ послѣ Государя Павла Перваго, угасла на зарѣ прелестной жизни дочь его Александра Павловна. Слава Россіянкъ, гремѣвшая на долинахъ Италіи и на вершинахъ горъ Альпійскихъ, современна ея бракосочетанію и опрѣзду изъ Опечества. Ею скрѣплялся союзъ Россіи съ обласпями Германскими. Но что можетъ оградить отъ смерти неумолимой? Ни слава, ни очаровательныя надежды человѣческія, ни превосходныя качества души и ума. Всѣмъ надѣлена была дочь Павла и Маріи, всѣмъ—кромѣ обороны отъ смерти. Но нѣдра хладной могилы не скрыли души Ангела Вѣнецнаго. Она жива на поминаніями любви и привержености сердечной. Въ мгновенное пребываніе свое въ предѣлахъ *Венгеріи*, Александра Павловна умѣла по-

корить всѣ души, всѣ сердца. Когда снова возгорѣлась война съ Франціею, помогавшейся воздвигнуть владычество древняго Рима, тогда слышали воины Рускіе изъ устъ жителей Венгріи сіи слова незабвенныя: „Мы лишились доброй своей Государыни! Мы никогда ее не забудемъ; она была матерью народа. Никто при ней не почиталъ себя несчастнымъ. Вдовицамъ и сиротамъ была она вторымъ Провидѣніемъ. Для чего мы ее видѣли; для чего мы ее узнали; для чего она насъ такъ скоро оставила? Небеса опоздали ее опъ насъ!“

Между тѣмъ на двухъ отдаленныхъ краяхъ Европы предсавлялось зрѣлище, необычайное во вселенной. Уже счастливый воинъ, Наполеонъ, вступилъ на степенъ Перваго Консула, и вскорѣ потомъ на чреду Консула пожизненнаго. Великолѣпіе новаго Двора зашло прежнее Дворъ Франціи. Родные его, изъ праха возникшіе, ничтожество свое облекли пышностью непомѣрною. Роскошь и великолѣпіе поселились въ чертогахъ, захваченныхъ властолюбіемъ.

Въ самое то время, на берегахъ Невы въ древнихъ Царскихъ чертогахъ, обитали скромность, умеренность и всѣ добродѣтели, украшающія общества и Державы. 1802 г. уже Бонапартъ посягалъ на обладаніе вселенной, а Само-

держець Россіи въ томъ самомъ году въ мѣсяцъ Маіѣ предписывалъ: *отыскивать несчастныхъ въ собственныхъ ихъ жилищахъ.*

Уже въ стѣнахъ Двора Тюльерійскаго, безсмѣнный Консулъ, пресытившійся новымъ владычествомъ, домогался и Вѣнца и Престола и Порфиры.

Скромность Ангельская и неусыпное благошвореніе продолжали служить первымъ украшеніемъ чертоговъ града Пешрова. Мы и тогда видѣли, и теперь, говоря словами Поэты, видимъ Августѣйшую Матерь вдовъ и сиротъ:

... Въ красѣ благошворенья,
Сбдѣющую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, пишомидъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы и вѣшь—онѣ ласкаютъ мать!

Само Провидѣніе предложило очамъ народовъ сіи два зрѣлища прошивоположныя. Великолѣпному властолюбію пригошвляло оно паденіе, а скромнымъ добродѣтелямъ и Ангельскому благошворенію назначало славу и торжество.

Въ странѣ заграничной, въ странѣ *Мекленбургской* не спало и другой дщери Павла и Маріи, не спало Елены Павловны. Въ бытность Рускихъ воиновъ

въ сей области, жили Мекленбургскіе, указывая на гробъ, говорили и повторяютъ: *Здѣсь Ангелъ погребенъ; онъ вѣчно будетъ жить въ душахъ нашихъ!*

Наступилъ великій годъ испытанія; наступилъ тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ. Двинулъ ненасыпный власполюбецъ двадцать Царствъ въ одно Царство Руское. Мелькалъ въ очахъ его лучъ обманчивой надежды въ дни лѣтніе; все угасло при шумѣ зимнихъ бурь. Бѣжалъ Губитель челоуѣчества!

За предѣлами Опечесства развѣялись Рускія знамена подъ предводительствомъ Самодержца Россіи Выступилъ Онъ не для покоренія, но чтобы спасти Царства, потрясенныя и опдавать Царства похищенныя.

Но въ нѣдрахъ побѣдоносной Россіи являлись гибельныя слѣды разоренія. Дымились въ пожарномъ пеплѣ и мирныя селенія и города и градъ Престольный. вмѣстѣ съ кликами шоржесвенными сливались воздыханія и стонъ страдальцевъ, всего лишенныхъ и съ родныхъ пепелищъ гонимыхъ всѣми нуждами жизни безпріютной.

Стала на неусыпную стражу благошворенія Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, Супруга Защитника Россіи и Героя, успремившагося къ избавленію Державъ Европейскихъ. Состав-

вилось *женское Патриотическое общество*. Воины Рускіе пожинали новыя лавры; Россіянки осушали слезы скорби и спраданія.

Съ высоты Небеснаго Престола взиралъ Творецъ любви и милосердія на подвигъ Царя Россіи и на подвигъ Царицы. Тамъ изрекалось спасеніе народамъ; здѣсь возвѣщалось новое бытіе тысячамъ спрадалицевъ. Какая сугубая жертва Небесамъ! Та самая длань, которая всегда и невидимо подкрѣпляла и вдовъ и сиротъ и проспиралась повсюду, откуда доносилась вѣсть о скорби — та самая длань продолжала подвигъ свой и предъ лицомъ Бога и въ очахъ человѣческихъ.

Благословило Провидѣніе славу военную и славу благошворенія. Уже возспала Германія въ сіяніи первобытнаго своего существованія. Благодѣтельница и ушѣшительница спрадалицевъ, съ береговъ Невы, поспѣшила къ супругу въ предѣлы заграничный; поспѣшила, говоря спаринною Рускою рѣчью: *собственною рукою стертъ съ тела побѣдоноснаго славный потъ трудовъ великихъ*.

Какія воспоминанія! и онѣ будутъ сіять до полъ неизмѣнно, доколѣ солнце не угаснетъ во вселенной. Съ сими воспоминаніями сочетались и вѣра и слава Отчественная и спасеніе человѣчества и подвиги любви и милосердія.

Такая только слава мила современникамъ и любезна потомству.

Съ воспоргомъ воспоминающъ Рускіе воины о вниманіи къ нимъ Государыни, Великой Княгини МАРИИ ПАВЛОВНЫ. Въ области заграничной оживотворила она для нихъ спрану опечесвенную. Какъ нѣжная мать, заботясь о раненыхъ, она входила во всѣ подробности ихъ соспоянія и всего того, что могло доставить имъ душевную опраду. Она старалась еще, чтобы каждый имѣлъ ту пищу, къ копорой привыкъ на родинѣ. Воины, поступившіе въ службу изъ Сибири, Украйны и прочихъ Рускихъ областей, воображали, что они перенеслись въ родныя свои семейства. Ангельская благодѣтельность есть подлинное очарованіе: она оживотворяетъ и здоровье и душу и сердце.

Отъ знаменишой *Лейпцигской* битвы, воскресившей Германію въ Германіи, до перваго занятія Парижа союзными войсками, АЛЕКСАНДРЪ Первый, по чувствованію нѣжнаго сына, всѣ военныя извѣстія препровождалъ на имя Августѣйшей Родительницы Своей: за подвиги, предпріятыя ИМЪ и совершенныя къ зацщѣ Опечесства и освобожденію Европы, Провидѣніе доставило ЕМУ сладоснѣйшую награду, награду—радовать сердце Матери.

Что же дѣлала между тѣмъ чадолюбивая Мать, вездѣ воспоминаемая примѣрнымъ Сыномъ? Къ заботамъ о благошворительныхъ заведеніяхъ, процвѣтающихъ подѣ Ея покровомъ, Она присоединила новое упражненіе: Она пригошовляла собственными руками *медалю* и вручила ее Освободителю Европы, когда возвратился ОНЪ въ Отечество, озаренный славою побѣдъ и увѣнчанный торжествомъ добродѣтели и любви единой (*).

„Блаженный часъ! въ виду Героевъ бранныхъ,
Прославленный силеняется главой
Владыка-Сынъ предѣ Машерью-Царицей;
Да славу ихъ любовь благословишь.“

Уже два раза Рускія знамена развѣвались въ предѣлахъ Франціи; уже заключенъ былъ миръ, и державы Европейскія воспріали новое бытіе. Дщерь Павла и Маріи, Екатерина Павловна, учинилась супругою Короля Виртембергскаго. Въ новомъ Государствѣ новая Королева такъ привлекла къ себѣ сердца жипелей, какъ будто бы они привыкали любить ее отъ первыхъ дней ея рожденія. Съ любовью нѣжнейшей супруги и съ неупомимостию Королевы, учаспвовала она во всѣхъ трудахъ Супруга сво-

(*) Смощри Военныя письма, Часшь. 2, стр. 380.

его. Отъ сего единодушнаго согласія, Королевство Виртембергское ожидало всѣхъ пользъ, созидающихъ благо общее. Къ довершенію счастія Королевскаго Виртембергскаго Дома, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА уже была на пути къ *Штутгарду*. Уже по родственному чувствуванію заранѣе наслаждалась Она мыслию о радостномъ свиданіи. Но что значатъ всѣ наши оправдныя надежды на земномъ прахѣ? Сонъ и призракъ. Оставался одинъ шолько переѣздъ, и Императрица ЕЛИСАВЕТА узнала, что нѣтъ Королевы Виртембергской, что нѣтъ шой, копорую Она заочно видѣла и обнимала!

Не рѣдко вѣсть скорбная долепаетъ быстрѣе вѣсти радостной. Весь Петербургъ пораженъ былъ плачевнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Королевы Виртембергской: для одной Матери *мертвая была еще жива*. Недавно насладилаь Она свиданіемъ съ нею, недавно получила отъ нее письмо, недавно!... но и одинъ мигъ все уноситъ. Нѣжная дочь, прощаясь съ жизнію, не хотѣла поразить сердце Матери послѣднимъ прощаніемъ. Ослабѣвшею рукою писала она такъ, какъ будто бы въ полномъ цвѣтѣ быпія своего. Она была въ хладномъ гробѣ, а глаза Матери читали о жизни ея. Что же

почувствовало тогда сердце Матери, когда разсѣялась мгновенная Ея мечта? Никто того не перескажетъ, даже — и сердце материнское.

Такъ за всѣми поржествами земными слѣдомъ идутъ и скорбь и горесть! Но и смерть, часто разящая внезапно, не можетъ похитить того, что душа величественная передала любви и благодарности. Цѣпенѣлъ въ глубокомъ опчаяннѣи супругъ у гроба супруги; спонали жипели Виршембергскіе о пошерѣ шой, копорая польспила ихъ надеждою быть неизмѣнною ихъ матерью; оплакивала ее вся Россія, всегда дѣлящая и веселіе и скорби Царей своихъ. Въ Руской *Штутгардской* церкви оспалось все по прежнему, и все осиротѣло безъ Королевы. Въ стѣнахъ сего храма находися и Образъ, копорымъ Государь Императоръ въ послѣднѣй разъ благословилъ Сеспру Свою. На немъ изображенъ Свяшый Александръ Невскій; видны Нева, зимнѣй Дворецъ, и надъ ними радуга—свѣшное, но минушное украшеніе здѣшняго неба (*).

Отъ воспоминаній горестныхъ, неизбежныхъ въ семъ мѣрѣ, обратимся къ воспоминаніямъ пріятнѣйшимъ. Если шупъ не будетъ неразрывной связи исчисле-

(*) Смощри: Сшихощворенія В. Жуковскаго Часть 3, стр.

нія лѣтъ, то не измѣнится продолженіе связи душевной.

Не забудеть Кремль, сіе древнее и новое жилище нашихъ Царей въ градѣ Пресвольномъ, что въ стѣнахъ его, въ новомъ блескѣ возникшихъ изъ праха пожарнаго, узрѣлъ первый лучъ свѣта Первенецъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Павловича и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. Москва украшалась тогда присутствіемъ Царскаго Дома; весенняя природа начинала оживотворяшь прелестныя Московскія окрестности; праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія возносилъ сердца къ Небесамъ. Займемъ описаніе сего незабвеннаго случая изъ Поэма, воспѣвшаго рожденіе Порфиророднаго младенца.

„Москва жива! въ Кремль семья Царя!
 Народъ, тѣсняясь къ ступенямъ Алшаря,
 На Праздникъ Великому Воскресенья,
 Смиренно ждесть надежды совершенья,
 Ждесть милаго пришельца въ Божій свѣтъ!...
 О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
 Когда молва въ громахъ Москвъ сказала
 Исполненный Создателя обѣтъ!
 О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
 Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
 Тебя узрѣвъ, коленнопреклоненъ,
 Младый Отецъ предъ Матерью спасенной
 Въ жару любви рыдающъ, словъ лишенъ;

Передъ твоей невинностью смиренной
 Безмолвная Праматерь слезы льетъ!
 Уже Москва своимъ Тебя зоветъ!...“

Привѣщствовалъ въ лѣтніе мѣсяцы того же года возрожденный градъ Преспольный наслѣдника Скипетра Фридерика Второго, Короля Пруссіи, Фридерика Вильгельма Третьяго. Въ селѣ *Кунцовѣ*, возвышающемся на прекрасномъ берегу Москвы рѣки, Ихъ Императорскія Высочества Николай Павловичъ и супруга Его встрѣтили Великаго Госпя. Здѣсь обнималъ онъ зятя своего какъ сына, достойнаго всей сердечной его любви; здѣсь сердце опцовское снова ощутило радостное бѣненіе сердца нѣжной дочери. Казалось, что и природа учаспвовала въ семъ восхищельномъ свиданіи. Передъ тѣмъ, погода ненастная опуманивала живописныя окрестности; на другой день засвѣтилось солнце лѣтнее во всемъ блескѣ, и Москва разцвѣла въ полной своей красотѣ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ вступилъ Король въ древнюю Столицу, въ сопровожденіи Самодержца Россіи! Съ какимъ восхищеніемъ, обозрѣвая великолѣпные града, какъ будто бы никогда не спрдавашаго, Онъ вопрошалъ: *Какою же прежде была сія столица?* Но что ощутилъ Король-Отецъ, прибывъ въ стѣны Кремля, прибывъ къ колыбели младенца, внука своего? Тутъ

забыты были и власпъ и величіе; шупъ одно родспво торжествовало.

„Союзъ родства, союзъ священный,
Сосѣдство ушверждай Державъ!
Кумиръ, на время вознесенный,
Не разорвалъ законныхъ правъ.
Насилье въ мракъ исчезаетъ;
Но правда всегда сіяетъ.
Палъ властолюбца хитрый ковъ;
Вѣнецъ Царей—сердецъ любовь!“

Не забудетъ Отечество наше и градъ Пешровъ, что супруга Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна съ сердцемъ Россіянки вступила въ предѣлы Россіи, что на привѣтствіе опѣвчала словомъ Рускимъ и что въ нѣдрахъ Дома Царственнаго, до водворенія еще въ оный, заключала всю опраду и будущее счастье своей жизни.

Да сіяетъ непомерцаемымъ блескомъ Домъ нашихъ Царей, обладателей душъ и сердецъ!

И не померкнетъ никогда сіе солнце Россіи, соединенное съ подвигами любви и милосердія.

Подвиги *милосердія* и *воспитанія*, послѣ тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года, еще болѣе распространили поприще свое. Убѣжище вдовъ въ Москвѣ обязано существованіемъ своимъ ГОСУДА-

РЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ МАРІИ ѲЕОДО-
РОВНЪ. Изъ сего Богоугоднаго Дома
исходящъ *сестры милосердія*, къ вспомо-
моществованію болѣзненному и спраж-
дущему челоѳчеству.

Сколько новыхъ и общепольныхъ
заведеній учредились на берегахъ Невы
Покровительницею *Женскаго Патріо-
тическаго Общества* ГОСУДАРЫНЕЮ
ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ
АЛЕКСЪЕВНОЮ! Въ годъ испытанія,
сіе общество возстановляло быпіе по-
страдавшихъ отъ нашествія властолюб-
ца; нынѣ простираетъ оно длань благо-
дѣтельную къ неимущимъ для доставле-
нія имъ нравственнаго быпія. Нынѣ
Домы трудолюбія опроверзли для дѣ-
шей, которыя и въ первые годы жизни
своей исчезлибъ, можетъ быть, подъ
скорбнымъ бременемъ бѣдности.

По сердечному убѣжденію, можно
сказать, что нигдѣ воспитаніе не обла-
гошворено такимъ вниманіемъ, какъ въ
предѣлахъ любезнаго нашего Опечества.

Недавно градъ Преспольный наслаж-
дался присутствіемъ Героя *Ватерлоска-*
го. Недавно на берегахъ Невы, ИМПЕ-
РАТРИЦА МАРІА ѲЕОДОРОВНА снова
свидѣлась съ супругою сего Героя. Ея
Императорское Высочество Великая
Княгиня Анна Павловна возрасла подъ
надзоромъ нѣжной Матери: Ей служила

она нѣкогда единственною опрадою въ разлукѣ со всѣмъ Царскимъ Домомъ. У ней училась она священнымъ подвигамъ благошворенія, соединяющимъ душу съ челоуѣчествомъ и Небесами; съ нею въ безмятежномъ уединеніи занималась она трудами и работою, побѣждающими время и созидающими въ уединеніи міръ новый и очаровательный. Въ странѣ иноземной, сблизившейся родственнымъ союзомъ съ Россіей, явила она примѣръ воспитанія, основаннаго на правилахъ Вѣнценосной Матери-Наставницы.

Истинному воспитанію, сему въпорому бытію челоуѣка, вездѣ приносился дань душевнаго уваженія. Первосшепенные Англичане, узрѣвъ въ предѣлахъ своихъ Самодержца Россіи, наименовали ЕГО *благовоспитаннѣйшимъ Европейцемъ*.

Посвящая себя неусыпнымъ подвигамъ воспитанія, чего жалаютъ Вѣнченосныя Покровительницы онаго? Онѣ жалаютъ, чтобы изъ святилищъ общественнаго воспитанія въ нѣдра семействъ переходили всѣ добродѣтели; чтобы скромность была первымъ украшеніемъ юныхъ Россіянокъ; чтобы нѣжная заботливость о дѣтяхъ служила первою опрадою матерямъ; чтобы прихотливая роскошь не похищала того, что можно приносить въ даръ спраждущему

человѣчеству; чтобы пріятныя искусства разливали безмятежное удовольствіе въ кругу семейственномъ и опивлекали отъ вихря, уносящаго не рѣдко и душу и мысли. Словомъ: Онѣ желаютъ, чтобы умъ, обогащенный полезными знаніями, и сердце, оживотворенное нравственнымъ бытіемъ, всѣ движенія, всѣ побужденія свои посвящали дѣяніямъ, увѣнчавающимся любовью и благодарностію.

Предстоитъ очамъ Россіянокъ, предстоитъ живое руководство къ всѣмъ подвигамъ, украшающимъ челоуѣчество; оно заключается въ примѣрахъ ихъ Царицъ.

22 Іюня 1825 года.

Москва.

II.

ЧЕРТЫ

изъ

ЖИЗНИ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Петръ Первый собственною рукою начерпалъ весь постепенной ходъ ученія для сына своего Алексѣя Пепровича. Не сбылись Его ожиданія отъ того, что на землѣ не было и нѣтъ совершеннаго счастья.

Но Петръ всегда былъ счастливъ чувствованіями небесными: Вѣрою и надеждою на Провидѣніе

Онъ былъ примѣрнымъ сыномъ своего времени. Теофанъ свидѣтельствуетъ, что, повинувшись мапери, онъ забывалъ и себя и свой царскій санъ, и помнилъ одинъ только долгъ сыновній.

Примѣрный сынъ сталъ примѣрнымъ Царемъ, и во всѣхъ предѣлахъ вселенной, куда только доходилъ о немъ слухъ, Онъ наименованъ *Великимъ*.

Величіе добродѣтели есть несомнѣнный залогъ славы.

Первый подвигъ неуспрашимости явилъ Петръ въ защищеніи мапери своей Напаліи Кириловны.

Сильный царедворецъ домогался удалить изъ царскихъ черпоговъ Царицу На-

талію. ПЕТРЪ спѣшилъ къ престолю брата своего Θεодора и именемъ Отца своего вступається за гонимую добродѣшель.

«Если по волѣ твоей, сказалъ онъ въ слезахъ Θεодору, переселяютъ насъ въ другой домъ: Государь! переходи съ нами, будь охранителемъ моей матери, Богъ и отецъ мой поручили ее своему покрову. А я, слабый отрокъ, что я могу для нее сдѣлать? Съ тобою господъ жишь вездѣ; а изъ дома отца моего и изъ палатъ моего брата никуда не перейду.»

И потомъ, обращаясь къ царедворцамъ, прибавилъ: «Или я не сынъ Державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому отца моего нѣтъ?»

Герой, защитникъ матери, былъ вездѣ Героемъ.

«ПЕТРЪ, говоритъ Теофанъ: есть наша слава, копорою до скончанія міра Россійскій родъ хвалишься не прешаешь.»

Послушный сынъ показалъ и первый примѣръ *второй души* военной службы. Первая душа Вѣра; вторая повиновение.

Одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ: «Чтобы со славою намъ въ службѣ показаться: Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.»

Царь ПЕТРЪ былъ и *рядовымъ*;— Онъ все прошелъ, все узналъ самимъ со-

бою и вникалъ во всѣ нужды человѣческія.

«Вошъ отъ чего войско, по словамъ Теофана, учившееся еще *букварю* военного искусства, вскорѣ вступило въ брань съ непріятелемъ, который вездѣ однимъ звукомъ оружія своего наносилъ страхъ и трепетъ.»

Не къ себѣ, но все къ Богу относилъ ПЕТРЪ Первый и Великій. Передъ походомъ говорилъ Полководцамъ и войскамъ: *Идите съ Божіею помощію*. Увѣнчавшись успѣшнымъ окончаніемъ войны, Онъ вѣщалъ: *Сему одинъ Богъ руководителемъ былъ*.

Для Россіи простиралъ Онъ къ шруду державныя руки свои. Трудисься и живишь для ПЕТРА было подвигомъ нераздѣльнымъ. Но во всемъ, забывая свою личность, Онъ говорилъ: *трудитесь для Бога*.

Много было древнихъ и новыхъ изреченій о драгоцѣнности времени. Но никшо лучше ПЕТРА не опредѣлилъ ему цѣну. *Пропущенное время, писалъ онъ, смерти подобно; оно невозвратно*.

Правосудіе ПЕТРА Перваго нераздѣльно было съ человѣколюбіемъ.

Около того времени, когда Карлъ XII впоргшись въ предѣлы Россіи, увѣрялъ, что онъ *только въ Москвѣ будетъ договариваться съ Петромъ о*

мирѣ: въ то самое время отъ Короля Шведскаго прибылъ въ Воронежъ нарочный для закупки лѣкарствъ. ПЕТРЪ Первый узналъ о томъ и далъ полное разрѣшеніе покупать врачебныя пособія.

«Много, говоритъ *Татищевъ* въ духовномъ своемъ завѣщаніи сыну: много я прешерпѣлъ зла отъ мсихъ недоброжелателей. Но правдолюбивый Государь ПЕТРЪ Первый, по прозорливой внимательности своей, усмотрѣвъ мою невинность, не только уничтожилъ на вѣпы клеветниковъ, но и взыскалъ меня высокими своими милостями. Правда воспоржествовала, а клеветники посрамылись. Сей Великій Государь показывалъ великолѣпіе свое одними дѣлами.»

Кто были наставниками ПЕТРА Перваго? Въ Опечесствѣ нѣжная мать; въ Европѣ всѣ царства Европейскія. Научась подъ руководствомъ умной матери все наблюдать, все поминать, перенимать все полезное, онъ собственнымъ попомъ соображеніемъ превратилъ для себя въ ученіе все, что видѣлъ, и въ училища всѣ мѣста, гдѣ былъ.

«ПЕТРЪ, говоритъ *Феофанъ*, не учился ни въ какой школѣ, ни въ какой Академіи. Но Академіями ему были грады и страны, республики и Монархіи, и дома царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ: учили были ему, хотя и сами про то

не вѣдали: Послы и путешественники и угощавшіе его Государи и Правители.

Книги историческія были любимымъ его чтеніемъ. Изъ сего прилѣжнаго чтенія усмотрѣлъ онъ, что созидаетъ крѣпость и силу Державъ. А пошому и говорилъ: «Не о себѣ помышляю я; пусть только живетъ Россія вѣрою и благочестіемъ.»

Сія жизнь есть неизмѣнное бытіе царствъ и народовъ.

И такъ повторимъ незабвенныя слова *Феофана*, одного изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ *Петра Великаго*. «*Петръ*, говоритъ онъ, *оставляя насъ, не оставилъ насъ.*»

Онъ жилъ и живетъ въ попомкахъ своихъ:

Онъ живъ!

«Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ,
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Природу духомъ превосходитъ;
Герой въ моряхъ и на земли (*).»

Онъ живъ!... дѣла не умираютъ.

(*) Ломоносовъ.

III.

СПОСОБЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО УЧЕНІЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ЕКАТЕРИНОЮ Второю.

Разсказывають, что *Аменофисъ*, а по мнѣнію другихъ *Мелнонъ*, опецъ знаменишаго *Сезостриса*, всѣхъ дѣтей, родившихся въ одинъ день съ его сыномъ, приказалъ привести въ чертоги свои. Воспитывая ихъ съ попечительностію нѣжнаго отца и соединяя ихъ единодушіемъ и единомысліемъ, онъ старался доставить сыну своему ревностныхъ воиновъ и усердныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Екатерина Вторая болѣе сдѣлала. Тѣ самыя наставленія, копорыя предлагала Она и печатала для Порфирородныхъ Внуковъ своихъ, тѣ самыя животворительныя правила издала Она вновь въ общенародномъ букварѣ.

Она хотѣла отдать всѣ сердца и всѣ помышленія народа Вѣнценоснымъ Внукамъ, неощеннымъ Ея сердцу.

Предложимъ сокращенно нѣкоторыя изреченія и правила, излившіяся изъ души Екатерины Великой. Душа не умираетъ, а правила изъясляютъ основаніе дѣяній.

Вопросъ. Что такое должность родителей или хозяевъ?

Отвѣтъ. Исправлять дѣшей, указывать имъ хорошіе пути, учить полезному; остерегать отъ дурнаго, представлять имъ ихъ должности, чтобы они послѣ не сказали: *вы насъ не исправляли; вы насъ не учили; вы насъ не остерегали; вы нами не показывали, какими надлежало намъ идти путями.*

Одинъ Богъ совершенъ.

Всякое дитя родится не ученымъ.

Дитя до семи лѣтъ *младенецъ*, послѣ семи *отрокъ*, а послѣ пятнадцати *юноша*.

Отъ родителей человекъ принимаетъ и получаетъ первое благодѣяніе.

Пріянно видѣшь отъ брата любовь, отъ друга пріязнь, отъ Государя милость.

Милосердіе, прощая личныя обиды, приноситъ даръ человечеству.

Всю силу и преимущество свое употребляй къ вспомошествованію, а не къ угнѣтенію слабыхъ.

Доброе сердце склонно къ милосердію и снисхожденію; сердце *тѣсное* не способно къ широкости и умѣренности.

Щедрость не считаешь; она даетъ одною рукою безъ вѣдома другой; она вездѣ находитъ случай давать, а чтобы

братъ, того и на мысль ей не приходивъ.

Великодушіе сообщаютъ сіяніе всему, къ чему прикасається; скромность сопутствуетъ ему въ счастіи, а въ злополучіи терпѣніе и умѣренность.

Гордость есть несмысліе.

Веселивъ взоры свѣтлое солнце, вдругъ блеснувшее; еще болѣе радуешь душу чловѣкъ благодѣтельный.

Всего пріятнѣе видѣть чувствительную душу, милующую чловѣчество:

IV.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА АМВРОСІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОСКОВСКАГО.

Амвросій, преслѣдуемый толпою, ослѣпленною яростію и обуянною виномъ, поспѣшилъ въ церковь. Бунтовщики и шуда ворвались. Видя неминуемую гибель, спрададецъ приблизился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна и воздѣвъ руки къ жертвеннику, со слезами возопилъ: *Господи! остави ихъ; не вѣдятъ бо, что творятъ; не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ: и яко же смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако нынѣ*

смертію моею да укротится волненіе сего свирѣпствующаго народа.

Такъ вѣщаль Пастырь великодушный и испилъ чашу смерти.

У.

ЖЕРТВА,

ПРИНЕСЕННАЯ МОСКВѢ

Графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ

Орловымъ.

1771 года Москва спрадала и отъ мороваго повѣтрія и отъ безрасуднаго воленія народа, въ слѣдствіе котораго погибъ ревностный Пастырь церкви *Амвросій*. Въ сихъ обстоятельствахъ, Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, обрекая жизнь свою въ жертву для пользы общей, добровольно вызвался ѣхать въ Москву. Екатерина Вторая, бывшая тогда въ перепискѣ съ *Волтеромъ*, извѣщала его о семъ случаѣ слѣдующими словами: «Хотя Я и согласилась на усиленную просьбу Графа Орлова, но не безъ огорченія. Знаю, какой онъ подвергается опасности.»

Волтеръ отвѣчалъ: «Графъ Орловъ учинилъ истинно геройскій подвигъ. Великодушное его намѣреніе должноствовало поколебать ваше сердце, волнуемое страхомъ и пораженное удивленіемъ. Но удивленіе для васъ есть чувство самое обыкновенное: ибо великія дѣла вамъ болѣе всѣхъ свойственны.»

Графъ Григорій Григорьевичъ увѣнчался славою необычайною. Зависитъ безмолвствовала, а благодарные современники въ полной мѣрѣ оцѣнили великодушный его подвигъ. Одинъ изъ тогдашнихъ первостепенныхъ духовныхъ, приѣхавъ въ Графа съ Новымъ годомъ, препроводилъ къ нему изъ Москвы въ Петербургъ слѣдующее достопамятное письмо:

«Оставя, Ваше Сіятельство, Москву, вы оставили въ сердцахъ всѣхъ ея жителей чувствительнѣйшее сожалѣніе о разлученіи съ вами. Вашими отличными добродѣтелями и благодѣяніями вы плѣнили всѣхъ души. Вы, пребывая съ нами, исполнили все то, что составляетъ вѣрноотеческии духъ. Вы соответствовали должности честнаго человека, оказавъ ближнимъ своимъ столь великіе знаки человеколюбія. Вы по справедливости заслужили имя ревностнаго гражданина, принося свое счастье на жертву общему благополучію и подвергая себя той опасности, отъ кото-

рой избавили своихъ согражданъ. Вы своимъ примѣромъ доказали долгъ истиннаго Христіанина, сохранивъ тѣ правила, на коихъ основывается законъ Божій и любовь къ роду человѣческому. Вы своимъ повиновеніемъ, исполняя Высочайшія повелѣнія Августѣйшія нашея Самодержицы, изъявили новой опытъ по добродѣтели, которою прямые сыны Отечества обязаны своимъ Монархамъ. Вамъ должно отдатьъ честь величайшаго геройства, потому что вы не имѣли ничего себѣ предметомъ, кромѣ блаженства своихъ соотечественниковъ; ни цѣною, кромѣ сохраненія ихъ жизни. Сократъ видѣлъ и оплакивалъ несчастіе своего отечества; а вы, узрѣвъ печальную Москву, отерли слезы ея обидѣтелей и возвратили прежнее ихъ благосостояніе. Симъ образомъ вы оплестили себя отъ обыкновенныхъ людей, симъ обязали все общество, которое не остается къ вамъ безъ признанія. Та же самая сила благодарности наполняетъ и мои чувствованія. Къ открытію оныхъ подаетъ мнѣ побудительную причину самое начало Новаго года. Я и всѣ вообще увѣрены, что съ печеніемъ лѣтъ произтекутъ еще сугубыя отъ васъ для любезнаго Отечества благотворительныя услуги. И такъ съ умноженіемъ вре-

менѣ умножился еще болѣе истинная
къ вамъ благодарность.»

 VI.

С М Е Р Т Ъ

Г Е Н Е Р А Л А В Е Й С М А Н А .

18 Юля 1773 года напалъ на Русскихъ за Дунаемъ *Черкесъ-Паша*. Въ тоже время зашелъ намъ непріятель въ шылъ прошивъ самой ущелины *Дервентъ*. Главная часть войска и Пошемкинъ оспались за ущелиною. *Вейсманъ* полетѣлъ на враговъ. Нападеніе было порывистое, сопротивленіе упорное. Густой лѣсъ и узкая тропинка раздѣляли Русскихъ и Турокъ. Русскіе, которые, по словамъ Ломоносова, *проходятъ вездѣ*, гдѣ только въпры могутъ дуть, прорвались сквозь чащу лѣса и выстроились на удобномъ мѣстѣ. Турки, мечшая о вѣрной побѣдѣ, не препятствовали движению нашему. Ихъ было вчетверо болѣе. Русскіе успремились *кареемъ*; конница Турецкая мчалась имъ въ лице, а съ горы гремѣли двадцать чепыре орудія. Конница непріятельская, раздраженная опважностію Русскихъ, окружила первый ихъ *фасъ* и шылъ; а пѣхоша Турец-

кая видя, что нашимъ пресѣчено оп-
спупленіе, ринулась въ десяти тыся-
чахъ съ нагорнаго укрѣпленія и ударила
на передніе полки и на лѣвое крыло, пѣс-
ня и конницу нашу, прижавшюся къ^г пѣ-
хопѣ. Со всѣхъ сторонъ раздалось :
Алла! Конница Турецкая пѣснила пыль,
пѣхопа врывалась въ каре. Гдѣ болѣе
опасности, тамъ сильнѣе воспламеняеш-
ся духъ истинныхъ героевъ. Генералъ
Вейсманъ и Полковникъ *Клипка* вос-
кликнули: «солдаты Мапушки нашей ЕКА-
ТЕРИНЫ Второй! воины Задунайскіе! съ
нами Богъ! впередъ: умремъ или побѣ-
димъ! Намъ мало; но Русскіе не привык-
ли считатьъ враговъ.» Загремѣло: ура!
Тронулись, двинулись, устремились пол-
ки Русскіе. Конница наша, съ помощію за-
пасныхъ опрядовъ и пушекъ, погнала
конницу Турецкую. Воздухъ огласился
кликами побѣдоносными. Но, какъ не-
надежны всѣ шоржества въ семъ мірѣ
превратномъ! Между пѣмъ, когда Рус-
скіе привѣтствовали другъ друга съ но-
вою славою, Герой *Вейсманъ* низверг-
ся въ мракъ смерти въ сіяніи побѣды
своей.

Державинъ увѣковѣчилъ сей случай
въ *Водопадѣ* своемъ въ слѣдующихъ сти-
хахъ:

«Когда багровая луна
«Сквозь мглу блистаетъ темной ночи,

«Дуная мрачная волна
 «Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
 «Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
 «И слышенъ стонъ—что Турокъ мнитъ.
 «Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
 «Ему еще штыки блестятъ;
 «Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
 «Вкругъ гроба *Вейсмана* лежатъ.»

Воины Русскіе уважали Героя *Вейсмана* за личную его храбрость и за любовь къ подчиненнымъ. Были у него завистники, но онъ всѣмъ усердствовалъ отдать справедливость. Ни одинъ подвигъ вѣренныхъ ему воиновъ не укрывался отъ его вниманія. Себя умѣлъ онъ забывать, а другихъ всегда помнилъ. После смерти нашли въ мундирномъ его карманѣ списокъ *отлитившихся* въ прежнихъ битвахъ. *Вейсманъ*, такъ сказать, приближалъ къ сердцу всѣхъ подвижниковъ своихъ. Славна была его смерть и незабвенно уваженіе его къ заслугамъ другихъ. Безпристрастіе есть добродѣтель трудная; но она была главною добродѣтелью *Вейсмана*.

VII.
УМНЫЙ ОТВѢТЪ
АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА.

Всѣмъ извѣстно, какому жребію подвергся Густавъ Третій, напавъ внезапно и безъ объявленія войны на Россію. Извѣстно, что онъ уже приглашалъ своихъ любимцевъ на торжество въ Сѣверную Столицу. Но сей случай послужилъ только новымъ подтвержденіемъ, что Россія всѣмъ была готова жертвовать Екатериной, своей нѣжной Матери Отечества. Слава Екатерины заблистала на сушѣ и на морѣ. Крузъ и Чичаговъ опразили сильный Шведскій флотъ. Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго *Принцъ Карлъ*, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: «мы ошиблись въ расчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости.» Чичаговъ отвѣчалъ: *на это была воля Великаго Хозяина міра.*

VIII.

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА,

или

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ; ЗАСЛУГИ ЕГО
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИЗОБРА-
ЖЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ ЕГО КА-
ЧЕСТВЪ.

Страсть къ ученію.

Рѣшительная спрѣспь къ ученію все преодолѣваетъ. Не рѣдко среди изобилія и блестящихъ даровъ счастья тщетны бывають всѣ труды, прилагаемые о воспитаніи; но часто, весьма часто случается, что и подъ кровомъ убогой хижины, при недостаткѣ всѣхъ способовъ къ обогащенію понятія, способности ума возникаютъ, разпространяются съ силою и производятъ необычайныхъ людей въ лѣтописяхъ Словесности и наукъ. Рѣшительнымъ сему у насъ примѣромъ служишь *Михайла Васильевича Ломоносовъ*.

Ломоносовъ родился 1711 года, то есть въ то самое время, когда ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ часъ отъ часу болѣе преобразовалъ Россію и учреждалъ въ предѣлахъ ея полезное ученіе, ремесла и искусства. Родина его въ деревнѣ Даниловской, въ

Куропатовской волости, въ Двинскомъ уѣздѣ, на острову, неподалеку отъ Холмогоръ.

Хотя отецъ его былъ проспымъ государспвеннымъ креспьяниномъ, но отличался понимемъ оспрымъ и изобрѣшательнымъ. Онъ первый въ своемъ краю на образецъ Европейскій соорилъ, оснастилъ *галіотъ* и назвалъ его *Чайкою*. На семъ новомъ суднѣ пускался онъ въ Бѣлое море и въ пространсво *Океана*; развозилъ на немъ казенные и частные запасы отъ города *Архангелска* въ *Пустозерскъ*, въ *Соловецкую* обитель, въ *Колу*, въ *Кельдинъ*, по берегамъ *Лапландіи* и на рѣку *Мезень*. Юный Ломоносовъ съ десяти лѣтъ и до шестнадцати былъ неразлучнымъ спутникомъ своего отца.

СИЛА НАБЛЮДЕНІЯ.

И такъ Ломоносовъ спранспвовалъ; но сего не довольно: онъ умѣлъ все наблюдать, онъ приучался все соображать, — а въ такомъ смыслѣ *путешествіе есть наука*.

Зрѣлище величеспвенной и грозной природы было первымъ наспавленіемъ Ломоносова. Не изъ книгъ учился онъ познавать и наблюдать различныя

измѣненія, величіе, красоты и ужасы природы; онѣ обозрѣвалѣ все глазами своими и въ отроческомѣ его понятіи напечатлѣвались иѣ картины, которыя въ зрѣломѣ возрастѣ не черталѣ онѣ безсмертною кистью.

Великое различіе между собственнымѣ наблюдениемѣ природы и списываніемѣ ея съ изображеній другихѣ. „Знаменимый *Фенелонѣ*,“ говоритѣ одинѣ изѣ его соотечественниковѣ: „переселилѣ въ *Телемака* природу, видѣнную имѣ въ твореніяхѣ *Гомера* и *Виргилія*. Описанія его прекрасны; но въ нихѣ видно подражаніе, а не творческая кисть (*).“

СООБРАЖЕНІЕ ОТРОЧЕСКАГО НАБЛЮДЕНІЯ СЪ ОПЫТАМИ ЗРѢЛЫХЪ ЛѢТЬ.

Мы пишемѣ жизнь Ломоносова для пользы воспитанія, слѣдственно и почитаемѣ долгомѣ предложить нѣкоторыя изѣ тѣхѣ стихотворческихѣ изображеній, которыя заимствовалѣ онѣ первоначально изѣ отверстой книги природы.

(*) Смощи *Дюсолевы* Записки о Французской словесности, часмѣ I, стр. 95.

Онѣ видѣлъ въ юности своей бури
морскія и бури Океана; онѣ видѣлъ яростную
борьбу моря съ небесами;—и
начерпалъ оную въ сихъ стихахъ:

„Намѣ въ оноу ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.“—

Онѣ видѣлъ незаходящее лѣтнее
солнце у береговъ Сѣвернаго Океана и
представилъ сіе великолѣпное явленіе
такимъ образомъ:

„Достигло дневное до Полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенная гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.“

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ И ПОСТЕПЕН- НЫЕ УСПѢХИ ЛОМОНОСОВА.

Между тѣмъ рвеніе къ ученію часъ
отъ часу болѣе усиливалось въ сердцѣ
юнаго Ломоносова. Спрямленіе духа его
не могло ограничиться одними наблю-
деніями природы; онѣ хотѣлъ не толь-
ко знать, но и желалъ предлагашь дру-

гимъ по, что видѣлъ и что зналъ. Умамъ превосходнымъ нужно только указать стезю къ поприщу ученія: они сами утвердятся на немъ, распространятъ и озарятъ оное славою. Такъ сбылось съ Ломоносовымъ. Первымъ его наставникомъ былъ одинъ изъ сельскихъ церковнослужителей, который, говоря простыми словами, научилъ его *Русской грамматѣ*; далѣе сего не простиралось его знаніе. Ломоносовъ самъ собою ознакомился съ *простою Арифметикою*; слѣдственно онъ собственнымъ соображеніемъ изобрѣталъ значеніе и сочетаніе чиселъ. Первоначальною его Словесностію было чтеніе книгъ церковныхъ и возбудило въ немъ охоту знать и языкъ *свѣтской Словесности*. Онъ домогался отыскивать свѣтскія книги, и не находилъ, ибо ихъ тогда весьма малое число было. Слыша же отъ сельскаго своего наставника, что языкъ древнихъ Римлянъ споспѣшествуетъ къ успѣхамъ ученія, онъ желалъ знать и сей языкъ;—онъ желалъ знать все, что питаетъ умъ и душу.

Л О М О Н О С О В Ъ

ДОСТИГАЕТЪ 17 ЛѢТЬ И ОСТАВЛЯЕТЪ
ОТЦОВСКІЙ ДОМЪ.

Влекомый непреодолимою стра-
стію къ ученію, юный сынъ рыбака
бѣжалъ отъ отца своего и среди мно-
голюдной Москвы очутился сиротою
безпріютнымъ. Обращая слезящія очи къ
ближайшей церкви, съ глубокою душев-
ною скорбію молилъ онъ Отца отцевъ
быть охранителемъ юноши безпокров-
наго и неопытнаго.

Счастливыи случай привелъ его въ
Законоспаское училище. Зная, что
тамъ не принимаютъ состоящихъ въ
подушномъ складѣ, онъ выдалъ себя за
сына дворянскаго.

Вскорѣ недоспащочно стало для него
и Законоспаское собраніе книгъ. Онъ
отправился въ Кіевъ, надѣясь тамъ по-
черпнуть свѣдѣнія въ Математику, Фи-
зику и Философіи; но Кіевскіе учителя
спорили о доводахъ Аристотеля, ниче-
го сами не наблюдали, а потому и не
могли предложить ничего основатель-
наго. Говорятъ, что знаменитый Тео-
фанъ Прокоповичъ, любя Ломоносова
за рвеніе его къ полезному ученію и уз-
навъ о подлинномъ его состояніи, ска-

залъ: „Не бойся ничего; я твой защитникъ.“

Не встрѣпя въ Кіевѣ, чего желалъ, Ломоносовъ воспользовался однако тамъ чпеніемъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ, и Греческихъ и Лашинскихъ рукописей.

Снова возвратился онъ въ Москву, и 1734 года отправленъ былъ въ Санктпетербургскую Академію. Тамъ разпространилось поприще его познаній и опшуда посланъ онъ былъ въ чужіе край подъ руководство просвѣщеннѣйшихъ мужей того времени. Сынъ простаго рыбака, рожденный въ отечествѣ снѣговъ и бурь, доказалъ въ предѣлахъ иноземныхъ, что бури зимнія не оспанавливаютъ полета ума и не стѣсняютьъ душевныхъ способностей. Собственнымъ опытомъ убѣжденный въ истинѣ, Ломоносовъ въ одной изъ Одъ своихъ въ слѣдующихъ стихахъ взываетъ къ юнымъ Россіянамъ, посвятившимъ себя наукамъ:

„О вы! которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣшь шаковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ:
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показашь,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ

И быстрыхъ разумомъ *Невтоновъ*
 Россійская земля раждашь.“

Графъ *Бюфонъ* называетъ превосходное дарованіе *плодомъ нецѣтолимаго терпѣнія*. Безспорно, что одно терпѣніе не доставитъ дарованія; но истинное дарованіе чѣмъ далѣе простираетъ ходъ свой, тѣмъ болѣе видитъ, чего ему недостаетъ: а потому оно и нераздѣльно съ терпѣніемъ. Умирающій *Виргилій* завѣщавалъ, чтобы сожгли послѣднія шесть пѣсенъ *Енеиды*, говоря: что онъ не успѣлъ еще ихъ отработать по желанію своему.

„Какимъ образомъ,“ спрашивали у *Невтона*: „постигъ онъ тайну печенія свѣтилъ небесныхъ?“ — *Непрестаннымъ о томъ размышленіемъ*, опивчалъ онъ.

ПРАВСТВЕННЫЯ ЧЕРТЫ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЙ
 ЛОМОНОСОВА.

М и р о л ю б и е.

Предрекая будущую славу сыновъ Россіи, копорымъ судьба опредѣлила гремѣть и на цвѣтущихъ поляхъ *Италіи* и на грозныхъ вершинахъ подоблач-

ныхъ горъ Альпійскихъ , Ломоносовъ
восклицаетъ:

„Чтобы орловъ сдержатъ полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ одвы, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія сени,—равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ душъ,
Тамъ пролетятъ полки орлины.“

Но изображая пламенною кистию
воинскій духъ Россіянъ, онъ не былъ
другомъ войны и ненавистникомъ чело-
вѣчества. Онъ зналъ, что война не
спрашитъ его соотечественниковъ ,
но всегда и вездѣ отдавалъ предпочте-
ніе благословенному миру, осѣняющему
счастіе народа и всѣ прелести наукъ.
Вотъ слова его:

„Хотя счастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.“

ЛЮБОВЬ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ.

Звучными струнами лиры своей
Ломоносовъ прославлялъ подвиги Россіянъ
въ семилѣтнюю войну, но въ той же одѣ
излилъ нѣжнѣйшее чувствованіе о жре-

біи челоѵчестѵа, поражаемаго ужасами войны. Плакивая горестный жребій спраждущаго челоѵчестѵа, онѵ гово- рить:

„Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой шавѵ?
Еще ли мало ушомились
Житейскихъ шагостью бременѵ?“

СОСТРАДАНИЕ КЪ БЛИЖНИМЪ.

Превосходство ума писателя и громкая его слава не увѵковѵчатѵ въ сердцахъ его имени, если онѵ былѵ чуждѵ состраданія къ жребію ближнихъ. Испытавѵ отѵ юности лѵшѵ всѵ нужды и всѵ превратности судьбы, Ломоносовѵ особенно выхваляетѵ Елисавету за *вспоможеніе добродѵтельной скудости и возстановленіе несчастіемѵ разоренныхъ.*

СИЛА ОБОДРЕНІЯ.

Находя въ лицѣ И. И. Шувалова покровителя и друга, и чувствуя силу благодарительнаго ободренія, Ломоносовъ и самъ старался подкрѣплять и ободрять юныхъ любителей Словесности. Проспья слова его изъ письма къ Шувалову о Поповскомъ покажутъ всю доброту его сердца. „Получивъ“ писалъ онъ отъ 26 Юля 1753: „отъ студента переводъ перваго письма Попіева Опыта о чловѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни одного спиха, копорый бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили.“

УСЕРДІЕ КЪ ДОБРЫМЪ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Не однимъ соотечественникамъ нашимъ, но и всѣмъ, кто живетъ въ родномъ нашемъ краю, мы должны извѣлять сердечное привѣтствіе. Жителю ли знойныхъ странъ Африки, или выходца

изъ дикихъ лѣсовъ Америки видимъ падающаго въ глазахъ нашихъ,—поспѣшимъ подать ему руку помощи: онъ нашъ гость, онъ спалъ нашъ ближній. Изъ отечества людей, одаренныхъ сердцемъ и душою, каждый посѣпитель долженъ возвращаться съ сердцемъ благодарнымъ и съ доброю молвою. Ешаго желали наши предки, ешаго и мы желаемъ. Любя своихъ, Ломоносовъ любилъ и чужеземцевъ, посвящавшихъ Россіи ревностныя и усердныя свои труды. Смерть почтеннаго Профессора *Рихмана*, убишаго громомъ при испыпаніи *электрической силы* 26 Юля 1755 года, поразила его несказанною скорбію. Въ слезахъ и въ душевномъ сокрушеніи ходатайствовалъ онъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Шувалову за семейство покойнаго Профессора въ сихъ сердечныхъ словахъ: „Профессоръ *Рихманъ* умеръ прекрасною смертію, исполняя по званію своему должность свою. Память его никогда не умолкнетъ; но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая окола полугода, какъ обѣ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый

помощникъ, чтобы вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего, маленькаго *Рихмана*, могла воспитывать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ отецъ. Ему жалованія было 860 руб. Милостивый Государь! исходатайствуйте бѣдной вдовѣ или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое.“

ИСТИННОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ УКРАШАЕТСЯ СКРОМНОСТІЮ.

Ломоносовъ далеко просперся умомъ на поприщѣ познаній человѣческихъ; онъ парилъ воображеніемъ и зоркимъ и наблюдательнымъ окомъ своимъ проницалъ въ тайны природы. Онъ предпочтяетъ природу *великолѣпному храму счастія теловѣческаго*: и дѣйствительно умъ, познающій изъ устройства творенія мудрость Творца, наслаждается истинною опрадою. Обозрѣвая различныя отрасли наукъ, Ломоносовъ называлъ *Химію* первою предводительницею къ изслѣдованію разнородныхъ частей видимыхъ тѣлъ; онъ писалъ о воз-

душныхъ явленіяхъ: онъ изслѣдовалъ дѣйствіе молніи и громоносныхъ пучъ; онъ прежде Американскаго уроженца *Вениамина Франклина* разсуждалъ о силѣ *электрической*; онъ разсуждалъ о происхожденіи свѣта; писалъ о рожденіи металловъ и о большой почности морскаго пути; онъ первый сочинилъ у насъ книгу о сокровищахъ, тающихся въ недрахъ земли, или о *Металлургіи*, которую называлъ предводительницею къ внутреннему богатству. Онъ все старался узнать и изслѣдовать; и еще болѣе увѣрялся, что человекъ то только можетъ знать, до чего дозволено доходить уму его. Онъ испыталъ и доказалъ, что истинное просвѣщеніе нераздѣльно съ искреннимъ сознаніемъ въ слабости и ограниченности нашего ума. Онъ видѣлъ, что изслѣдованіямъ нашимъ положенъ предѣлъ; онъ увѣренъ былъ, что все знаніе принадлежитъ одному Творцу вселенной, а потому и обращается въ сихъ словахъ къ испытателямъ природы:

„ О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уславъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажете, что насъ такъ мямлетъ?

Сомнѣній полонѣ вашѣ отвѣтъ
 О томѣ, что окрестѣ ближнихъ мѣстѣ;
 Сважишежь: коль пространенѣ свѣтъ?
 И что малѣйшихъ далѣ звѣздѣ?
 Несвѣдомѣ тварей вамѣ конецѣ;
 Сважишежь: коль великѣ Творецѣ?

Т Е Р П Ь Н І Е

„Прежде соверши подвигѣ свой, а
 попомѣ ожидай награды“ говорятѣ опыш-
 ные люди всѣхѣ вѣковѣ. То же и у насѣ
 говорили: „*Конецѣ вѣнчается дѣло.*“ Но
 чтобѣ дожидаться сѣ успѣхомѣ сего бли-
 стательнаго конца, то надобно пере-
 носить сѣ терпѣніемѣ всѣ непріятнос-
 ти и даже всѣ препятствія.

Разсказываютѣ, что надѣ юнымѣ
 Ломоносовымѣ смѣялись его товарищи,
 видя, что онѣ вѣ семнадцать лѣтъ при-
 нялся за азбуку иностранныхъ языковѣ.
 Не хорошо поступали товарищи его,
 но хорошо дѣлалѣ Ломоносовѣ, что
 учился Греческой и Латинской азбукѣ,
 помня простую пословицу: „*Вѣкѣ живи,
 вѣкѣ учись.*“

Не рѣдко терпѣніе бываетѣ горько,
 но за то плодѣ его всегда сладокѣ. На-
 учась терпѣть, Ломоносовѣ научился,

не смотря ни на какія обстоятельство, находишь сладость и утѣшеніе въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя бывають плодомъ однихъ трудовъ и терпѣнія. Уже изнемогалъ онъ тѣлесными силами, когда писалъ послѣднюю оду Екашеринѣ Второй; но не ослабѣвая въ усердіи и терпѣніи, онъ говорилъ: „Ни старость, ни болѣзни, ни даже зависть моихъ недоброжелателей, ничто не можетъ охладить ревности моей къ трудамъ и къ прославленію благодѣтелей Россіи.“

Въ томъ же стихотвореніи онъ сказалъ, что „ни на какія сокровища не прѣмняешь удовольствія занимаешься тѣмъ, что питаетъ сердце и душу.“

Груды золота, великолѣпные дома, все что называемъ мы богатствомъ, можетъ погибнуть въ одинъ мигъ; но сокровища ума, души и сердца, сокровища полезныхъ занятій переходятъ съ нами изъ года въ годъ и доставляютъ опраду вездѣ и всегда. А потому Ломоносовъ, подражая Цицеронову разсужденію о наукахъ, предложенному симъ славнымъ *Витією* въ защитительной рѣчи за *Архія* стихотворца, говоритъ:

„Науки юношей питають,
Опраду старымъ подають,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастливой случай берегутъ;

Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пустыняхъ,
 Въ градскомъ шуму и наединѣ,
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ!“

ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО.

Ломоносовъ сказалъ:

„Что родомъ хвалишься, тошъ хвастаешь чужимъ!“

Благородныя души помня всѣ похвальныя дѣла и славные подвиги своихъ предковъ, стараются имъ подражать въ томъ, что отличало ихъ при жизни и доставило новую жизнь по смерти. „Такія души,“ говоритъ одинъ иностраннй писатель, „еще болѣе заслуживаютъ уваженія; ибо онѣ поддерживаютъ и славу предковъ своихъ и собственную свою славу.“

Мудрая Государыня Екатерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Истории весьма справедливо пишетъ, что „не о томъ должно спорить, который народъ былъ слаще, но о томъ, который прежде прославился благонравіемъ и другими ду-

„шевными качествами.“ Тоже можно сказать и о каждомъ человекѣ. Кто споритъ только о старшинствѣ рода своего и не поддерживаетъ его ни умомъ, ни добродѣтелью, ни славою, то хвалился чужимъ, а не своимъ достоинствомъ.

Одинъ Римлянинъ называлъ Цицерона, вышедшаго въ Консулы изъ простыхъ гражданъ, *новымъ теломъ*. „Такъ,“ возразилъ Цицеронъ: „я новый человекъ; но я первый въ своемъ родѣ, а ты въ своемъ послѣднѣй.“ Цицеронъ говорилъ правду; но скромность запрещаетъ самага себя хвалить: пусть другіе отдадутъ намъ справедливость. Однакоже Цицеронъ не чужою, а своею собственностію хвалился; впрочемъ извѣстно, что и сей великій Римлянинъ подверженъ былъ тщеславію.

Слава и истинное достоинство не умираютъ. Уже давно Ломоносова нѣтъ на свѣтѣ, но мы и теперь читаемъ въ вѣдомостяхъ, что въ родномъ его городѣ, Архангельскѣ, предполагено воздвигнуть ему памятникъ.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Сыновняя любовь живошворится своими мечтаніями, мечтаніями сладостными, которыя опца опсущствующаго дѣлаютъ присутственнымъ и взорамъ и сердцу добраго сына. Какъ прелестно изображено сіе чувствованіе въ писмѣ *Мамелюка*, переселеннаго съ береговъ *Калиса* на берега рѣки *Сены*:

„Со времени моего отбѣзда,“ писалъ онъ къ другу своему, „каждый разъ, когда звенящая мѣдь возвѣщала міру, исполинскій ходъ времени, я говорилъ самому себѣ: *Что дѣлаетъ мой отецъ?* Я по же повпорялъ, когда вечерняя звѣзда призывала меня къ покою. Вѣрно по же произносилъ и во снѣ; ибо при восходѣ солнца сіи слова, вырывавшіяся изъ устъ моихъ, поражали мой слухъ, не совсѣмъ еще пробужденный: еще не опзывалось въ немъ пѣнія пшицъ, и уже передавалъ онъ внимательному моему сердцу: *„что дѣлаетъ твой отецъ?* Вижу, вижу опсюда мѣсто, гдѣ онъ гуляетъ; вижу пальму, священною пѣнью своею защищающую величественную его главу опъ солнечнаго зноя; воды *Калиса* спруятся у ногъ его!“

Не споль сладостны были мечтанія Ломоносова; но въ разлукѣ съ оп-

цомъ сердце его не разспавалось съ нимъ ни на чужбинѣ, ни на родинѣ. Плы-
 вя моремъ въ Опечесшво, онъ увидѣлъ во
 снѣ, что корабль отца его разбилъ
 былъ кипящими волнами, а шло его
 выброшено не несбитаемый островъ
ледянаго моря, куда въ юности своей
 занесенъ онъ былъ бурей. И такъ жизнь
 Ломоносова была непрерывною юностью:
 въ молодости оставилъ онъ отца, и
 картина дней весеннихъ представила
 ему смерть его. Разумъ истощается;
 сердце не старѣетъ.

Прибывъ на берега *Невы*, встрѣшилъ
 онъ брата своего и къ подтвержденію
 печальнаго предчувствія узналъ, что по
 вскрытіи водъ, отецъ его, по обыкнове-
 нію своему, отправился въ море на рыб-
 ный промыслъ, и что прошло уже четы-
 ре мѣсяца, а ни онъ и никто изъ его
 поварищей не возвратился. Въ смяте-
 ніи души своей, Ломоносовъ хотѣлъ оп-
 проситься въ опускъ и плыть къ ос-
 прову, видѣнному имъ во снѣ, и шамъ
 собственными руками предать землѣ
 прахъ опцовскій. Обстоятельства не-
 вольно удержали его. Снабдивъ брата
 деньгами, онъ отправилъ его въ *Холмо-*
горы и усиленно просилъ, чтобъ убѣдиль
 рыбаковъ посѣпить злополучный ос-
 ровъ. „Пусть“ прибавилъ онъ, „пусть

„ищутъ они вездѣ тѣло отца моего и
„предадутъ землѣ.“

Прозьба сыновняя была исполнена. По разсказу Ломоносова, тѣло отца его найдено было на пустомъ островѣ и погребено. Отъ сей вѣсти глубокая скорбь, шаившаяся въ душѣ его, превратилась въ явную и неушолимую гореснь. Сія скорбь сердечная укѣковѣчиваепся вмѣстѣ съ произведеніями пера. Гробъ безчувственнаго писателя не привлекаетъ сердець; сынъ жестокосердый и при жизни какъ будто бы исчезаепъ. Прославившійся спивошворческимъ искусствомъ *Жанъ-Батистъ Руссо*, котораго Ломоносовъ перевелъ оду на *Счастіе*, былъ сыномъ ремесленника. Бѣдный отецъ, забытый имъ, услыша, что будутъ играть новую его комедію, подъ названіемъ: *Пышный* или *великолѣпный*, поспѣшилъ въ театръ, и услыша рукоплесканія, успремился къ сыну. Тщеславный сынъ отвергъ добраго отца. Вскорѣ за наглые стихи изгнанъ онъ былъ изъ Франціи. Въ надгробной его сказано, что „тридцать лѣтъ достоинъ былъ „онъ зависти, а другія тридцать лѣтъ „жалости.“

Слава не рѣдко угасаетъ, а добродѣшель никогда. Любовь сыновняя естъ вѣнецъ добродѣтели.

ОТРОЧЕСКІЯ ЛѢТА ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

„Ущѣбно воспоминашь подѣ старость дѣшски лѣта.“

И. И. Дмитріевъ.

Сладосшно, пріятшно воспоминашь зарю жизни, проведенную подѣ роднымѣ кровомѣ. Сладосшно воспоминашь нѣж-носшь, любовь и заботы матери и отца! Сладосшно воспоминашь все то, что го-лосѣ ихѣ передавалѣ сердцу и уму!

Такимѣ счастьемѣ насладилѣ И. И. Дмитріевъ. Первыя наставленія слышалѣ онѣ изѣ усѣвѣ матери, и сей власпипель-ный голосѣ любви изобразилѣ попомѣ вѣ семѣ душевномѣ спихѣ:

„Гласѣ матери всегда краснорѣчивѣ и силенѣ!“

И можешѣ ли искусшвенное крас-норѣчіе дѣйспвовашь сѣ такою силою, сѣ какою владычестшвуешѣ надѣ сердцемѣ непринужденный голосѣ любви материн-ской?

Нѣжная мать нашего Поэта люби-ла опечешвенную Словесность. Суще-ственниками ея были *Ломоносовѣ* и *Су-мароковѣ*. Извѣшно, что тогда траге-діи сего послѣдняго извлекали слезы и поражали душу.

Память матери-наставницы обогащена была многими мѣстами изъ сочиненій Сумарокова, между прочимъ и Одою на побѣды Петра Перваго. Однажды, читая сію Оду наизусть, заставила переписывать ее старшаго сына; а младшій, Иванъ Ивановичъ, стоялъ и ловилъ каждое слово памятью и сердцемъ. Стихи, произносимые устами матери, придаютъ всему новую жизнь.

Начало сей Оды:

„Быстры пѣсни соплетая,
Яко дерзостный орелъ.“

При семъ семейственномъ происшествіи юному питомцу матери въ первый разъ преобразованель Россіи представился во всемъ величій славы своей. Ему казалось, что ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ и Великій ожилъ, когда уста матери произносили слѣдующіе стихи:

„Цесарь страшень былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ,
Къ Александруносятъ дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ.
Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строитъ войско; входитъ въ портъ;
И во дни сея премѣны
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Гвешъ и движешъ горизонтъ.“

Въ сихъ стихахъ дѣйствительно
есть все то, что должно быть въ одѣ:
жизнь, огонь и движеніе.

Съ того уже времени возникшее
чувство стихотворства переносило во-
ображеніе опрока-поэта на берега Финс-
каго залива, къ помудоміку, который Ос-
нователь Петербурга называлъ *своею от-
радою*; — къ тому домику, который
ПЕТРЪ

„Утѣшеніемъ нарекъ,

Въ память, что онъ шутъ судами

Грозными владѣлъ водами

И подвигнулъ глубину.“

Неясственное еще пробужденіе сти-
хотворческаго духа ощущалъ въ душѣ
своей пишомецъ матери: но другой слу-
чай открылъ ему, что онъ родился по-
этомъ.

Часто, весьма часто отецъ наше-
го Поэта въ кругу семейственномъ пере-
сказывалъ о знаменитыхъ современни-
кахъ и о событіяхъ, совершившихся при
Петрѣ Первомъ, и о всемъ томъ, что
переживаетъ и годы и вѣки. Слава оте-
чественная во всемъ сіяніи своемъ на-
печатавшаяся въ воображеніи опрока. Въ
одно утро отецъ читалъ вслухъ Оду
Ломоносова на взятіе *Хотина*. Восхи-
щеніе опрока постепенно умножалось;
но слѣдующія при строфы перенесли
его воображеніе за предѣлы видимаго

міра, вѣ очаровашельную область меч-
шаній:

„Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣющъ жилы, сердце ноетъ.
Что бѣшь за странной шумъ вѣ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воеетъ;
Вѣ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умышымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

✱

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы вѣ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ;
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топшаль,
Гдѣ зримъ входящу къ намъ денницу.

✱

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля шрепещутъ.
Кто съ нимъ шоль грозно зрѣтъ на Югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вокругъ?
Никакъ смиришель странъ Казанскихъ?

Каспійски воды! Сей при васъ
Селима гордаго пошрясѣ.“

Тутѣ можно припомнить, что и *Лафонтенъ*, сей первый баснописецъ въ общей Словесности, при чтеніи *Оды* однимъ молодымъ военнымъ человекомъ, почувствовалъ первое вдохновеніе стихотворческаго дарованія. Вотѣ почему и не должно слишкомъ сердиться на *Оды*. Пареніе ихъ воспаляетъ въ то время душу, когда мы болѣе чувствуемъ, нежели умствуемъ. А люди, рожденные къ величественнымъ вдохновеніямъ, рано начинаютъ жить воображеніемъ и сердцемъ.

И такъ, подѣ кровомъ домашнимъ родились въ душѣ нашего Поэта и жизнь сердечная и непреодолимое стремленіе увѣковѣчить имя свое на поприщѣ Словесности.

Всѣ почти сочиненія И. И. Дмитриева можно назвать принапоминаніями золотыхъ дней опроческихъ лѣтъ. Онъ возросъ на берегахъ величественной Волги; онъ внималъ изъ устъ отца своего съ безсмертныхъ сынахъ Россіи; и всѣ сіи напоминанія въ неугасимомъ блескѣ оживилъ въ произведеніяхъ пера своего.

Въ подтверженіе сего приведу стихи, начерпанные живописною кистью Башюшкова. Вотѣ сіи оноголоски сердца Поэта, всегда говорящаго сердцамъ:

Ж

„Какъ часто Дашуріевъ, расторгнувъ събл-
ски узы,

Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой Музы,
Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Цизарра вдохновенный!

Таки, свыше нѣжною душою одаренный,
Шиня, отъ юности до серебряныхъ волосъ,
Лелѣешь въ памяти страну своихъ отцовъ.“

Х.

ЧУВСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛО- ВИЧА КАРАМЗИНА КЪ ПАМЯТИ НѢЖ- НОЙ МАТЕРИ.

Первымъ возрѣніемъ матери на колыбель младенца, первою ея улыбкою, первою ея ласкою освѣпляется шрудный и столь часто шуманный путь жизни; напоминаніе о сей животворительной любви остаётся, такъ ска-зашь, сладостнымъ *бытіемъ* *сердечнымъ*. Въ горестяхъ, въ дальной сто-ронѣ, вездѣ взоры и нѣжныя ласки ма-тери бывають вѣрными и неразлучны-ми сопутниками мыслей нашихъ и души.

Н. М. Карамзинъ не наслаждался отрадами любви материнской; но съ какою прелестію изобразилъ онъ сіе

чувствіе по внушенію своего сердца!
 Вотъ сей голосъ незабвеннаго воспо-
 минанія о матери:

„Ахъ! я не зналъ тебя!... Ты, давъ мнѣ жизнь,
 сокрылась!

Среди весеннихъ ясныхъ дней
 Въ жилище мрака преселилась!

Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой:
 Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ бышь тобой.

Другіе на колѣняхъ

Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли;

А я въ печальныхъ тѣняхъ

Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,

На мохъ твоей могилы!

Но образъ твой священный, милый,

Въ груди моей напечатлѣвъ

И съ чувствомъ въ ней соединенъ!

Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;

Твой духъ всегда со мной.

Невидимой рукой

Хранила ты мое безопытное дѣшство;

Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,

И совѣстью моею въ часъ слабостей была.

Я часо тѣнь твою съ любовью обнимаю

И въ вѣчности тебя узнаю! . . .“

Проходя обширное поприще Рос-
 сійской Исторіи, Н. М. Карамзинъ луч-
 шее отдохновеніе находилъ въ кругу
 своего семейства. Вмѣстѣ съ попечи-
 тельною супругою надзиралъ онъ надъ
 воспитаніемъ дѣшей своихъ: каждый ве-

червь обозрѣвалъ уроки, преподаваемые учипелями; каждый день наблюдалъ, въ чемъ успѣли его дѣти на поприщѣ ученія, или почему остановились. Такое воспитаніе есть вѣрный залогъ для сердца и ума; любовь отца-наставника запечатлѣется навсегда въ душахъ питомцевъ нашего Исторіографа.... Во всѣ дни жизни своей, на всѣхъ путяхъ существованія своего, они будутъ помнить, что голосъ вѣщателя Русской славы училъ ихъ, какъ быль полезными Отечеству и обществу. Пусть перейдетъ къ нимъ въ наслѣдство та душевная благость, кою украшалась вся жизнь незабвеннаго ихъ отца!

Душа его жила Отечествомъ и для Отечества. «Онъ любилъ Отечество, говоритъ Батюшковъ, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея почитатель; и всегда во всѣхъ случаяхъ жизни оставался вѣренъ своей благородной страсти.»

СУВОРОВЪ-НАСТАВНИКЪ ЮНЫХЪ
ВОИНОВЪ

И ЛЮБИТЕЛЬ ВОСПИТАНІЯ.

Суворовъ, гремящій славою вездѣ, гдѣ уважаютъ ревностныхъ защитниковъ Отечества и искреннихъ друзей челоѳчества: Суворовъ не скрылъ съ собою въ гробѣ правилъ своихъ. Мечемъ поражалъ онъ тѣхъ, которые отвлекали челоѳчество отъ вѣры и добродѣтели; перомъ передавалъ душу свою потомству.

Вотъ безсмертныя начертанія души его:

«По званію военныхъ людей внимайте прилѣжно въ сочиненія *Вобана, Когорна, Кюрасса, Гюбнера*; учитесь отчаспи Богословіи, Физики и Нравственности. Внимательно читайте *Евгенія, Тюренья*, записки *Юлія Кесаря, Фридриха Втораго*, первыя части *Роленовой* Исторіи и мечтанія Графа де *Сакса*. Языки полезны для Словесности; упражняйтесь въ верховой ѣздѣ, въ шпажномъ искусствѣ и въ панцованіи.

«Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбросшь для Офицера, мужество для Генерала. Вое-

начальникъ, руководствуясь порядкомъ и устройствомъ, владычествуетъ съ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

«Будьте откровенны съ друзьями, умѣренны въ нужномъ и безкорыстны въ поведеніи. Пламенѣйте усердіемъ къ службѣ Государя.

«Любите истинную славу; оплечайте честолюбіе отъ надменности и гордости.

«Привыкайте заранѣе прощать погрѣшности другихъ, и не прощайте никогда себѣ своихъ погрѣшностей.

«Обучайте ревностно подчиненныхъ и давайте имъ примѣръ собою.

«Непресшанное упражненіе въ томъ, какъ все обнять однимъ взглядомъ, учинитъ васъ великими Полководцами. Умѣйте пользоваться мѣстоположеніемъ.

«Будьте терпѣливы въ военныхъ трудахъ, не унывайте отъ неудачъ. Умѣйте предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя; не предавайтесь безвременной запальчивости.

«Храните въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйтесь ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирайте никогда непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; спа-

райтесь узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается, изслѣдуйте силы и слабость его.

«Привыкайте къ дѣятельности неутомимой.

«Управляйте счастьемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряйте себѣ счастье быспрошою *Кесаря*, который умѣлъ уловлять непріятеля своего даже днемъ, окружая его и нападавъ на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ, и въ то время, когда желалъ; отрубайте у него всякаго рода запасы, и увеличайте искусство, чтобы войско ваше никогда не нуждалось въ продовольствіи.»

Похвально издавать полезныя правила; еще похвальнѣе подтверждать ихъ примѣромъ своимъ. Суворовъ, любимецъ славы и побѣдъ, былъ самъ любителемъ воспианія. Въ Полковничьемъ еще чинѣ, находясь съ полкомъ въ *Новой Ладогѣ*, онъ на собственное издѣніе учредилъ училище для десяти бѣдныхъ дворянъ. Славу не рѣдко оспариваютъ, но любовь, пріобрѣтенная любовью, остается въ сердцахъ. Жители *Новой Ладogi* отдали сердца свои не Герою *Италійскому*, но Суворову, другу добра. Въ *Новой Ладогѣ* существуетъ церковь, сооруженная Суворовымъ.

Болѣе сорока семи лѣтъ уже минуло со времени созиданія сей церкви, но обыватели помнятъ, что она сооружена и богато украшена внутри дарами, принесенными усердіемъ созидателя. Говорятъ, что граждане *Новой Ладоги* при сей церкви намѣрены устроитъ кладбище въ память Героя *Рымникскаго* и *Италійскаго*. Можно было бы въ томъ же городѣ учредить училище для бѣдныхъ и назвать оное: *Училищемъ Суворовскимъ*. Одна сія надпись свидѣтельствовала бы, что слава Суворова всегда нераздѣльна была съ усердіемъ къ добру.

Пріятно также припомнить, что Суворовъ по добротѣ своего сердца, какъ будто бы *породнился* съ обывателями *Новой Ладоги*. Хотя старинная пословица и говоритъ, что *погести перемѣняютъ нравы*; но душа Суворова была выше сей перемѣны. 1788 года, то есть, въ то время, когда уже имя Героя гремѣло въ полкахъ Русскихъ, проѣзжая черезъ *Новую Ладогу* вмѣстѣ съ дочерью своею, онъ остановился въ домѣ стариннаго своего знакомаго купца Ефрема Ивановича *Шарова*. Уважая его добродѣтели, Герой приказалъ и дочери своей и всѣмъ бывшимъ съ нимъ называть Ефрема Ивановича *дѣдушкою*.

Сіе названіе выговаривалъ онъ съ тою искреннею ласкою, которая въ Героѣ заспавляла забывать Героя и показывала друга людей и добродѣтели. «Да удалятся отъ насъ, сказалъ одинъ знаменитый вишій: да удалятся отъ насъ Герои, нелюбители челоуѣчества!» И мы то же повпоримъ. Но съ Суворовымъ неразлучны были и слава и добродѣтель. Благость есть вѣнецъ славы; сей вѣнецъ принадлежалъ Герою Римникскому и Италійскому. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1791 года, Герой нашъ сказалъ: *я живу въ непрестанной мечтѣ*. По влеченію сей мечты, онъ часто посѣщалъ *Старцю Ладогу*, гдѣ, взирая на развалины Рурикова замка, размышлялъ подобно *Оссіяну*, любимому его Поэту, что «все создаемое руками челоуѣческими зароспаетъ мохомъ пуспыннымъ и блескъ земной славы исчезаетъ какъ приракъ, мелькнувшій въ пространспвахъ воздушныхъ.» Но добро не умираетъ. Воспоминая о Героѣ нашемъ, мы воспоминаемъ и о той добродѣтели, которою привлекалъ онъ сердца и оспавилъ въ нихъ память незабвенную, память благодарности къ другу челоуѣчества.

ОБНОВЛЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ
Боярину Артемону Сергѣевичу
Матвѣеву.

Гробница Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева обновлена послѣ 1812 года Графомъ Н. П. Румянцовымъ, правнукомъ его.

Одна изъ дочерей Андрея Артемоновича, сына сего знаменитаго Боярина, была въ супружествѣ за опцемъ Графа Румянцова *Задунайскаго*; другая за Княземъ Васильемъ Ивановичемъ Мещерскимъ, претія за Д. А. Шепелевымъ.

Всѣ главныя черты исторіи о невинномъ заключеніи и жизни Боярина Матвѣева переданы были Княземъ Василиемъ Ивановичемъ Мещерскимъ Н. И. Новикову. Издатель посвящая сію Исторію Графу Румянцову *Задунайско-мц*, говоритъ; «Издавая въ свѣтъ Исторію о невинномъ заточеніи ближняго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, не могъ я никому посвятить ее пристойнѣе, кромѣ Вашего Сіятельства, его правнука и преемника всѣхъ его добродѣтелей.»

«Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ, продолжаетъ Издашель его Исторіи: достоинъ общаго прославленія за то, что въ теченіе всей своей жизни споспѣшествовалъ къ благу Государства, и наконецъ, спасая Государя и Отечество, запечатлѣлъ заслуги свои кровію.»

Въ сихъ краткихъ и разительныхъ словахъ изображена вся жизнь Боярина Матвѣева: онъ жилъ для Отечества и умеръ за Отечество.

Франція славилась тѣмъ, что Король Генрихъ IV имѣлъ друга въ Министрѣ своемъ *Сюлли*: а мы утвердительно можемъ сказать, что сія рѣдкая слава принадлежитъ Царю Алексію Михайловичу и ближнему его Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Сей Бояринъ дѣйствительно былъ близокъ къ нему и по сердцу и по заслугамъ.

Чѣмъ же знаменитый нашъ Бояринъ снискалъ любовь Царскую? Трудями неупомимыми, вѣрностію къ Престолу, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ народу, правосудіемъ, мудростію въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ.

Честь и слава тѣмъ потомкамъ, которые сохраняютъ подробности о славѣ предковъ своихъ. Сею славою увѣнчался Князь Василій Ивановичъ Мещерской: онъ сохранилъ для насъ пись-

мо Царя Алексѣя Михайловича, отправленное къ Боярину Матвѣеву, когда онъ находился съ войсками подъ Смоленскомъ.

Вотъ сіе достопамятное письмо: «Другъ мой, Артемонъ Сергѣевичъ! прѣзжай къ намъ поскорѣе. Дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли; за ними нѣкому присматрѣть, а мнѣ безъ тебя посо- вѣтоваться не съ кѣмъ.»

Это письмо напоминаетъ о письмѣ Филиппа Царя Македонскаго, препровожденнаго къ Аѳинскому Философу *Аристотелю*. «Не за то, писалъ Филиппъ, благодарю я боговъ, что они дали мнѣ сына Александра; но за то, что они дали мнѣ его при жизни Аристо- шеля.»

И такъ уваженіе къ благоразум- нымъ наставникамъ существовало во всѣ времена. Жизнь нравственная есть вѣчная жизнь, утверждающая достоин- ство человѣка.

Незабвенное свидѣтельство любви народной къ Боярину Матвѣеву сохра- нено намъ также Внукомъ его, Княземъ Василиемъ Ивановичемъ Мещерскимъ. Сія любовь народная ознаменовалась пор- жественно при слѣдующемъ случаѣ.

У ближняго Царскаго Боярина былъ тѣсный, небольшой и вѣхій домъ въ приходѣ *Николы въ Столахѣ*, между Мяс-

ницкою и Покровкою. Царь неоднократно убѣждалъ Машвѣва, чтобы онъ на его счетъ переспроилъ домъ, но Русской Бояринъ, не стараясь обременять себя милостями Государя и друга своего, опзывался, что когда исправится съ деньгами, то самъ приступитъ къ поновленію дома. Машвѣвъ въ самомъ дѣлѣ заготовилъ запасы; не доставало только камней на основаніе. Любовь народная догадлива и услужлива. Спрѣльцы и обыватели Московскіе съ гробовъ своихъ опцевъ привезли камни къ благодѣтельному Боярину и сказали: «Мы привезли къ тебѣ камни съ гробовъ опцевъ и предковъ нашихъ; денегъ намъ не надобно: даримъ тебя, нашего благодѣтеля.»

Машвѣвъ о семъ поступкѣ немедленно извѣстилъ Царя; Царь опвѣчалъ: «Прими, мой другъ! сей подарокъ отъ народа. Видно, что онъ усердно тебя любитъ: онъ обнажилъ для тебя гробы своихъ опцевъ. Такой подарокъ и я бы принялъ.»

И такъ, сколь священъ гробъ того Россіянина, для котораго любовь народная обнажила гробы прародительскіе! Бояринъ Машвѣвъ *семь* лѣтъ спрадалъ отъ клеветниковъ и враговъ, уловившихъ въ сѣти свои добродушіе

юнаго Феодора. Онъ былъ сосланъ и лишенъ всѣхъ почестей безъ суда. Вторая супруга Царя Феодора Алексѣевича, Царица Марѳа Матвѣевна, изъ рода Апраксиныхъ, вступилась за невиннаго спрдальца. Феодоръ изрекъ прошеніе, но умеръ, не дождавшись друга опца своего.

При воцареніи Петра и Наталіи, Стольникъ Алмазовъ посланъ былъ къ Матвѣеву, чшобы онъ поспѣшилъ въ Москву. Напрошивъ того опговаривалъ Матвѣева опъ побѣдки въ престошный градъ, извѣщая, что ему предстоитъ неизбѣжная гибель опъ ненависти враговъ его. «Побѣду въ градъ престошный, возразилъ Матвѣевъ: претружденныя очи мои опъ старости и спраданія увидятъ Царя и Царицу. Радъ и гошовъ умереть за Царя и Опечество.»

Матвѣеву все было возвращено: и Боярство и имущество. «Но, прибавляель Лѣшопись: неиспытанныя Божіи судьбы, уму человѣческому непоспизи-мая, опредѣлили Матвѣеву прожить только три дни (*).» Въ день 15 Маія 1682 года, яростнымъ и жестокимъ спремленіемъ стрѣльцовъ изторгнутъ

(*) Смощ. Лѣшопись, стр. 421.

онъ былъ изъ рукъ Царскихъ, брошенъ на площадь отъ стороны Собора *Благовѣщенскаго* и изрубленъ при звукѣ великаго Кремлевскаго набата и при непрестанномъ боѣ барабанномъ.

Скорбя о спрадальческой смерти Мапвѣва, современники его говорили: «Блаженны тѣ, коихъ поносятъ и преслѣдуютъ: ибо награда ихъ на небесахъ. Нечестивые исчезнутъ до конца (*).» Изчезли враги и убійцы Мапвѣва, а имя его живетъ и въ Лѣтописяхъ Отечественныхъ и въ сердцахъ Россіянъ.

ХІІІ.

СТЕПАНЪ ЮРЬЕВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ.

Сей Русскій Дворянинъ и помѣщикъ Смоленской, подобно Суворову, одушевлялся усердіемъ къ воспитанію бѣдныхъ Дворянъ. Вышедъ въ отставку, онъ посвятилъ себя подвигамъ добра и челоѡколюбія. На собственномъ его иждивеніи воспитывались нѣсколько бѣдныхъ дѣтей дворянскихъ. Доспавя

(*) Лѣтопись.

имѣ ученіе , нужное для службы военной, онѣ съ опцовскою заботливостію старался объ опредѣленіи ихѣ. Но и вступленіе ихѣ въ службу не прекращало сношенія его съ ними. Каждый изѣ сихѣ пшомцевѣ во всѣхѣ своихѣ нуждахѣ имѣлъ право къ нему опноситься , и онѣ всегда помогалѣ имѣ гошовою рукою и гошовымѣ сердцемѣ.

Не нужно говорить , что Степанѣ Юрьевичѣ былѣ опцемѣ крестьянѣ, которыхѣ почипалѣ дѣшми, ввѣренными ему Провидѣніемѣ. Не прибѣгая ни къ какимѣ нововымышляемымѣ средствамѣ къ обогащенію, онѣ полагалѣ земледѣліе основаніемѣ сельскаго хозяйства. Поля, нивы и селенія его процвѣтали изобиліемѣ.

Счастливиѣ тотѣ, кто дѣлился съ другими дарами счастья! Давно уже нѣтъ въ сѣмѣ мѣрѣ : благодѣтеля бѣдныхѣ, но имя его живешѣ въ сердцахѣ, любящихѣ добродѣтель.

XIV.

ОБОЗРѢНІЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА РЕ- КЕТМЕЙСТЕРА АРКАДІЯ ИВАНОВИЧА ТЕРСКАГО.

Полководцы защищаютъ Отечество отъ внѣшнихъ и врупреннихъ нападений враговъ; Государственные Чиновники оберегаютъ душу Отечества; душу, заключающуюся въ правосудіи, порядкѣ, въ пожептвованіи собою пользамъ общественнымъ; наконецъ, живопворимую тѣмъ добросердечіемъ, безъ котораго всѣ качества Государственныхъ Чиновниковъ какъ будто бы для нихъ только существуютъ. Не всѣхъ просителей можно удовлетворить; но каждаго можно утѣшить ласкою и привѣтливостію. Слова искренняго доброжелательства переселяются въ души людей, прибѣгающихъ къ покровительству распорядителей ихъ жребія. Симъ кропкимъ голосомъ Чиновникъ Государственный можетъ осушить слезы вдовъ и сиротъ; примирить съ надеждою бѣдныхъ опцевъ и машерей; разсѣять мракъ ихъ скорби на день, на два, на нѣсколько дней. А и сего уже иногда довольно въ сей жизни скоропечной, гдѣ слабый и сильный,—гдѣ всѣ на шагъ отъ темной мо-

гилы, приѣмлющей въ нѣдра свои и покровишелей и просителей.

„Торопитесь дѣлать добро не завтра, но нынѣ!“

Такъ говорилъ великій Полководецъ Суворовъ; шакому же слѣдовалъ правилу современникъ и искренній его почитатель Государственный Чиновникъ Аркадій Ивановичъ Терскій, ходатай за угнѣсненныхъ въ царствованіе Екатерины Второй, сей милосердой машери народа.

Добросердечіе есть основаніе всѣхъ превосходныхъ качествъ людей Государственныхъ; добросердечіемъ украшались всѣ дѣянія Терскаго, споявшаго на неусыпной стражѣ къ защитѣ слабыхъ и невинныхъ.

Жизнь Терскаго не обильна необычайными произшествіями; мирно протекали дни его, посвященные Отечеству и Пресіолу. Безмятежными пупьями переходилъ онъ отъ одного званія къ другому: и каждый переходъ его службы ознаменовывался новыми заслугами. Мирная его жизнь сопровождалась долголѣтіемъ, извѣвающимъ, что не упражненія, но порывистыя спраспи преждевременно изнуряющіе жизнь чловѣческую.

Аркадій Ивановичъ Терскій родился 1732 года, всшупилъ въ службу 1744, вышелъ въ опшставку 1796, а умеръ 1815 го-

да. Сіе одно изложеніе лѣтъ показываетъ, какихъ многообразныхъ и необычайныхъ происшествій былъ онъ свидѣтелемъ! Переходя различныя степени служенія, онъ увѣнчался и новыми наградами, всегда ожидающими въ Россіи ревностныхъ, постоянныхъ и праводушныхъ Чиновниковъ. Въ Опечествѣ нашемъ *порода* не преграждаетъ путей ни къ чему: личныя достоинства и заслуги ведутъ ко всѣмъ преимуществамъ. Смѣло можно сказать, что ни въ одномъ изъ такъ называемыхъ *вольныхъ правительствъ* не существовало такихъ преимуществъ, приобретаемыхъ личными заслугами, какъ въ Россіи. Славенъ былъ въ древнемъ Римѣ Цицеронъ; его именовали *отцемъ отечества* и *краснорѣчія*; но гордые Римскіе Вельможи, жившіе въ республикѣ, не могли забыть, что Цицеронъ происходилъ не изъ дворянскаго по колѣнію. Въ Россіи все замѣняется истинными и личными достоинствами. Обладающій оными становится на ряду съ древними дворянскими родами, въ число которыхъ включается онъ Успавами Самодержавной власти, взирающей не на лица, но на достоинства и на заслуги Опечеству.

Слѣдующая грамота, данная Терскому 1783 года, непреложно о томъ свидѣтельствуется.

„Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особливо чрезъ сію Нашу жалованную грамоту, вѣщаетъ Великая ЕКАТЕРИНА: что хотя Мы по Самодержавной опѣ Всемогущаго Бога Намъ данной Императорской власти и по природной Нашей милоспи и щедростѣ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе Всемилоштивѣйше всегда защищать и поспѣшествовать имъ желаемъ, однакожъ наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честію, достоинствомъ, такожъ и особливою Нашею милоспію по ихъ состоянію награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать, во оныхъ подтверждать, которые по всегдашней своей къ службѣ Нашей ревности Намъ и государству Нашему особливья предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ.

„А извѣстно Намъ, что Нашъ вѣрноподданный Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ, правящій должность Генералъ-Рекетмейстера и Кавалеръ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра прешней степени Аркадій Терскій въ службу вступилъ въ 1744 году, въ 1758 году по опредѣленію Сената Нашего, написанъ въ Дворянской списокъ и пожалованъ Коллегіи-юнке-

ромъ., въ 1760 Коллежскимъ Секретаремъ, въ 1763 Секретаремъ Капешанскаго чина, въ 1765 Сенапскимъ Секретаремъ, въ 1769 Надворнымъ Совѣшникомъ, въ 1775 Сенапа Оберъ-Секретаремъ, въ 1780 опредѣленъ въ должность Генералъ-Рекетмейстера и пожалованъ Спашскимъ Совѣшникомъ, въ 1784 году Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ и во всю его продолжаемую службу оказывалъ тщаніе, прудолубіе и прилѣжность, за что Мы въ знакъ Нашего къ нему благоволенія въ 1783 году 22 Сентября пожаловали и Орденомъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени; но какъ онъ на дворянское достоинство пожалованной грамоты и герба не имѣлъ, по Мы, въ воздаяніе ревностныхъ его Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣшника и Кавалера Терскаго заслугъ, такожъ и по Нашей Императорской склонности и щедрости, копорую Мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ Нашимъ подданнымъ имѣемъ и по дарованной Намъ отъ Всемогущаго Бога Самодержавной власти, Семилоспиѣше соизволили помянутаго Нашего Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣшника и Кавалера Аркадія Терскаго въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, равно обрѣтающемуся въ

Нашей Всероссійской Имперіи, царстввахъ, княжестввахъ и земляхъ прочему дворянству возвести, постановишь, пожаловать и подтвердишь, яко же Мы симъ и силою сего его Терскаго въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, возводимъ, постановляемъ и жалуемъ, и въ число прочаго Всероссійской Имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чшобъ ему и потомству его по нисходящей линіи въ вѣчныя времена всѣми тѣми вольностями, честью и преимуществомъ пользоваться, копорыми и другіе Нашей Всероссійской Имперіи дворяне по Нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются.“

Съ 1780 года въ званіи Генералъ-Рекешмейстера или *ходатая за утѣсненныхъ*, Терскій учинился по своей часши неусыпнымъ сотрудникомъ ЕКАТЕРИНЫ Вшорой, о копорой Ломоносовъ сказалъ:

„Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чшимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность намъ покой.“

При первомъ извѣстіи о жребіи приуѣсненныхъ или почиавшихъ себя шаковыми, Терскій немедленно вышребывалъ дѣло и занимался изслѣдованіемъ онаго съ Машерью народа.

ЕКАТЕРИНА, научавшая Государей царствовать; ЕКАТЕРИНА, знакомая со славою Героевъ: сія незабвенная Царица и на поприщѣ защиты правоты и невинности, подавала примѣръ своему *Рекетмейстеру* и какъ будто бы спорила съ нимъ въ неусыпности сего труда. Собственноручныя ея записки къ Терскому служатъ тому доказательствомъ. Однажды писала она къ нему:

„Возвращише ко мнѣ экстракты мои, кои я вамъ опдала при заготовленныхъ Указахъ, кои вы вчерашній день возвратно вручили, и прикажише для меня списать: опредѣленіе Военнаго Департамента по дѣлу Чевкиныхъ; оно мнѣ нужно при моей работѣ.“

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова въ Іюль 1793 года, писала къ нему: „М. Г. Аркадій Ивановичъ! По дружескому и милосивому вашему обещанію дасть мнѣ наставленіе, извините, ежели я симъ Ваше Превосходительство запрудняю, включая при семъ двѣ копіи, кои я достала съ производимыхъ дѣлъ. 1-я О деньгахъ, коими мнѣ *Юревичъ*, по Бѣлорускимъ моимъ деревнямъ должнымъ состоитъ. Великодушная Государыня не желаетъ того, чтобы частной человекъ перялъ без-

винно собственность свою. 9-я По записи Настасьи Михайловны о слободѣ Чернявкѣ. Я полагаюсь во всемъ на совершенное ваше знаніе въ законахъ и разумѣ вашѣ. Покорнѣйше прошу здѣлать одолженіе, разсмотрѣть оныя и приказать написать ваши примѣчанія или лучше сказать ваши мнѣ предписанія, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать: опозваться ли въ Сенатъ, или просить Ея Величество чрезъ васъ, какъ Генералъ-Рекешмейстера?“—

За годъ до кончины своей Императрица Екатерина пожаловала Терскому шесть сотъ душъ въ Бѣлорускомъ краю.

Съ заслугами ревностнаго чиновника соединялись всѣ награды, не къ поощренію его къ трудамъ, ибо труды сіи одушевлялись содѣйствіемъ Екатерины; но къ засвидѣтельствванію, что полезный и неусыпный трудъ достоинъ все пріобрѣтать.

Не спало Екатерины Второй. Сынъ Ея, Павелъ Первый, уважая службу и труды Терскаго, наградилъ его Орденомъ первой степени С. Анны.

Терскій вышелъ въ отставку съ сладостными напоминаніями о томъ, что былъ ходатаемъ за утѣсненныхъ. И съ какимъ наслажденіемъ представлялъ онъ себѣ тѣ часы, когда опиралъ

слезы злополучныхъ , когда защищаль правоту , когда подкрѣпляль невинность! Сіи несравненныя минушы составляютъ *второе бытіе* друга правоты и защитника ушѣсненныхъ. Быспро улешаютъ шумныя ушѣхи; пришупляюшся даже и чувспвованія, поселяемыя въ сердцахъ громомъ военной славы, еспли сія слава не сопровождаетъ добродѣтелью. Но ничто не можетъ ослабитъ въ душѣ безмяшежныхъ напомианій о добрѣ.

АНЕКДОТЫ О ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ (*).

Въ краткомъ обзорѣни жизни Генерала-Рекетмейстера Терскаго, мы видѣли изъ собственноручныхъ записокъ Екатерины Второй, что сія мать народа нерѣдко претовала *экстрактовѣ* изъ дѣлъ, у него находившихся. Кромѣ сихъ безсрочно насылаемыхъ претованій, Терскому назначены были два докладные дни въ недѣлю.

Однажды по выслушаніи докладовъ, Императрица сказала Терскому: „Никита Ивановичъ (**) подалъ мнѣ списокъ о содержащихся за долги. Я что-то худо вѣрю, подлинно ли состоятъ на лицѣ всѣ поименованные въ списокѣ, и нѣтъ ли распущенныхъ по домамъ?“—Возможно ли, Всемилоспивѣйшая Государыня! опивѣчалъ Терскій. Не только Оберъ-Полицмейстеръ, да и никто не опважился докладывать Вамъ ложно.—

(*) Сіи анекдоты сообщены Издашело семействомъ покойнаго Генералъ-Рекетмейстера. Все то, что относится къ памяти благодѣтельныхъ нашихъ ГОСУДАРЕЙ, все то есть сокровище Отечественное. Малѣйшія подробности, извѣвляющія ихъ душу, для насъ драгоцѣнны.

(**) Рылеевъ, тогдашній С. Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ.

„На эштоу разѣ, возразила Екктерина, Я тебѣ докажу, что Я дѣйствительно не ошибаюсь въ моей догадкѣ. Возьми списокъ, отправься самъ въ пюремной замокъ и повѣрь по списку содержащихся въ ономъ за долги.“ Терскій немедленно поспѣшилъ къ Оберъ-Полицеймейстеру и вмѣстѣ съ нимъ побѣжалъ въ замокъ. Начинается перекличка; сперва слышно опкликаніе; но вскорѣ при провозглашеніи другихъ именъ, хранился глубокое молчаніе. Не оказалось на лицѣ пшнадцапи *арестантовъ*. Терскій и Рылеевъ ужаснулись и изумились. Оберъ-Полицеймейстеръ съ грозными словами оборотился къ смопришелю: „Гдѣ арестанты? ты вѣрно распустилъ ихъ по домамъ: какъ смѣлъ ты это сдѣлать?“ — Ваше Превосходительство! опвѣчалъ смопришель: они содержались за долги; извольте справиться о томъ по книгѣ. Севодни рано на разсвѣтѣ пришелъ Архіерейскій служка, внесъ за каждаго деньги отъ имени неизвѣстнаго и арестанты получили свободу; — Оба усердные чиновники возрапились къ Екктеринѣ. „Милосердая Государыня, искупившая заключенныхъ, вспрѣшила ихъ съ улыбкою. „Что же? сказала она Терскому, правду ли я говорила?“ — Генералъ-Рекетмейстеръ, привыкшій угадывать благошворительные подвиги чело-

вѣколюбивой Екатерины, отвѣчалъ :
 „Вы правы, Государыня! милосѣ и чело-
 вѣколюбіе отверзли имѣ двери. А кто
 просперѣ къ нимѣ благодѣшльную дес-
 ницу, эшо извѣстнѣе всего Вашему Ве-
 личесшву.“ Вы любите соблюдать Еван-
 гельское правило: *да не вѣствѣ твоя*
шѣйца, тто творитѣ твоя десница.

СНИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Попечительные наши ГОСУДАРИ
 привыкли рано просыпашься для охраненія
 общесшвеннаго благоденствія. Нѣкопо-
 рые изѣ нихѣ даже и зарю упреннюю
 предупреждали. Забопливая м а ш е р ь
 Опечесшва, Екатерина Вторая, так-
 же рано пробуждалась. Вѣ одно упро
 вспавѣ, когда еще всѣ спали, и не желая
 никого пошревожисъ, пошла прямо вѣ
 кабинетѣ, положила дрова вѣ каминѣ
 и запопила оный. Вдругѣ изѣ трубы
 раздался звучный голосѣ: *потѣши! по-*
тѣши! Екатерина пошчасѣ погасила
 огонь. То былѣ голосѣ шрубочисша,
 занимавшагося своимѣ дѣломѣ. Вскорѣ
 потомѣ прибылѣ сѣ бумагами Алек-
 сандрѣ Андреевичѣ Безбородко. Императ-
 рица сѣ обыкновенною своею ласкою

разсказала ушреннее приключеніе и прибавила: „хотя я немного и испугалась; но хвалю шрубочиста: онъ исправенъ въ своей должности.“

Вотъ другой примѣръ ея снисхожденія. Въ одно утро, когда ЕКАТЕРИНА слушала докладъ Генералъ-Рекешмейстера, парикмахеръ ея Н. С. Козловъ убиралъ ея волосы. Почувствовавъ, что волосы ея неоспорожно захвачены гребенкою, Государыня сказала: *болвно!* разза два парикмахеръ такой же подвергся опромешчивости, и ЕКАТЕРИНА повторила то же восклицаніе. Наконецъ оборотясь къ Козлову, сказала: *развѣ ты меня думаешь разсердитъ? но не разсердишь.*

Смошря въ окно изъ ермиштажа, ЕКАТЕРИНА замѣшила, что изъ кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на шелегу свѣспные запасы, надѣясь, что въ такое время шалосшь сойдешь имъ съ рукъ. У Русскихъ Государей глаза зоркіе, а сердца милосердыя. ЕКАТЕРИНА пошъ часъ послала сказать: „Свѣзжайте скорѣе съ двора; а по если Гофмаршалъ увидитъ, то вамъ худо будетъ.“ Такой урокъ стоитъ на казанія.

ВЕЛИКОДУШНОЕ БЕЗПРИСТРАСТІЕ ЕКАТЕРИНЫ.

Однажды выслушавъ различные доклады, Государыня спросила у Генералъ-Рекешмейстера: Нѣтъ ли еще какого дѣла?—“Есть, Всемилоспивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терской: и дѣло сіе особенной важности. Не соблаговолите ли приказать оное пересмотрѣть какому другому Чиновнику и предсписать Вамъ выписку?—„А почему это такъ? возразила ЕКАТЕРИНА.“—Спорющіеся, Государыня! два сильныя лица; могутъ укорить меня въ приспрасшіи, —а вѣроятно, что спанутъ и досадовать.—Послушай, отвѣчала ЕКАТЕРИНА, что я тебѣ на это скажу: *не убойся лица сильнаго, да не даши отвѣта сильнѣйшему.*

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Терскій пришелъ къ Екатерину съ докладами, когда она причесывалась. „Не прогнѣвайся! сказала она: я слушаю буду; а ты садись и читай.“ Терскій хотѣлъ читать стоя. „Императрица повторила: *садись!* Генералъ-Ре-

кешмейстеръ повиновался и началъ чи-
 шать: *въ такомъ-то году, такого-то*
числа, такого-то мѣсяца, такая-то
въ поданномъ прошеніи прописывается,
что мать ея не жалуютъ ее.... Оспа-
 новись, прервала ЕКАТЕРИНА вспавъ со
 спула и ударивъ Терскаго по плечу:
 оспановись! дѣло рѣшено!“ Генералъ-
 Рекешмейстеръ съ удивленіемъ прекра-
 шилъ чпеніе. „Чему ты удивляешься?
 продолжала ЕКАТЕРИНА: шакъ! дѣло
 рѣшено. Просишельницѣ отказать; а
 дѣло я тебѣ перескажу. Вѣрно мать
 просишельницы мимо дочери опдала ко-
 му другому имѣніе?—Точно шакъ, Все-
 милоспивѣйшая Государыня! отвѣчалъ
 Терскій.—„Еслибъ она искала въ ма-
 тери, прибавила ЕКАТЕРИНА: ей бы
 лучше было. Не поперплю такого вред-
 наго примѣра, или дѣти потеряютъ къ
 родителямъ уваженіе и покорность,
 отъ чего избавь насъ Боже!“

УВАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ КЪ ЗАСЛУ- ГАМЪ.

Старость, слабое зрѣніе и болѣзнь,
 оказавшаяся въ ногахъ, заставили Тер-
 скаго просить у Государыни увольне-
 нія отъ службы. „Послужимъ еще вмѣс-

тѣ: опвѣчала ЕКАТЕРИНА; я и сама часто хвораю. Я къ тебѣ привыкла; а снова привыкать тяжело. Въ выборѣ можно ошибиться: и я человекъ: по болѣзни же ногъ твоихъ прѣзжай ко мнѣ въ теплыхъ сапогахъ.“ Какое милосердіе и какое вниманіе!

Такимъ образомъ благодѣтельные Рускіе Государи пекутся о всемъ томъ, что относится къ усерднымъ служителямъ Престола и Отечества.

ДОВѢРЕННОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ одинъ праздничный день Терскій получилъ отъ Императрицы изъ Царскаго Села повелѣніе взять немедленно изъ Сенаша такое-то дѣло и учиня изъ онаго выписку, предсавить ей для слушанія. Генераль-Рекешмейстеръ все исполнилъ по предписанію Екатерины. Во всякое время зависеть, недоброхотство и тому подобное спаряются надо всѣмъ подыскиваться. По случаю взятія дѣла изъ Сенаша, подали Государынѣ докладъ, будто бы Генераль-Рекешмейстеръ пересступилъ за предѣлы обязанностей своихъ: ибо бумаги были размешаны и даже нѣкоторыя шкапы приведены въ неуспройство. На

семь докладъ Екатерина собственною рукою написала: „кто службою своею при мнѣ слишкомъ зорчивъ ни малѣйшаго не подалъ ни въ чемъ на себя подозрѣнія, то на такого всякое подозрѣніе не у мѣста.“

Милость Монаршая.

Въ поднесенномъ отъ Сената докладѣ къ Новому году, между прочимъ представлено было о Генералъ-Рекешмейстерѣ, чтобы по упразднившемся мѣсту въ Московскомъ Сенатѣ, перевести его туда за дѣятельную службу съ повышеніемъ чина. Екатерина произвела Терскаго въ Тайные Совѣтники, наградила Орденомъ въпорой степени Владиміра и оставила его при прежней его должности.

Съ такою материнскою нѣжностью награждала Екатерина ревностныхъ своихъ чиновниковъ. Служа при столь милосердой Государынѣ, Терской забылъ и старость и болѣзни, и желалъ

единственно неусыпностью своей доказать, что онъ не столько помышлялъ о жизни, сколько о службѣ своей. Благость Государей навсегда запечатлѣвается въ сердцахъ подданныхъ. Современники ПЕТРА Перваго, лишась его, говорили: *блаженны тѣ очи, которыя зрѣли сего Монарха!* Такую же память о себѣ оставила и ЕКАТЕРИНА Вторая въ душахъ своихъ современниковъ. Бесѣдовать о Ея славѣ, о Ея любви къ народу и о Ея благотворныхъ дѣяніяхъ, составляло новое существованіе для всѣхъ ея чиновниковъ. Съ такими чувствованіями жилъ и кончилъ долгодѣшнее свое поприще Аркадій Ивановичъ Терскій, личными заслугами достигшій отличныхъ степеней, ревностью и правотою заслужившій довѣренность Императрицы и оставившій по себѣ напоминаніе, сопровождаемое общимъ уваженіемъ всѣхъ цѣнителей истинныхъ заслугъ и любителей Отечественной славы.

Мы уже видѣли, что полученіемъ жалованной грамоты за личныя заслуги, за ревность къ Престолу и за раченіе о пользѣ общей, ознаменовались преимуществами предковъ Генералъ-Рекешмейстера и навсегда утвердились права его потомковъ. По рожденію своему

Аркадій Ивановичъ Терскій и до грамоты находился въ спискѣ дворянскомъ. Но повпоримъ еще: онъ исполнилъ священное обязательство, относящееся къ каждому Русскому дворянину; обязательство, состоящее въ томъ, чтобы ревностно проходя поприще служенія, сохраняя честь имени предковъ и оставивъ въ примѣръ потомкамъ дѣянія, одушевляющія къ любви и славы Отечеству. Генералъ-Рекетмейстеръ совершилъ сію сугубую обязанность. Онъ былъ стариннымъ дворяниномъ по породѣ, заслуженнымъ по грамотѣ, словомъ, истиннымъ Русскимъ дворяниномъ по душевному рвенію къ пользамъ Престола и Отечества.

XVI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА СУВОРОВА
КЪ ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ
ПАНИНУ.

Долгъ къ Императорской службѣ
споль обширенъ, что всякой другой
долгъ въ немъ исчезаетъ: честность
и благонравіе приносятъ съ собою сіе
увѣреніе (*).

XVII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬ-
ЕВИЧА КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ (**).

Свѣтлѣйшій Князь,

Милоспивый государь!

Съ повинною Вашей Свѣтлости
покорнѣйше подношу новыя вѣдомости
о некомплектѣ, которыя думаю вѣрны.

(*) Эша мысль изображена была Суворовымъ на
особенномъ листѣ. Полнаго письма не опы-
скалъ я въ его бумагахъ.

(**) Люди предупрежденные. предполагали, будто
бы К. Потемкинъ и К. Репнинъ были во враж-
дѣ между собою. Сіе письмо явственнo опро-
вергаетъ такое мнѣніе. На поприщѣ славы и
чести, на поприщѣ служенія Государственнаго,

Ежели опдѣлишь опѣ показаннаго списочнаго состоянія оставленныя въ Кіевѣ пять двуротныхъ командъ и одну Архангелогородскаго полка, въ коихъ всѣхъ почиается рядовыхъ и неспроевыхъ 1580 человекъ, то останется наличное списочное состояніе пѣхоты въ Молдавіи и Польшѣ.

Поздравляю усердно съ успѣхомъ Полковника Исаева у Бендеръ. Весьма сіе полезно, что уже увидѣли Турки и съ той стороны наши войска; а при томъ чрезъ взятыхъ плѣнныхъ Ваша Свѣп-лоснѣ изволише узнатьъ какъ о почной силѣ Бендерскихъ войскъ, такъ и о другихъ подробностяхъ, относящихся къ непріятелю.

Пріѣхалъ сюда шретьяго дня Ингерманландскаго полка Г. Полковникъ Кнорингъ, и сказалъ мнѣ милоспивую вашувсю память, а при томъ, что именно приказали его увѣришь, что скоро сюда пріѣдете. Я сполько сему радъ и такъ сего желаю, что почши и вѣры нейму. Въ провіантѣ недоспашка не будетъ, а при томъ и подвозъ можно учредитъ.

Въ первой еще разъ начали гово-
ришь о Капитанѣ Пашѣ, что изволише

сердца благородныя оживляюща соревнованіемъ, но онъ всегда чуждающа зависти и ненависти.

усмотрѣшь изъ показанія одного взяшаго Тапарина. Что же онъ и его товарищи говоряшъ о войскахъ, то совсѣмъ неимо-
вѣрно и кажется съ великимъ умноже-
ніемъ говорено. Изъ Нѣмецкаго приложе-
нія къ моему рапорту Ваша Свѣшлость
увидише, что начинаются слухи о пе-
ремѣнѣ Визиря, а въ Яссахъ пронесся
слухъ о смѣнѣ *Маврогенія*, будпо бы
изъ извѣстій Бухарестскихъ: второе
должно быль слѣдствіемъ перваго. Но и
то и другое пребуетъ подтвержденія;
а хорошо бы, какъ мнѣ кажется.

Съ должнымъ почтеніемъ
и проч.

Князь Николай Репнинъ.

При Козмешти.

23 Іюня 1789 г.

Р. С. Написалъ уже сіе письмо, ког-
да получилъ Вашей Свѣшлости совер-
шенно милосшивое отъ 20 сего мѣсяца,
кошорое меня сердечно обрадовало. Ус-
пѣхъ Исаева конечно очень, очень поле-
зенъ. Еще разъ отъ всей души васъ съ
симъ поздравляю. Дай Боже, Вамъ и
всѣмъ войскамъ милость свою. Коль
Онъ съ нами, кто на насъ! я уже зналъ
о семъ дѣлѣ чрезъ Дубосарскій постъ,
но безъ подробностей. Жаль Чепечу,
если больно раненъ. Когда прибудише

сюда съ войсками, шо Турки будутъ бояться опѣ сей стороны оплучиться и не думаю, чшебы пошли за Днѣспрѣ, гдѣ также конечно часѣ оставите. Кантакузѣну и Ризо шоипчасѣ прикажѣ кѣ вамѣ ѣхать. Богѣ вамѣ поможетѣ и на морѣ. Кто на Него уповаѣтѣ, шоѣ не постыдится.

24 Іюня.

XVIII.

ПОДЛИННОЕ ИЗВѢСТІЕ О ВЗЯТІИ ИЗМАИЛА, ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ПО- ТЕМКИНА ТАВРИЧЕСКАГО.

Послѣ побѣдѣ, одержанныхъ войсками Россійскими въ теченіи настоящей войны и по взятіи крѣпостей Турецкихъ до самаго Дуная, Измаилъ оставался единою преградой дальнѣйшимъ Россіянѣмъ предпріятіямъ и единымъ защищеніемъ предѣловъ Опшоманскихъ.

Порша вѣдала важность сея огромная и въ наилучшее оборонительное состояніе приведенная крѣпость: и потому ничего не щадила, чшобѣ сдѣлать ее непреодолимою. Многочисленный гарнизонѣ ея усиленѣ былѣ войсками, оп-

пущенными изъ Бендеръ, Хошина, Аккермана и Килии; и послѣ перемирія съ Австріею лучшіе изъ арміи Визирской войски шуда были присланы. Ежедневное пропитаніе отпускалось на сорокъ двѣ тысячи человекъ, не считая жищелей. Однихъ *далкилигей* считалось пять сотъ шестдесятъ четыре Байрака. Два изъ храбрыхъ ихъ Пашей прех-бунчужные, четыре двухбунчужные и семь Сулпановъ Татарскихъ были при войскахъ, наполняющихъ сей обширный городъ, копорый сами Турки именовали городомъ арміи. Сверхъ сухопутныхъ войскъ сильная флотилія разположена была по всему пространству берега.

Главнокомандующій арміями Россійскими на Югѣ Генералъ-Фелдмаршалъ и Великій Гешманъ Князь Григорій Александровичъ Попемкинъ Таврической, предположа покореніе сея крѣпости, осадилъ во первыхъ Килию; озаботилъ Браиловъ демонстраціею, приказалъ ипши въ Дунай флоту гребному и пресѣкъ всю сухопутную коммуникацію Измаила, приблизивши къ нему два сильныхъ корпуса.

Между тѣмъ флотъ Севастопольскій, по повелѣнію Его Свѣшлости въ половинѣ Октябрия мѣсяца вышедши изъ гавани, оказался предъ устьями Дунай-

скими и прошедъ вдоль берега Румельскаго, въ половинѣ Ноября возвратился благопслучно въ Севастополь, не нашедши нигдѣ судовъ непріятельскихъ.

По овладѣніи Киліи, по взятіи бапарей, устьи Дунайскія защищавшихъ, по испребленіи флошилїи у Тулчи и Исакчи и покореніи сихъ крѣпостей, предписано было гребному флоту слѣдовать къ Измаилу и изпребить флошилїю непріятельскую.

Сіе исполнено.—Всѣ почти суда непріятельскія жестокимъ дѣйствіемъ артиллеріи, какъ съ флота гребнаго, такъ и съ построенныхъ на острову противу Измаила бапарей, частію сожжены, частію же пощеплены и не малый сдѣланъ вредъ самому городу; но непріятель продолжалъ жестокую оборону. Требовано было здачи города; непріятель гордо отшѣпствовалъ.

Оставалось одно средство приступа, копорый и предписано произвестъ въ дѣйство.

11 го Декабря былъ сей ужасный день, въ копорый Измаилъ погруженъ былъ въ крови своей. Шесть колоннъ съ сухова пушїи и при колонны съ Дуная опряжены были на штурмъ. Предъ свѣтомъ оный началъ и до полдня продолжался. Храбрые солдаты, предводимые

неустрашимыми Начальниками, по преодолѣніи упорнаго защищенія, спустились въ ровъ, взлѣзли на валъ и вступили въ городъ; но побѣда еще была неизвѣстна. Жесточайшее сраженіе происходило въ самомъ городѣ. Площадь и улицы покрыты были кровію, наконецъ многочисленность и отчаяніе уступили мужеству и устройству. Турки, выдержавъ бой, продолжавшійся шесть часовъ съ половиною, потерявъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ и начальниковъ, не могли болѣе прошивишься. Разъяренные солдаты кололи ихъ безъ пощады; всѣ мѣста наполнены были трупами. Изъ великаго числа войскъ, въ семъ городѣ бывшихъ, едва спасено девять тысячъ человекъ съ Мухафизомъ прехбунчужнымъ Мехметъ Пашею и однимъ младшимъ Султаномъ Мехсюбъ Гиреємъ. Но и изъ тѣхъ уже въ лагерѣ на другой день болѣе двухъ тысячъ померло отъ ранъ; 30,816 сочтено труповъ.

Сверхъ того взято Христіянъ 5,685 человекъ и Жидовъ сто тридцать пять, кои и введены опять въ ихъ дома.

Въ городѣ съ набережными батареями взято 265 орудій, пороху до 3000 пудъ и ядеръ до 20,000 со множествомъ другихъ снарядовъ и припасовъ. Знаменъ взято болѣе 400, сверхъ того много

изорванныхъ и еще опыскиваемыхъ; бун-
чуковъ взято 7, санжаковъ 2, лансоновъ 8,
на копорыхъ артиллеріи 17 орудій,
мѣлкихъ судовъ . . . 34.
во время осады изпребле-
но и попоплено судовъ 20.

Уронъ Русскихъ состоитъ въ убитыхъ

Штабъ и Оберъ Офицеровъ . . .	64,
нижнихъ чиновъ	1815,
	<hr/>
	и шого 1879;
раненыхъ Штабъ и Оберъ	
Офицеровъ	253,
нижнихъ чиновъ	2451,
	<hr/>
	и шого 2703;
всего убитыхъ и раненыхъ . . .	4582.

У непріятеля убиты:

Паша Трехбунчужный Сераскиръ
Аидосъ Мехметъ.
Двухбунчужные: Хаджи Магмутъ
Паша,
Селимъ Паша,
Лупфулла Паша,
Мехметъ Паша
Килійской;
Сулшаны: Капланъ Гирей,
Казы Гирей,
Силимъ Гирей,

Башырѣ Гирей,
Ахметѣ Гирей,
И Мехметѣ Гирей.

XIX.

ДИСПОЗИЦІЯ ГЕНЕРАЛА СУВОРОВА
КЪ СРАЖЕНІЮ СЪ ВЕРХОВНЫМЪ ВИ-
ЗИРЕМЪ 11 го СЕНТЯБРЯ 1789.

Начинать малымъ лагеремъ, потомъ на большой; ежели между шѣмъ большой будетъ ближе, то онымъ.

Сей часъ выступишь, мой корпусъ отдохнушь, за Римну.

По мѣстоположенію я беру правое крыло.

Идши лѣвою дорогою. Правою непрестанные папрули. Отъ Вагенбурга занимаешь ими невѣрныхъ при Тирго Куркулуи до самой ихъ атаки, какъ бы темна ночь ни была.

Маршъ за Римну колоннами. Обоихъ союзныхъ войскъ вся кавалерія впереди. Козаки и арнаушы, гусары и карабинеры до передняго берегу Римны.

Ниже на томъ берегу спроишь по-ложенной ордеръ башалии.

Перемѣна его ша, чшо мой корпусъ на правомъ крылѣ по мѣстоположенію.

Колоннѣ выходилъ двѣ, кавалерія въ головѣ пѣхоты, шо есть обѣихъ колоннѣ. Миѣ надлежитъ имѣть столько же гусарѣ и левенерѣ—на мѣсто левенерѣ столько же гусарѣ.

На походѣ, встрѣтясь съ бусурманами, ихъ бить!

Поспроясь ордеромъ баталіи, въ мигъ перешедъ Рымну, иди храбро, атакуешь при Тирго Куркулуи, или всѣхъ встрѣчающихся варваровъ — лагери.

Одни за другиѣ.

До конца... Боже пособи!

Прежніе сингалы.

Іосифъ, Екатерина.

Поспѣшность, шерпѣніе, спрой, храбрость, сильная дальняя погоня.

За каждымъ артиллерійскимъ ящикомъ имѣть всегда по фашиѣ, всюду загошовлять.

Вагенбургъ въ полномъ порядкѣ, съ приличнымъ прикрытіемъ. При Фокшахахъ.

Паншоны на Рымну и Бузео.

ИЗВѢСТІЕ О ПОКОРЕНІИ ВАР-
ШАВЫ (*).

НОТА ИЗЪ БЕРЛИНА ОТЪ 17 ГО
Ноября 1794.

Побѣды Россійскаго войска подъ предводительствомъ Генерала Графа Суворова-Римникскаго увѣнчаны счастливымъ успѣхомъ: и Варшава сдалась.

По взятіи Праги, къ укрѣпленію которой мятежники употребили всѣ свои напряженіи; и какъ цвѣтъ ихъ войскъ при взятіи Праги испребленъ, а съ онымъ не оставалось уже сей столицѣ никакой надежды къ сопротивленію.

7 Числа Ноября Н. Ш. Графъ Игнатій Потоцкій пріѣзжалъ въ Россійскую главную кварширу съ мирными предложеніями; но оныя не приняты по причинѣ, что сія война производится не противъ Польши, но къ усмирению бунтовщиковъ.—Потоцкій безъ всякаго успѣха поѣхалъ обратно, также и присланная съ нимъ Королевская грамота не была распечатана.

(*) Изъ бумагъ Суворова.

8 Числа Россійской и Прусской Министры получили свободу. 9 Числа уничтоженъ самовластный Совѣщъ, и Генералъ-Комендантъ Варшавской сложилъ чинъ свой въ руки Короля. Мѣщанамъ учинена повѣстка, чтобъ старались они сами о своей безопасности: почему собравшіеся Члены Магистрата отправили къ Графу Суворову Римникскому Депушатовъ съ уполномочіемъ сдать городъ побѣдителю на его великодушіе, испрашивая единственно сохраненія жизни и имущества жителей. Герой безпрекословно на сіе согласился, присовокупя къ тому изъ собственнаго побужденія великодушно предасть забвенію прошедшія озлобленія.—Россійскія войска тогожъ дня заняли городъ и въ тоже время посланъ Генералъ Потемкинъ къ Королю для охраненія его здравія и безопасности его персоны.

10 Числа вѣхалъ въ городъ и самъ Графъ Суворовъ Римникскій. Предъ вратами поднесены ему градскіе ключи; онъ ихъ приподнялъ и благодарилъ Бога, что безъ кровопролитія получилъ оныя. Вѣздъ въ городъ Героя уподоблялся триумфу. Онъ былъ окруженъ шѣснящимся вокругъ его народомъ, благодарящимъ за его великодушіе и снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что чувствовали они себя

недостойными таковыя милости. Графъ Суворовъ Римникскій будучи пронувъ пролипіемъ сердечнаго ихъ чувствования, повпорялъ свои увѣренія забытъ прошедшее. Онъ побхалъ къ Королю и былъ у него съ полчаса.

9000 Польскихъ солдатъ подъ командою Генерала Гендровича положили къ ногамъ его оружіе. Онъ, не пребуя никакого отъ нихъ увѣренія, распустилъ ихъ въ ихъ жилища. Нѣсколько тысячъ другихъ воиновъ, не хотя внимать гласу гражданъ и народа, настояли къ ненужной и безуспѣшной оборонѣ. Графъ Суворовъ-Римникскій объявилъ имъ, что онъ для нихъ не желаетъ нанести вредъ и несчастіе гражданамъ и превратить городъ въ развалины; но когда не хотятъ они положить оружіе, дается имъ свобода выйти изъ города, зная, что они не могутъ избѣгнуть рукъ его.—Утверждаютъ, что якобы они подъ предводительствомъ Домбровскаго и Канцлера Колоншя вышли съ 5 пушками, и что Генералъ Ферзенъ пошелъ ихъ преслѣдовать. Супрошение ихъ не можетъ быть продолжительно и они плѣна избѣгнуть не могутъ.

XXI.

ПИСМО ИВАНА ИВАНОВИЧА БЕЦКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,
Князь Григорій Александровичъ!

Сколько великолѣпно наименованіе почешнаго благошворишеля, столько утѣшительна есть бремя, которое налагаешь должность сего названія. Для сердца благороденнаго, какая неизреченная сладость, вѣщать въ самомъ себѣ: я благодѣтельница. Сіе восхищительное чувствованіе не прямое ли блаженство? не истинная ли награда добродѣтели, которой никто достойнѣйшей мзды воздать не можетъ, какъ только она сама себѣ. Добродѣтель въ собственныхъ трудахъ своихъ находить себѣ воздаяніе, нѣтъ оной цѣны; ея свойство быть свѣту полезной и онымъ утѣшаться, вотъ ея награда.

Не мыслите, милосливой Государь! чтобъ я хотѣлъ преподавать наставленія; нѣтъ, я только извѣсняяю то, что вы чувствуете, и что безъ сомнѣнія будущъ чувствовашъ преемники сего имени, которыми украшашъ можетъ единая шокмо добродѣтель. Я повпоряю оживотворяющій гласъ Нашей Монар-

хини, гласъ сея души возвышенныя, вопіющій: будьте щасливы. Которая ко всему, что до блага общества касается, спремится столь быстро, какъ лучъ благодѣющаго солнца на землю, для произведенія разныхъ былій, нужныхъ къ существованію тварей. Если среди полезныхъ растеній, земля одолженная солнцемъ, иногда производитъ вредное быліе, кому его изпоргать? когда не попечительнымъ хранителямъ верпограда; не выли по званію почетнаго благотворителя, иль самые хранители верпограда, избранные къ споспѣшествованію во ономъ произращеніи шого огромнаго древа, подъ сѣнію котораго обѣшовано надежное прибѣжище всему обществу? Безъ сомнѣнія, Милостивый Государь, вы. Сіе утверждено освященною Нашей Монархини десницею въ слѣдующихъ словахъ, подтвержденныхъ 20 Ноября 1772 года.

„Какъ сіе мѣсто есть благотво-
 „ришельное обществу; по уповашельно,
 „что изъ челоѵколюбія и Христіанской
 „добродѣтели къ сему богоугодному
 „дѣлу не отрекутся по письменнымъ
 „требованіямъ, изъ знатнѣйшихъ особъ,
 „принять на себя при Воспитатель-
 „номъ домѣ наименованіе почетныхъ
 „благотворителей, и они бы по пригла-
 „шенію отъ Совѣта, имѣли засѣданіе съ

„Опекунами, въ полезныхъ и нужныхъ
 „дому сему надобностяхъ. Они, какъ
 „папріоты, почтенные знашными дос-
 „шюинствами въ Государствѣ, охраняють
 „будущъ опѣ всякаго вреднаго прикос-
 „новенія швердосшь и непоколебимосшь
 „сихъ учреждений, и по случающимся
 „иногда нуждамъ, пользу Воспитатель-
 „ному дому приносящимъ, а касающимся
 „до рѣшенія Сенатскаго, Синодскаго или
 „другихъ и ихъ Правительствъ,
 „одинъ изъ нихъ право и долгъ всегдабъ
 „имѣль, по согласію главнаго Попечите-
 „ля съ Совѣтомъ, въ томъ или другомъ
 „дѣлѣ, принявъ на себя имя ходатая, у
 „мѣста, въ кошоромъ дѣло производиш-
 „ся, спараться съ домогательствомъ о
 „рѣшеніи окончанномъ, поелику право-
 „судіе сходствующее съ Законами, до-
 „пустишь можешъ, получишь скорорѣ-
 „шимую пользу для дома Воспита-
 „тельнаго. Изъ нихъ яко извѣстныхъ
 „уже хранителей всего утвержденного
 „постановленія, избираемъ бышь мо-
 „жешъ заблаговременно балашированы-
 „емъ въ главные Попечители преемни-
 „комъ, дабы шаковой по своему жела-
 „нію и усердію, извѣстенъ былъ для не-
 „медленнаго вступленія въ сіе достоин-
 „ство, какъ скоро оно мѣсто сдѣлаешъ
 „ся упалымъ, или за какою либо неспо-

„собноспію, настоящей главный Попечитель отъ онаго опъкажется.“

Вошъ, Милоспивой Государь! то, къ чему добровольное спремленіе вашего добродѣшельнаго сердца васъ привлекло, и къ сему вы естеспвеннымъ Закономъ обязаны. Можетъ ли сей Законъ бытъ шягоспенъ? Его природа гласитъ, челоѳколюбіе начершаваеѳъ, а добродѣшель и ЕКАТЕРИНА подшверждають. Васъ же, яко исполнителя сей священной должности, слава представиѳъ восхищенному попомству, какъ друга и благодѣшеля рода челоѳческаго во храмъ вѳчности. Соотѳѳспвенно тому, слѣдуя долгу истиннаго гражданина, чтобы полезнымъ бытъ обществу и ближнему, спремлюсь побуждаемый усердіемъ успроенное Монаршею щедрошою, оную пользу оградитъ совѣщаніемъ съ вами, почешные благошворители, какъ съ швердыми подпорами благоденствія общественнаго, приобщеннаго къ дому Воспипашельному. Благосостояніе сего дома ешъ благососпояніе и всего общества; если единое пошрясешся, то и другое поколеблешся: они связаны священнѣйшимъ союзомъ. Довѣренность общества ешъ сей союзъ, кошорый часъ отъ часу укрѣпляясь будешъ вѳченъ, къ блаженству нашихъ согражданъ и ихъ попомковъ, кои безъ

сомнѣнія будутъ благословлять вашу попечительную добродѣтель о непоколебимости полезныхъ учрежденій : и такъ на сей конецъ.

I. Главный Попечитель и почетные благошворители должны съ неусыпнымъ стараніемъ устремлять всю силу своего раченія къ сохраненію неоцѣненныхъ преимуществъ, касающихся до вѣчнаго благоденствія всѣхъ Россійскихъ согражданъ и потомковъ ихъ; сихъ, скажу, важныхъ преимуществъ, дарованныхъ щедротою Монаршею, копорыя даютъ намъ способы управлять нашимъ имуществомъ, по силѣ учрежденія сохранной казны, съ полезнымъ правомъ собственности. Сей Божественный даръ Монаршаго Величія, сей залогъ любви къ Отечеству Великой Екатерины, какъ твердый монументъ Ея славы, основанный на Блаженствѣ подданныхъ, должны мы, всею силою охраняя, предавать въ непремѣнной цѣлости изъ рода въ родъ для славы сей крошкой Законодательницы, для пользы собственной, и для блага общественнаго. И для того ревностно отражая все, что можетъ поколебать твердость сего, сооществовать усерднымъ попеченіемъ несомнительности вѣреннаго намъ отъ общества кредита.

II. Почетные благошворители, какъ

извѣстные уже хранители учрежденнаго поспановленія, состоятъ въ ошмѣнномъ почтеніи отъ Опекунскаго Совѣта; слѣдовательно не токмо при Главномъ Попечителѣ, но и въ случаѣ его отсутствія, всегда должны быть твердыми щитами противу всякой опасности, могущей угрожать нерушимости сего основанія: они же яко посредники между обществомъ и таковымъ установленіемъ, долженствуютъ патриотическимъ стараніемъ, притупляя жало клеветы, смущающей спокойство общества, изстреблять и малѣйшую тѣнь вредознаго сомнѣнія довѣренности, безъ копорой всѣ полезныя поспановленія могутъ рушиться. И такъ, еслибы случилось, чтобы господа Члены Опекунскаго Совѣта и засѣданія С. Петербургскаго отдѣленія, шествуя не по одному пути, проложенному къ благосостоянію Воспитательнаго Дома, но нѣкоторые изъ нихъ, совращаясь съ онаго какими ни есть приспраспіями, и пролагая стези къ своей частной пользѣ, ослабили пружину общественной довѣренности, имъ врученной, или забывъ истинное честолюбіе, восхотѣли бы попысаться на присвоеніе себѣ излишней власти (чего однако же не уповаю): тогда долтъ почетныхъ благотворителей удерживать своеволіе копорое въ

наглости своей, если заблаговременно не ощутитъ силы обуздывающей руки, возможетъ наконецъ опровергнуть священнѣйшія преграды; и для сего.

III. По приглашенію Опекунскаго Совѣта, или хотя и по сокровенному представленію доброжелательныхъ членовъ, немедленно вступають въ засѣданіе съ Опекунами, и разспроенные голоса совѣта или засѣданія стараются съ приличною кротостію соединить въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго дома.

IV. Онижъ какъ папріоты, избранные для соблюденія твердости и непоколебимости всѣхъ постановленій, имѣя повѣренность отъ всего общества, должны, отвращая всякія внутреннія поползновенія ко хитроспямъ, твердо ополчаться противу всѣхъ къ тому покушеній и оскорбленій, касающихся до униженія правъ и преимуществъ Воспитательнаго дома. Сіе тѣмъ наипаче можетъ быть почиаемо священнѣйшею должностію, что сама Наша Монархиня по своему снисхожденію, чѣмъ наиболѣе величіе Особы Ея изображается, повелѣла, если найдется узаконеніе противное нерушимости установленій сего дома, не исполняя себѣ представлять.

V. По согласію Главнаго Попечителя съ Совѣтомъ, они суть ходатаи у Государственныхъ Правительствъ и Присудственныхъ мѣствъ, по случающимся иногда нуждамъ, приносящимъ пользу Воспитательному дому, и касающимся до рѣшенія тѣхъ верхнихъ и нижнихъ Правительствъ.

VI. Изъ назначеннаго числа двѣнадцать Особъ почепныхъ благошворителей, избирается заблаговременно, какъ отъ нихъ же самихъ, такъ Опекунѣ, за-опекунѣ, попечителей, и прочихъ посредствомъ балотирования въ достоинство главнаго Попечителя, дабы таковой по своему желанію и усердію уже извѣстенъ былъ, для немедленнаго заступленія сего мѣста, на случай ваканціи безъ дальней конфирмаціи, которая уже послѣдовала единожды навсегда тѣмъ собственноручнымъ на докладѣ утвержденіемъ.

VII. Они же яко хранители твердости сего основанія, не только имѣютъ долгъ, какъ сказано, пещися о благосостояніи общественномъ, сопряженномъ съ пользою Воспитательнаго дома, и о защищеніи правъ и преимуществъ ему данныхъ; но и о воздаяніи сему дому надлежащей чести. И для того, господа опекуны какъ участники во благомъ намѣреніи, заслуживаютъ

быть отъ нихъ принимаемы съ опмѣн-нымъ пріятствомъ. Сею опличностію подастся примѣръ всему обществу, кошорое Вельможѣ обыкновенно поставляетъ себѣ зеркаломъ своихъ поведеній, какъ уважать господѣ Опекунѣ и за-опекунѣ, такъ и сохранять почтеніе къ сему самому мѣсту; да и сами господа опекуны сею честію ободряемы, къ строгому наблюденію своей священной должности спанутъ ревностиѣ спремисься, дабы не утратили столь леснаго приобрѣтенія.

Милосливой Государь! Все сіе заключающее въ себѣ должность званія почешнаго благошворителя, ничто иное какъ чувствованіе пользы каждаго добродѣтельнаго гражданина, любящаго свое Отечество; и сіе чувствованіе въ Вельможѣ, изъ коихъ почешные благошворители избираются, безъ сомнѣнія распространяется по мѣрѣ его могущества, преподавающаго ему способы шворить благое. И такъ сіе обьясненіе, касающееся вообще до свѣдѣнія почешнаго благошворителя, надѣюсь, будетъ благопріятно принято. Истинные сыны отечества съ радостію видятъ ревнованіе ко благу онаго, кошорое есть и моего къ вамъ писанія; и кошорое безъ сомнѣнія подвигло и Вашу Свѣш-

лоспъ къ душевному обѣшу, данному вами для пользы общества. Вы, ставъ охранителями учрежденій Воспитательнаго дома, усроенныхъ къ благоденствію ближняго; вы же и посвятили себя прошивоборствовашъ злоупотребленіямъ, которыя могли бы вкрасься къ разрушенію полезнаго; отъ вашихъ попеченій зависить цѣлостъ всѣхъ сихъ спасительныхъ установленій.

И пошому бывъ увѣренъ, что мои мысли въ помянутомъ усердіи блага общественнаго отъ вашихъ не отдалены, буду ожидать Вашей Свѣтлости благопріятнаго отвѣта, и почишаю за щастіе, что еще могу съ вами купно служить и быть полезнымъ отечеству, пребывая съ искреннимъ моимъ почтеніемъ,

Милосливой Государь мой!

Вашей Свѣтлости

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Бецкой.

МОСКОВСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.

Лѣтъ за тридцать пять тому назадъ въ Москвѣ существовалъ особенный родъ *гостеприимства*. Нѣкоторые вельможи, надѣленные дарами счастья и любившіе сближаться сердцемъ своимъ съ сердцами недоспапочныхъ соотечественниковъ, отворяли дома и предлагали избытки свои молодымъ людямъ среднихъ лѣтъ. Въ сихъ домахъ каждый день накрыты были столы на двадцать, на тридцать и даже на пятьдесятъ человекъ. Столъ былъ не роскошный, но изобильный. Тогда еще *трактирные обѣды* почти были неизвѣстны; да они и не нужны были: ибо и безсемейные люди находили семейство въ кругу людей, съ которыми знакомились взаимною привычкою. Кромѣ гостеприимства домашняго, сіи добрые гостеприимцы предлагали посѣщителямъ своимъ и другія услуги: съ опеческою заботливостію справлялись они о состояніи своихъ гостей и стороною и лично. Извѣстясь о тѣхъ, у которыхъ есть отцы и матери, терпящіе нужду, они немедленно и невидимою рукою препровождали пособіе. Не рѣдко также,

входя въ разговоры съ госпями своими, они спрашивали: отъ чего кто вышелъ въ отставку и не желаетъ ли снова принять какой службы? За достойныхъ, которые по мгновенному огорченію, или по какой другой причинѣ оставляли службу, они были ревностными предшателями. При отправленіи на новое поприще не только снабжали всѣмъ нужнымъ на дорогу, но и поручали, чшобы во всякое время относились къ нимъ. Такимъ образомъ въ древней Русской Столицѣ недостаточные молодые и среднихъ лѣтъ люди жили, какъ будто бы не чувствуя недостатка, и находились подъ благодѣтельнымъ надзоромъ гостепріимства.

XXIII.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Счастлива та страна, гдѣ опличенные дарами счастія опличаются и блгодушіемъ, входящимъ въ нужды и состояніе людей, обремененныхъ недостатками!

Богатые предки наши любили сблизаться съ бѣдными. При подвозахъ изъ помѣстій и вотчинъ сельскихъ из-

быпковѣ они посылали добрыхъ и надежныхъ людей развѣдывать, кто нуждается изъ городскихъ ихъ сосѣдей и чѣмъ нужно имъ съ ними подѣлиться. Изобильные возы разкрывались въ одно время и для хозяевъ и для бѣдныхъ.

Въ семействѣ неимущія посылались дары изобилія; и бѣдность, оживляемая надеждою, не испомляла душъ тяжкимъ бременемъ. Зависть не сморгала мрачными глазами на преимущество богатыхъ; ибо счастье ихъ было общимъ счастьемъ. Особенно годовые праздники ознаменовывались щедрою благошворительностію. Богатымъ пріятно было мыслить и видѣть, что и бѣдные въ радости душевной празднуютъ дни священные, благодаря Бога и добрыхъ людей.

XXIV.

СМЕРТЬ ЮНАГО ГРАФА СТРОГОНОВА.

Со дня боя *Кульмскаго*, бессмертнаго въ лѣтописяхъ славы, юный сынъ Графа Павла Александровича Строгонова находился въ передовыхъ войскахъ подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Васильчикова. Въ слѣдъ славы ле-

тѣлѣ онѣ за славою. Уже въ очахъ юноши блистали тѣ первые лучи славы, которые также прелестны, какъ и первые лучи зари весенней; уже онѣ воображалъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтитъ его нѣжная мать въ вѣнкѣ лавровомъ: но что значатъ и самая лучшія и самая невинныя надежды на этой землѣ, гдѣ опѣ славы и смерти—одинъ шагъ, одно мгновение?... Юный Спрогоновъ палъ въ предѣлахъ Франціи въ сраженіи подъ *Краономъ*, палъ—почти въ очахъ отца своего. Онѣ былъ единственнѣ сынѣ, единственнѣ надежда семейства своего, жестоко пораженъ былъ отецъ сею вѣснѣю, но не преставаѣ непоколебимо исполнять долгъ свой до самаго окончанія битвы. Тогда уже заплашилъ онѣ даѣ, взыскиваемую природою, и можетъ быть тогда зародились въ груди его сѣмена той болѣзни, которая и его безвременно повергла въ гробъ. Тѣло юнаго Героя отыскано было уже 25 Февраля послѣ битвы *Лаонской* и перевезено въ Сѣверную Столицу, гдѣ предано землѣ въ Александровской обители, подлѣ гроба его дѣда. Такъ нѣдра земли на нѣсколькихъ саженьяхъ соединяютъ часпо и юность и старость! Счастливыѣ шотѣ, кто и на скоротечномъ поприщѣ жизни ославляетъ слѣды славы и добродѣтели.

А безъ того чшо́ бы оставалось отъ существованія, исчезающаго быстрѣе молніи, сверкающей въ облакахъ?

Н. И. Гнѣдичъ въ сихъ прекрасныхъ стихахъ оживоупворилъ память юнаго Героя:

„Едва для жизни онъ разцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
И юношу отецъ Отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы путь, въ свящую брань повелъ;
Но славѣ не земной отъ Неба обреченный,
Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И за Отчизну палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ въ небесахъ идушъ, о юноша Герой!

XXV.

ПОЛЕ БОРОДИНСКОЕ.

На пространствѣ того мѣста, гдѣ происходила битва Бородинская, текутъ три слѣдующія рѣчки: *Войня*, *Колога* и *Стонецъ*.

Была война, какой Европа не видала со времени изобрѣшенія огнеспрѣльнаго оружія; былъ бой, гдѣ смерть на каждаго шагу едва успѣвала поражать новыя жертвы; былъ стонъ, раздавшійся и въ Россіи, и въ отдаленныхъ предѣлахъ Европы.

Во мракѣ неизвѣстности сокрыто, когда сіи рѣчки получили названіе, столь сообразное съ обстоятельствоми нашего времени, и что подало поводъ къ такимъ именамъ.

Къ несчастію челоѳчества, бури военныя шумящѣ на лицѣ земли почти отъ первоначальнаго основанія обществъ челоѳческихъ. Можещѣ бышѣ и въ прошедшія столѣтія происходила на полѣ *Бородинскомъ* битва кровопролитная, можещѣ бышѣ и тогда *война, бой и стонъ* передали память о себѣ рѣчкамъ, хошя ничтожнымъ, но пережившимъ вѣки.

Безмолвны теперь поля битвы Бородинской; прахъ сопрошивниковъ смѣшался нераздѣльно въ нѣдрахъ земли хладной; нѣшѣ тамъ даже и бугровъ, возвѣщающихъ слѣды битвы, передавшей смерти пысячи въ печеній одного дня: остались однѣ *батареи*, заросшія правою.

На одной изъ сихъ батарей, близъ деревни *Семеновской*, гдѣ свирѣпствоваль бой упорнѣйшій, возносится уединенная церковь, сооруженная во имя *Спаса Нерукотвореннаго*. У сей батареи, гдѣ существуетъ сей памятникъ священный, убишѣ былъ 26 Августа 1812 Генераль-Маіоръ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ. По окончаніи войны за-

граничной, блаженной памяти ГОСУДАРЬ АЛЕКСАНДРЪ Первый, встрѣшивъ его супругу, спросилъ: Чего она желаетъ за услуги своего мужа?—Она отвѣчала, что проситъ одного позволенія, чтобы соорудить храмъ Божій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ ея супругъ. ГОСУДАРЬ соблаговолилъ, и нѣжная супруга памятникомъ Вѣры ознаменовала любовь къ супругу незабвенному.

Въ день 26 Августа на поле Бородинское изъ разныхъ споронъ обширной Россіи спекается множество посѣщителей, и въ семъ храмѣ отцы, матери и родственники совершаютъ воспоминаніе о незабвенныхъ друзьяхъ сердца своего.

Въ предѣлахъ сей церкви въ Октябрѣ 1826 года преданъ землѣ юный сынъ Генерала Тучкова и съ нимъ погребены всѣ радости и всѣ надежды неутѣшной матери и супруги. Сынъ Героя блисталъ еще прелестною весною лѣтѣ и невинности; спезею крошкою и ясною перешелъ онъ отъ міра преволненнаго въ селеніе Ангеловъ. Невинность идетъ къ небесному престолю Творца любви и милосердія! Пусть молился онъ шамъ, чтобы буря спрасшей, возбуждающая бури войны, никогда на лицѣ земли не свирѣпствовала. И безъ сего бича, по-

ражающаго челоѡчестѡ , доѡольно
есть горестей на пернистомъ пуши
жизни скоротечной.

XXVI.

РОДСТВЕННЫЙ СУДЪ.

„Порукой прочнаго блаженства на земли
Свящая благодать семейственной любви.“

И. Козловъ.

Были и у насъ времена *Патріар-*
хальствія, когда въ нѣдрахъ семействъ
прекращались ссоры и тяжбы, возбуж-
даемыя порывами спраспей. Епю еще
существовало и въ царствование Царя
Теодора Алексѣевича. Начиналась ли ка-
кая тяжба,—немедленно собиралось со-
ѡщаніе родственное; съ обѣихъ сто-
ронъ старались усѡѡщивать и прими-
рять спорщиковъ. Если же убѣжденіе и
совѣты были безуспѣшны, если тяжущійся,
ослѣпленный самонадѣяніемъ или
мщеніемъ, не внималъ голосу благона-
мѣреннаго родства и угрожалъ жалобу
свою перенести далѣе, тогда ему гово-
рили: „Ты причиняешь стыдъ и намъ
и себѣ; ты хочешь *ославить* насъ и по-
казать свѣту и добрымъ людямъ, что у

тебя нѣтъ родственниковъ примирителей.

Слѣдственно Спаршанская пословица, чтобы *изъ избы не выноситъ сора*, то есть, не дѣлашь дурной огласки: эта пословица въ чести была и у нашихъ предковъ. Спыдъ одного изъ ближнихъ своихъ почишали они общимъ нарѣканіемъ.

Спыдомъ укоряли еще и въ другихъ случаяхъ. Въ старину *заемныя писма* были неизвѣсны; кто занималъ, тотъ только сими словами давалъ поручительство: *если не устою въ словѣ своемъ, то да будетъ мнѣ стыдно!*

Гдѣ сердечное родство, тамъ и сердечная дружба. Умиралъ ли отецъ семейства,—сыны его поступали подъ надзоръ его друзей. Въ прежнее время каждое утро сходились на *Красную площадь* для переговоровъ и для словеснаго разбирашательства дѣлъ и тяжбъ. Встрѣчалъ ли опцовскій другъ сына его, который чѣмъ нибудь опорочилъ память родителя своего,—другъ подходилъ къ нему и общенародно укорялъ его такимъ образомъ: „Ты обезчестилъ честное имя отца своего: это грѣхъ и стыдно! Опомнись, примиришь съ совѣстью: или никто изъ добрыхъ людей

не захочетъ тебя знать и всѣ будущи
отъ тебя отворачиваться.“

XXVII.

ПАМЯТНИКЪ СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ.

Французскій сочинитель одной по-
лезной книги для юношества, рассказы-
ваетъ происшествіе, случившееся въ нѣ
незабвенные дни, когда слава и велико-
душіе ввели Русскихъ въ стѣны Парижа.

Я предложу его рассказъ.

Русской военный врачъ, пришедъ къ
Г. Делафоншену, золопыхъ дѣлъ ма-
сперу, подалъ ему малинькую вешхую
фаянсовую чашечку съ нѣмъ, чтобы
онъ оправилъ ее въ золото. Удивленный
художникъ сказалъ, что такой бездѣли-
цы никто и на улицѣ не захочетъ под-
нять. „Вѣрю,“ отвѣчалъ врачъ: „но я
этой бездѣлицы не отдамъ ни за что
на свѣтѣ, и потому возьмите и укрась-
те ее искусствомъ своимъ.“

За отдѣлку, продолжалъ Делафон-
шенъ: я долженъ взять пять сотъ руб-
лей. Врачъ согласился. Изумленіе худож-
ника еще болѣе усилилось. „Вижу,“ ска-
залъ Русской врачъ: „что требованіе

мое кажется безумнымъ. Однако же не только о людяхъ, но и о вещахъ не всегда должно судить по наружному виду. Сердечные памятники безцѣнны.

„И шакъ, чѣобы вамъ охотнѣе было работашь, то выслушайте исторію о чашечкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую часть собственной моей.

„Я сынъ сельскаго Священника. Главными добродѣтелями отца моего были челоуѣколюбіе и душевное гостепріимство. Всѣхъ странниковъ и прохожихъ принималъ онъ какъ братьевъ, посылаемыхъ къ нему Богомъ. По скудному своему состоянію, онъ и самъ не рѣдко нуждался, но никогда не ропталъ и всегда охотно дѣлился тѣмъ, что у него было.

„Однажды поступался къ нему въ окно прохожій въ бѣдномъ рубищѣ; отецъ мой поспѣшъ побѣжалъ и отворилъ ворота. „Я просился въ дома избыточные,“ сказалъ странникъ: „но вездѣ былъ отказъ.“—Сердце мое и домъ, отвѣчалъ мой отецъ, открыты для всѣхъ. На дворѣ мяшель: войдите скорѣе.—Вошедъ въ комнату, прохожій сказалъ: „Я не искапель приключеній; но по обѣщанію иду въ этой одеждѣ.“—Вижу, отвѣчалъ мой отецъ, что одежда ваша не соотвѣтствуетъ виду и словамъ

вашимъ; но я не стану упреждать васъ моимъ любопытствомъ.

„Посады спранника у печки, отецъ мой угостилъ его ужиномъ и попомъ проводилъ на постель. На другой только день путешественникъ замѣтилъ, что у насъ во всемъ домѣ одна была кровать. И теперь еще живо припоминаю, съ какою чувствительностію онъ извинялся, что обезпокоилъ моего отца.—„Мой долгъ,“ сказалъ мой отецъ: „мой долгъ безпокоиться для успокоенія другихъ.“—Позавтракавъ у насъ, прохожій, бѣдный по наружности, а благородный по виду и поступкамъ своимъ, пустился въ дальнѣйшую дорогу.

„Спустя два года, отецъ мой умеръ, а я отправился въ Москву продолжать, или, лучше сказать, начинать новое ученіе. Приблѣжаніемъ и трудами зарабатывалъ я уже небольшія деньги, на копорыя, по спроси моей къ чпенію, пошчасъ спѣшилъ запасаться книгами. Однажды, когда я въ книжной лавкѣ забиралъ книги, подѣбхала четвернею кареша и въ лавку вошелъ Господинъ въ богатой шубѣ. Какъ водится обыкновенно, бѣднякъ былъ оставленъ—и занялись богатымъ.

„Между тѣмъ я увязывалъ мои книги, а незнакомецъ, всматриваясь въ меня пристально, вдругъ сказалъ: что ему

кажется, что гдѣ-то меня видѣлъ, и желалъ знать, откуда я. Едва назвалъ я мѣсто родины моей, онъ съ живѣйшимъ чувствомъ спросилъ: Не сынъ ли я тамошняго сельскаго Священника и живѣ ли онъ? Извѣстіе о смерти моего отца опечалило незнакомца. „Вашъ отецъ“ сказалъ онъ: „былъ рѣдкій человекъ; онъ жилъ не для себя, но для бѣдныхъ.“ Потомъ, опведя меня въ сторону, продолжалъ: „Никогда, никогда не забуду, что бабюшка вашъ уступилъ мнѣ послѣднюю кроватку свою, а самъ спалъ на полу. Я нахожу въ чертахъ вашего лица сходство съ покойникомъ: будешь подобенъ ему и въ качествахъ душевныхъ. Какъ другу вашего отца, расскажите мнѣ о своемъ состояніи.“

„Сердечное участіе всегда возбуждаетъ откровенность. Узнавъ о счастливыхъ моихъ обстоятельствахъ, онъ далъ мнѣ триста рублей на покупку учебныхъ книгъ и ревностно способствовалъ мнѣ вступить въ званіе врача. Словомъ, я нашелъ въ немъ второго отца. За добродѣтели родителя моего я все получилъ, а въ наследство отъ него досталась мнѣ одна эша чашка. Скажите же, достойна ли она золотой оправы?“—Достойна! отвѣчалъ восхищенный художникъ. Я смотрю теперь на нее съ сердечнымъ уваженіемъ. У ме-

ня много блестящаго; но эптоѣ па-
мятникѣ сыновней любви всего дороже.

XXVIII.

МИНИНЪ,

или

СЛАВА И ДОБРОДѢТЕЛИ НЕ УМИРАЮТЪ (1).

Среди необычайныхъ бѣдствій, раз-
лившихся по лицу земли Русской 1612
года, раздался въ стѣнахъ Нижняго Нов-
города голосъ Гражданина Минина, го-
лосъ непримѣрный въ Лѣтописяхъ міра.
Одушевляясь грамотами, рассылаемыми
изъ Троицкой обители, Козьма Мининъ,
продавецъ мясной, по прозванію *Сухо-*
рукій, вышелъ на площадь, воскликнулъ
ко всѣмъ людямъ Нижегородскимъ: „Если

(1) Новыми достопамятными подробностями и
изображеніемъ гробницы Минина обязанъ Изда-
тель Дѣйствительному Члену Любимелей Обще-
ства *Коммерческихъ* знаній Петру Теодоровичу Ве-
решеникову. Достойный попомокъ велиаго гра-
жданина оживляетъ память его и уваженіемъ къ
его славі и подражаніемъ его примѣру. Любиме-
лямъ отечественныхъ добродѣтелей извѣстно, на-
кимъ пламеннымъ усердіемъ Г. Верешениковъ
одушевленъ къ подвигамъ общепользымъ.

желаемъ помочь Московскому Государству, то не только не пожалѣемъ себя, но продадимъ дома свои, зложимъ женъ и дѣшей, и будемъ битъ теломъ, чшобы усердный вождь принялъ надъ нами начальство.“

Сей голосъ опозвался во всѣхъ сердцахъ жителей Нижегородскихъ. Немедленно положили они опправить послами къ Князю Пожарскому Печерской обители Архимандрита *Теодосія* и другихъ людей почетныхъ.

Между тѣмъ Герой спрадалъ отъ ранъ въ вошчинѣ своей, находившейся во сто двадцати верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Пришедъ къ болѣзненному его одру, послы возгласили со слезами: „Побъжай съ нами въ Нижній Новгородъ: стань за вѣру православную и помощи Московскому Государству.“

Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, по предварительному уже сношенію съ Мининымъ, условясь о подвигѣ спасенія Отечества, отвѣчалъ посламъ: „изберите изъ *посадскихъ* своихъ человекъ, который бы дѣлилъ со мною труды военные и распоряжалъ казною.“ — „Нѣтъ у насъ такого человекъ,“ сказали послы. — „Есть, возразилъ Князь Пожарскій; есть у васъ Козьма Мининъ. Онъ на службѣ ознакомился и съ дѣломъ и съ порядкомъ военнымъ.“

Съ радостію поспѣшили послы въ Нижній Новгородъ и пересказали Минину слова Пожарскаго. Мининъ отвѣчалъ: „дайте приговоръ, что вы будете послушны, покорливы и будете снабжать деньгами людей военныхъ.“ Воздухъ огласился кликомъ единокорнымъ: *дадимъ!* Мининъ въ то же мгновение сочинилъ и написалъ: „Мы отдадимъ жизнь, семейства и имущества для вспоможенія людямъ ратнымъ.“—Сей приговоръ, скрѣпленный общимъ рукоприкладствомъ, отправленъ былъ къ Пожарскому.

Быстро разнеслась молва о подвигѣ самоотреченія Нижегородцевъ и быстро спекались со всѣхъ сторонъ дружины и денежные пожертвованія.

Взволновались спрахомъ и непріатели и измѣнники Опечества, и пребывали, чтобы Гермогенъ воспретилъ походъ дружинъ Нижегородскихъ. Гермогенъ отвѣчалъ: „да будутъ благословенны люди, идущіе очищать Московское Государство, и да погибнутъ измѣнники!“ Враги вѣры и Опечества обрекли сего великаго *Исповѣдника* на голодную смерть. Спраданіе его въ мірѣ прекратилось 17 Февраля 1612 года.

Не дремала измѣна. Россія въ Россіи возспала на Россію: условились измѣнники захватить Ярославль, всѣ *поморскіе города* и пресѣчь пушью ополченію

Нижегородскому. Но были на неусыпной спражѣ Опечества Пожарскій и Мининѣ. Для блага общества души ихъ слились въ одну душу. Съ перваго шагу и во все продолженіе подвиговъ своихъ, были они нераздѣльны сердцами и мыслями. И такъ Пожарскій и Мининѣ послали дружину въ Ярославль предупредить злоумышленниковъ. Вождь сей дружины, братъ Князя Пожарскаго, оправдалъ довѣренность Князя, брата своего, и Минина.

Въ то же время, не дождавшись помощи изъ Казани, Князь Пожарскій и гражданинѣ Мининѣ, съ именемъ Бога и Опечества, двинулись къ Ярославлю. Съ радостнымъ воспоргомъ вспрѣпили ихъ въ *Балахнѣ* и принесли пожертвованія. Вскорѣ изъ разныхъ городовъ присѣбли шуда Плещеевѣ и многіе Дворяне. Никто не спорилъ о мѣстничествѣ, всѣ покорствовали Князю Пожарскому и Гражданину Минину. Новыя жертвованія вспрѣпили Нижегородское ополченіе въ Юрьевцѣ *Повольскомѣ*, куда подосѣбли и *Юртовскіе* Тапары, копорые, наслаждаясь привольною жизнію въ Россіи, обрekli себя въ жертву за нее.

Коспрома возмущалась разномыслиемъ: Пожарскій и Мининѣ успокоили умы и перемѣнили Воеводѣ. Коспромскіе жипели, оживопворенные умными распоряженіями Русскаго Героя и Рус-

скаго гражданина, по словамъ Лѣтописи, дали *многую казну въ подмогу войска.*

Ярославль встрѣшилъ дружины Нижегородскія съ честію и на олшарь Опечества принесъ богатые дары. Но Пожарскій и Мининъ не приняли даровъ. Нужда въ деньгахъ миновалась, осталась одна только нужда спасенія Опечества.

Свѣзжались въ Ярославль вѣрные сыны Россіи; стекались и толпы злоумышленниковъ. Въ сихъ обспоятельстввахъ Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ употребили умную полишическую мѣру къ отдаленію Шведскаго оружія. Они писали къ *Делагардію*, что если сынъ Короля Шведскаго приметъ нашу вѣру, то его призовутъ на престолъ Россіи. Но, прибавляетъ Лѣтопись, сіе дѣлалось единственнo для того, чтобы Шведы не ополчались къ завоеванію поморскихъ городовъ въ то время, когда Нижегородское ополченіе пойдетъ освобождашь Московское Государство.

„Въ какихъ *Академіяхъ*, говоритъ *Оеофанъ*, учился ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ? Ни въ какихъ. Онъ почерпнулъ знанія свои въ книгахъ историческихъ.“ Гдѣ учился Мининъ? можемъ и мы спросить. Онъ замспвовалъ свѣденія свои въ наблюденіи дѣяній чelовѣческихъ и Государственныхъ. Есть заря, есть полдень, есть

западѣ жизни. Наши нравственныя и умственныя способности сообразуются съ сими тремя постепенностями природы. Опыта не лзя приобрѣсти ни въ какихъ училищахъ: онъ есть плодъ зрѣлыхъ и основательныхъ наблюдений.

Сей опытъ доставилъ Гражданину Минину умъ военный и догадки политическія.

Приверженцы *Заруцкаго* покушались въ Ярославлѣ на жизнь *Пожарскаго*. Провидѣніе охранило его, а великодушіе Героя простило убійцъ. „Убійцы, говоритъ *Лѣтопись*, повинились предъ всею ратью; но Князь *Димитрій* не далъ ихъ убишь.“

По выступленіи изъ Ярославля войсками начальствовали Князь *Хованской* и *Мининъ*, а *Пожарской* съ небольшою дружиною отпраился въ Суздаль помолиться *Всемильспивому Спасу*, *Чудотворцу Ефимію*, и проститься съ гробами родительскими.

Слухъ о приближеніи въ Москвѣ *Пожарскаго* и *Минина* обратилъ въ бѣгство *Заруцкаго*.

Вмѣстѣ съ Княземъ *Пожарскимъ* *Мининъ* принялъ на горѣ *Вокучиѣ* благословеніе отъ *Троицкаго Ахимандрита Діонисія*. Проливая слезы, сей назабвенный *Пасхырь* церкви воскликнулъ:

«Богъ да благословитъ васъ поспра-
дашь за вѣру и Опечесиво!»

День 23 Августа 1612 года ознаменовался въ стѣнахъ Москвы военною славою Минина. Добровольно вызываясь на бой, онъ просилъ Пожарскаго дать ему охотниковъ. Князь-Герой отвѣчалъ Гражданину-Герою: *возьми кого хочешь*. Непрiятель въ превосходныхъ силахъ стоялъ за Москвою рѣкою у *Крымскаго двора*. «Мининъ, говоритъ Лѣтопись, прямо налетѣлъ на сопротивниковъ.» Предъ лицомъ Героя-Гражданина дрогнули враги и устремились въ бѣгство. Воспламененные примѣромъ Минина, полки Пожарскаго просили, чшобы и имъ позволили дѣйствовать. Воеводы отвѣчали: *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ*.

И такъ Мининъ оживилъ Русскихъ первую радостною надеждою освобожденiя Москвы.

Освободилась Москва. Вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Феодоровичъ. Юный Государь украсилъ вѣнецъ свой вниманiемъ къ великому Гражданину. Мининъ пожалованъ былъ *Дулинымъ Дворяниномъ*. Сверхъ того въ родовое наслѣдство получилъ онъ множество деревень. А за Московское очищенiе прибавлено въ жалованной грамотѣ еще

къ шѣмъ деревнямъ село *Богородское* съ приписными пустошами.

Петръ Первый, въ бытность свою въ Нижнемъ Новгородѣ, поклонясь гробу Минина, сказалъ: «Жаль, что не осталось потомковъ отъ Минина.»

Но если мы и незнаемъ потомковъ Минина: мы знаемъ однако, что потомство не забыло и никогда не забудетъ великаго Гражданина.

Когда, ровно чрезъ два столѣтїя, наступилъ другой *двѣнадцатый годъ*, имя Минина загремѣло во всѣхъ сословіяхъ Россїянъ и во всѣхъ предѣлахъ Россїи. Казалось, что онъ снова ожилъ вмѣстѣ съ Княземъ Пожарскимъ. Быстро вступили враги, еще быстрое они бѣжали. Съ именемъ Бога, Царя и великаго Гражданина Минина дружины вмѣстѣ съ войскомъ перешли за предѣлы Отечества. Знамена ихъ озарились новою славою. — 1815 года шнадцать изъ сихъ знаменъ освѣтили гробницу Минина.

Еще 1673 года повелѣно было гробъ Минина и сына его Меѳодїя перенести изъ приходской церкви въ новосооруженный Нижегородскій *Преображенскій Соборъ*. При входѣ въ западныя двери на лѣвой сторонѣ у самой стѣны является гробница Минина. Сїя прослая гробница, вмѣщающая прахъ безсмертнаго Гражданина, покрыта ма-

линовымъ бархатомъ, и какъ мы уже сказали, окружена шринадцатью знаменами, предводившими Русскихъ къ славѣ 1312 года въ нѣдрахъ Отечества, а въ 1813 и 14 годахъ за границую.

Слава двухъ столѣтій соединилась у гроба Минина.

Кромѣ знаменъ, надъ гробницею Минина устроена 1815 года литая чугунная доска, на которой начертаны воспоминанія о различныхъ нашествіяхъ враговъ на Россію и о подвигахъ Минина. Наконецъ Москва, освобожденная Пожарскимъ и Мининымъ, узрѣла въ стѣнахъ своихъ памятникъ, сооруженный имъ. Нераздѣльны они были душами при жизни и нераздѣльны они въ изображеніи ихъ славы.

Время разрушаетъ всѣ памятники, воздвигаемые руками человѣческими: но слава и добродѣтели не умираютъ. вмѣстѣ съ памяшью о нихъ переходитъ и незабвенное свидѣтельство о томъ, что личныя достоинства человѣка и Гражданина всегда уважались въ Россіи.

ЭКСПЕДИЦІЯ

ПОДЪ

КОМАНДОЮ ПОДПОЛКОВНИКА

ЗИГРОДА,

БЫВШАГО АДЬЮТАНТОМЪ И ДЕЖУРНЫМЪ
ШТАБЪ-ОФИЦЕРОМЪ ПРИ КНЯЗЬ БАГРАТІОНЪ
СЪ НАЧАЛА 1812 ГОДА И ДО САМОЙ ЕГО СМЕРТИ,
А ПОТОМЪ УЖЕ КОМАНДИРОМЪ ТАМБОВСКАГО
ПОЛКА (*).

Почтенный сочинитель Россійской Военной Исторіи говоритъ, что ни одна страна въ свѣтѣ не можетъ представить въ своей Исторіи столько славныхъ военныхъ подвиговъ, какъ Россія. Даже при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ прошедшей давности, выказываетъ она цѣпь непрерывныхъ военныхъ происшествій, и духъ совершенно воинственной націи; а званіе военного ремесла обогащалось непрерывнымъ опытомъ. Рядъ вѣковъ грядущихъ возвѣститъ попомству послѣднія событія нашей войны опечесвенной, безпримѣрной во всѣхъ лѣтописяхъ. Я самъ имѣлъ щастіе участвовать въ семъ по-

(*) Въ сей статьѣ Издашель не перемѣнилъ ни одного слова.

ходѣ съ самаго начала и до конца онаго; все, что происходило, наши опечес-
 венные Писатели изложили вмѣстѣ и
 порознь въ своихъ сочиненіяхъ; но какъ
 къ сожалѣнію случается, что при важ-
 ныхъ военныхъ событіяхъ, не оставля-
 ютъ для свѣдѣнія потомству тѣхъ
 дѣлъ, для которыхъ не были употреб-
 лены большія массы войскъ, или не
 участвовали во оныхъ извѣстные Гене-
 ралы: подробность одного изъ тако-
 выхъ оставалась до сихъ поръ покрыта
 неизвѣстностью, хотя оно само по
 себѣ распространяетъ честь Россій-
 скаго оружія, и съ пользою можетъ по-
 служить примѣромъ для молодыхъ вои-
 новъ, вступающихъ на поприще чести.
 Пройдутъ еще десятки лѣтъ и, мо-
 жетъ быть, подвиги частныхъ началь-
 никовъ трехъ-лѣтней войны едвали бу-
 дутъ казаться вѣроашными.

Предложенное мною здѣсь описа-
 ніе экспедиціи основываю я на свидѣ-
 тельствѣ тѣхъ лицъ, которыхъ извѣстны
 Европѣ, и которыхъ пользовались
 довѣріемъ Государя Императора. Я
 это краткое описаніе разположилъ
 такъ, чтобъ оно было удобопонятно
 для каждаго, военнаго, который еще не
 бывалъ на полѣ брани; топографичес-
 кая карта живо можетъ представишь
 воображенію и уму искусной маневръ

славнаго Генерала; а дѣйствія ознакомятъ молодаго Офицера съ духомъ шѣхъ воиновъ, среди которыхъ онъ находится; оно вразумитъ его о томъ, что онъ можетъ, и что въ состояніи сдѣлать съ ними, бывъ предприимчивъ и благоразуменъ.

Моя жѣ цѣль шупъ шолько одна: посвятивъ себя до послѣдняго истощенія силъ, или лучше сказать, до самой смерти службѣ моему Государю и Опечеству, я сугубой для себя наградой чшу все то, когда могу чѣмъ либо бытъ полезнымъ.

Въ то самое время, когда мы разными направленіямъ сближались къ Парижу, отрядъ нашъ подъ командою Генералъ-Лейтенанта Барона Сакена составился изъ корпусовъ собственно его и корпуса Князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, кавалеріи подъ командою Генералъ-Лейтенанта Васильчикова и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи.

Съ 27 по 28 Января 1814 года отрядная наша кватіра расположилась въ мѣстечкѣ Моншмираль, войска были распавлены по деревнямъ около онаго; въ вечеру былъ полученъ отъ Генерала Сакена приказъ, чшобъ на разсвѣтѣ въ 4 часа прибытъ на зборное мѣсто, къ дефиле, ведущему къ Лаферте, и отрѣзать отъ онаго Генерала Макдональда,

пораженнаго Генераломъ Іоркомъ и опсупающаго съ правой стороны къ оному дефиле. Не успѣвъ еще прибыть на мѣсто, намъ назначенное, мы услышали ружейную и пушечную пальбу; а прибывъ узнали, что Генералъ Васильчиковъ, командующій авангардомъ, встрѣтилъ непріятеля; но какъ при немъ не было еще пѣхоты, то Французской отрядъ, въ темнотѣ по шоссной дорогѣ, съ правой стороны прикрытой горами, а съ лѣвой стороны рвами, пробрался въ дефиле и здѣлалъ засѣку.

Тотчасъ по прибытіи пѣхоты, стрѣлки 7 дивизіи были пущены въ дѣло; къ 4^{мь} часамъ вечера дефиле было очищено, отбито у непріятеля нѣсколько орудій, и нѣкоторыя полки 18 дивизіи такъ же были введены въ дѣло, при занятіи предмѣспія, а потомъ и самаго города Лаферше.

Генералъ Макдональдъ переправясь на ту сторону рѣки Марны, которая въ срединѣ раздѣляетъ городъ, подорвалъ прекрасный каменной мостъ, прикрылъ онымъ свое опсупленіе, и отъ насъ скрылся. 29 Тамбовской пѣхотной полкъ подъ командою Подполковника своего Барона *Зигрода*, былъ употребленъ на постройку пловучаго моста; работа продолжалась до 1 часа за полночь: какъ вдругъ получаемъ приказъ,

чтобы 30го числа по утру въ 4 часа выступишь въ походъ, по дорогѣ ведущей въ Моншмираль. Вышедъ изъ дефи-ле, только что подвинулись къ вчерашнему нашему ночлегу, какъ вдругъ грохотъ пушекъ раздался въ долинахъ и огласилъ намъ кровавую битву; отдаленные холмы попрысались и съ сѣшованиемъ повшорили ихъ. Мстительной Наполеонъ какъ жертву выжидалъ насъ; обнаженные предъ симъ поля, будто тучами хищныхъ птицъ, покрывались легіонами Французовъ; и попомъ открылась предъ нами вся линія непріятеля. Вскорѣ и нашъ отрядъ былъ устроенъ въ боевой порядокъ; высланные нами стрѣлки встрѣпили Французскихъ, и брань закипѣла.

Въ тожъ самое время дано приказаніе, чтобы стоящей впереди нашей боевой линіи, за большимъ оврагомъ, на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ, занявъ не большую деревню, неизвѣстно почему еще не занятую Французами; на сіе были употреблены слѣдующіе полки: 7 дивизіи: Софійскій подъ командою Подполковника Лопухина, въ числѣ 1540 человекъ, и роты 11го Егерскаго полка подъ командою Подполковника Старова 60 человекъ; 18 дивизіи: Тамбовской подъ командою Подполковника Барона Зигрода 356, Владимірской

подъ командою Маіора Платонова 589. Всего сей опрядъ заключалъ въ себѣ не болѣе 2225 человекъ пѣхоты, 6 орудій легкой артиллерійской роты, и не комплекснаго полка козаковъ. Всею пѣхотою по старшинству командовалъ Подполковникъ Баронъ Зигродъ.

Приказаніе было тотчасъ и въ точности исполнено; соединясь и получивъ распоряженіе, мы двинулись впередъ; подходя къ оврагу (*) оставили не большую березовую рощу, перешли оврагъ и безъ сопротивленія заняли деревню.

Расположеніе наше было слѣдующее. Между нашею деревнею и Моншмиралемъ находилась деревня, занятая Французами, которая была противъ середины нашей боевой линіи, въ равномъ отъ Моншмираля и насъ разстояніи, такъ что мѣстечко Моншмираль и двѣ эти деревни составляли діагональ къ срединѣ непріятельской боевой линіи; лѣвое наше крыло примыкало къ оврагу, за которымъ, какъ я упомянулъ, была березовая роща, а правое крыло наше протягивалось къ большому сосновому лѣсу съ болотистою пошвой, которой составлялъ прямую линію, противъ самаго лѣваго крыла непріятельской арміи,

(*) Въ лѣвой сторонѣ отъ себя, близь дороги ведущей изъ Лаферше въ Моншмираль ш. е. къ срединѣ непріятельской боевой линіи.

заслонивъ собою р. Марну и высоты Шапоперскія. Сверхъ того правое крыло наше было подкрѣплено полкомъ козачьимъ, расположившимся за онымъ; цѣпь наша послѣдована была впереди деревни, колонны позади оной нѣсколько подъ скапомъ горы, по той причинѣ, что сильная непріятельская артиллерія начала дѣйствовать по нашей линіи.

6 Орудій поставлены были съ противу лежащей стороны оврага, ниже березовой рощи, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать по правому флангу сѣрѣлковъ непріятельскихъ; но ядры не долетали и не могли вредить онымъ.

Съ нашей стороны быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ атаки нашей въ изумленіе приведенъ былъ вождь Французовъ; деревня занятая непріятелемъ немедленно наполнилась его колоннами, и высланные противъ насъ сѣрѣлки встрѣпили нашихъ.

Скоро мы замѣтили, что огонь нашего корпуса по всей линіи утихъ, равно не стало и нашей артиллерійской полуроты. Генералъ Сакенъ атаковавъ нами лѣвое крыло непріятельское и занявъ онымъ вниманіе Французовъ, вдругъ отдалъ всему корпусу повелѣніе, отступать на Шапопери; оставивъ выше березовой рощи на большой дорогѣ два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ подъ командою

Маіора Бедряги и Ропмиспра Горспкина, наблюдашь за движеніями непріяшеля. Мы прикрыли опспупленіе нашихъ войскъ, и оспались для борьбы съ сильнымъ непріяшелемъ, начиная уже бышь ашакowanными въ свою очередь и сами.

Мы почувспвовали всю важность нашего назначенія; Наполеонъ имбѣ шолько насъ однихъ передъ собою, усемерилъ спрѣкковъ своихъ и сдѣлалъ сильное нападеніе на цѣпь нашу; медленно опспупали спрѣлки наши предъ превосходными силами непріяшеля; но принуждены были мѣспо и деревню оспа-вишь Французамъ. Они заняли оную, и градъ пуль посыпался на наши колонны, кошорыя видя опустошеніе въ рядахъ своихъ, осадили къ глубинѣ оврага; бывшіе въ спрѣлкахъ офицеры, всѣ или побиты или ранены; казалось, что уже все гибло Но нѣкошорые изъ опважныхъ нашихъ Офицеровъ (*) бросились къ расспроеннымъ колоннамъ, ободрили солдатъ и повели ихъ впередъ, устремившись первые въ пламя битвы; солдаты всѣ обрапились за ними (**) и съ грознымъ крикомъ: ура! ударили на Французовъ, очиспили деревню, и симъ подвигомъ возспановили сраженіе.

(*) Кошорыхъ я не назову пошому, что обязанъ щадить ихъ скромность.

(**) Хошя и въ безпорядкѣ.

Тогда Подполковникъ Зигродъ, возблагодаривъ Подашеля силъ и помощи за отвращеніе видимой намъ и опсступающему корпусу опасности, и усмошрѣвъ, что ему должно защищаться только собственными силами, сдѣлалъ новое распоряженіе. Умноживъ стрѣлковъ и назначивъ къ нимъ новыхъ Офицеровъ, приказалъ Подполковнику Лопухину наблюдать за правымъ, а Подполковнику Спарову за лѣвымъ крыльями; средину стрѣлковъ разположилъ во рву, копорымъ обнесена была деревня, и копорой съпереди обсаженъ былъ шерновымъ кустарникомъ; резервы поставлены были подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ строеній; колонны устроены вновъ и поставлены на томъ же самомъ наклоненіи горы, на копоромъ были прежде, но только прошивъ промежутковъ строеній, или исходящихъ точекъ Французской апаки. Въ крашкѣ рѣчи солдатамъ герой изъяснилъ наше положеніе, сказавъ: чтобъ избѣгнуть непріятельскаго пораженія, или посшыднаго плѣна, должно приниматьъ Французовъ въ штыки, всегдашнимъ вѣрнымъ нашимъ орудіемъ. Громкой и единодушной опзывъ: „ради умереть, Ваше Высокоблагородіе!“ раздался въ рядахъ нашихъ.

Наполеонъ не находя средствъ вытѣснить насъ изъ нашей боевой линіи

одними только стрѣлками, построилъ полки свои въ большія густыя колонны; съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ повелъ вновь атаку, съ шѣмъ, чтобъ оными прорвать нашу средину. Ударъ былъ смѣлъ и быстръ: стрѣлки наши отступали почти наравнѣ съ боками Французскихъ колоннъ, копорыми повидимому и не хотѣлъ уважить онъ; но лишь только непріятель показался на нѣскольکو шаговъ за деревню, какъ страшный крикъ: ура!... и ударъ холоднаго орудія, встрѣтилъ атаку непріятели. Сѣверные Геркулесы вломились въ колонны и опустошали ряды ихъ: Французы гибли отъ штыковъ нашихъ, были смяты и опрокинуты; съ великою попереею и въ величайшемъ безпорядкѣ прогнаны къ ихъ боевой линіи.

Стрѣлки наши въ шужь минушу занявъ прежнія свои мѣста, испребляли цѣльными выстрѣлами разстроенные толпы непріятели; но и огонь Французской артиллеріи ядрами и картечью былъ непрерывенъ: свистъ пуль, шипеніе картечь, хлопаніе гранатъ и визгъ ядеръ вдругъ и въ одно время, непрерывно наполнялъ воздухъ и заглушалъ насъ; земля была изрыта рикошетными ударами; передъ нами и надъ нами разрывались гранаты. Но благодаря

опытности и военному дару Подполковника Зигрода, оспрядъ нашъ такъ былъ хорошо расположенъ, что артиллерія не могла сильно вредить нашимъ колоннамъ; вездѣ его примѣръ, его распоряженіе поддерживались бдительностію отважныхъ его офицеровъ: онъ самъ такъ много предавался опасности, какъ будто бы искалъ смерти, но судьба хранила его для нашего спасенія (*). Сраженіе продолжалось съ неизмѣннымъ жаромъ; за каждой шагъ земли съ обѣихъ сторонъ дорого было плачено; часто линія нашихъ стрѣлковъ, написнутая превосходнымъ непріателемъ, должна была осаживать; но крѣпкое расположеніе середины нашей стрѣлковой линіи всегда давало сильную опору крыльямъ, копорья отъ времени до времени нужно было подкрѣплять новыми стрѣлками. Безпрерывной огонь Французской артиллеріи и стрѣлковъ, при всемъ прекрасномъ распоряженіи Подполковника Зигрода, дѣлалъ большую убыль въ линіи нашей.

Наконецъ Наполеонъ наскучивъ медленностію, построилъ вновь густыя колонны, головы копорыхъ сомкнулъ изъ элитовъ, и повелъ ихъ, казалось,

(*) Онъ остался живъ, бывъ раненъ съ начала сраженія въ берцо правой ноги пулею.

съ твердою рѣшимостію завладѣть деревней и мѣстомъ нашей боевой линіи; но непобѣдимые (*) выждали; грозное: ура! загремѣло вновь, и ударъ штыковъ опрокинулъ и истребилъ колонны, уничтоживъ онымъ совершенно весь замыселъ Наполеона. Горсть Русскихъ разсѣяла сонмы непріятелей, впрочемъ храбрыхъ и дѣйствовавшихъ въ глазахъ обожаемаго ими Полководца.

Дѣйствительно въ сей достопамятной безпримѣрнымъ мужествомъ и храбростію день, всякой нашъ солдатъ былъ рыцаремъ, и каждый Офицеръ героемъ; мы были покрыты попомъ, кровью, и бессмертною славою! Разсмотрѣвъ подробно и безпристрастно бышописанія, безъ сомнѣнія найдемъ эту экспедицію изъ числа первѣйшихъ, а можетъ быть и первую. Ежели Леонидъ въ пѣснинахъ Термопильскихъ побилъ Персовъ: то его выгоды состояли въ избранномъ имъ мѣстѣ и въ слабой рѣшимельности Ксеркса, а мы имѣли прошивъ себя Наполеона и Наполеона мстящаго,—который никогда своихъ побѣдъ не измѣривалъ жертвою воиновъ; множество артиллеріи и отъ 66 до 70 тысячъ (***) храбраго войска, съ

(*) Это выраженіе Наполеона.

(**) По показанію взятыхъ нами плѣнныхъ.

искусными Генералами; боевая наша линия такъ была открыта и такъ слаба, что тѣмъ, кто бы имѣлъ болѣе насъ отважности и мужества, очень легко отбить и занять было бы ее можно; но шутъ стояли Русскіе! А Русскіе не разъ уже доказали, что подъ командою храбрыхъ и опытныхъ Офицеровъ, подъ распоряженіемъ искусившагося въ бояхъ и владѣющаго ихъ довѣріемъ начальника, побѣжденными никогда бытъ не могутъ (*); тѣмъ кончилась 3 и послѣдняя непріятельская атака (**). Непритель потерялъ надежду достигнуть своей цѣли грудь прошивъ груди.

Мы намѣревались наше мѣсто удерживать до ночи, но къ вечеру замѣтили, что Французы сильными колоннами начали обходить наше лѣвое крыло, и потому малѣйшая медленность могла бытъ для насъ гибельна. Чтобы

(*) Еще въ 7 лѣтнюю Прусскую войну сказалъ Фридрихъ Великой, что „Русскихъ побить можно, но побѣдить никогда.“ Если бы онъ жилъ теперь, то увѣрился бы, что Русскіе умѣютъ и лучше бить, и лучше побѣждать.

(**) Мы въ продолженіи 15 часовъ безрерывнаго дѣйствія, выстрѣлили 3 комплекта патроновъ, бравши изъ сумъ убитыхъ нами Французовъ; потому что ящиковъ патронныхъ къ намъ, отъ сильнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, не лзя было доставить.

не бытъ опрѣзанными и не подвергнуться перекрестному огню Французской артиллеріи или тѣмъ самымъ не дать время и случаю, вредить имъ отступленію нашего корпуса, мы должны были съ поспѣшностію отступить, не присоединя къ себѣ стрѣлковъ нашихъ, по 3 причинамъ: 1 что подъ оглушительнымъ громомъ артиллеріи не слышно было сигналовъ барабанныхъ. 2. Посылка Адьюпаншовъ была медленна и могла бы открытъ наше намѣреніе наблюдательному непріятелю. 3. Самое важное, чтобъ стрѣлковъ нашихъ пропавшихъ быстрой атакою, и тѣмъ сколько возможно болѣе выиграть время, и выбраться изъ сѣтей ими намъ разспавляемыхъ.

Едва успѣли Французы замѣтить отступление нашего отряда, какъ вновь колоннами и стрѣлками своими сильную повели атаку на линію нашу; и едва отрядъ нашъ перешелъ оврагъ и поднялся до осмидесяти сажень на противоположенное возвышеніе, какъ онымъ же оврагомъ высланные нѣсколько эскадроновъ Французскихъ драгунъ явились въ тылу у насъ и симъ движеніемъ стрѣлковъ нашихъ отъ колонны совершенно опрѣзали. Еще они могли бы бытъ спасены, еще могли бы присоединиться къ намъ, ежели бы было при насъ доста-

точное количество кавалеріи, вмѣстѣ съ которою и бывшій съ нами козачій полкъ съ быстротою и мужествомъ Донцовъ ударилибъ и разсѣяли эскадроны непріятельскіе; но къ несчастію, ему не возможно тогда было предпринять онаго: онъ для пользы общей долженъ былъ съ своими слабыми силами уклониться отъ рѣшительнаго удара съ превосходнымъ непріятелемъ. И такъ быспроша Французской кавалеріи была остановлена огнемъ нашей пѣхоты и рѣшительностію принять ее въ штыки; въ тожъ самое время козачій полкъ пропивъ нее выслалъ своихъ отважныхъ набздниковъ, и мы продолжали наше отступление. Французская кавалерія, на каждомъ шагу останавливаемая проворствомъ и ловкостію козаковъ, преслѣдовала насъ нѣсколько сотъ сажень; потомъ повернула направо и скрылась за березовую рощу.

Обратимся теперъ къ участи несчастныхъ стрѣлковъ нашихъ. Цѣпь, въ числѣ пяти сотъ или болѣе, отступивъ отъ многочисленнаго непріятеля въ совершенномъ порядкѣ и съ мужественною холодностію, не нашла уже колоннъ, которыя ей столько разъ были твердою опорою; увидѣла себя отъ оныхъ въ 3 стахъ саженьхъ и опрѣзанною кавалерією: какъ въ тоже самое время на нихъ

сдѣлано было нападеніе со всѣхъ сторонъ нѣсколькими эскадронами Польскихъ Уланъ, съ яростнымъ спремленіемъ..... Храбрые наши солдаты, движимые примѣромъ Офицеровъ, предпочли смерть постыдному плѣну, и всѣ пали на полѣ славы, исключая тѣхъ, которые бывъ ранены, не могли болѣе владѣть оружіемъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые Офицеры. Ихъ тотчасъ представили для объясненія къ Наполеону. Оставимъ волю Вышняго положившихъ жизнь свою за Вѣру и Отечество, и возвратимся къ отступающимъ.

Козакамъ не было время обезпечить наше отступление, имъ нужно было поспѣшить занять аванпостную линію, и мы оставались уже одни; Подполковникъ Зигродъ, какъ опытной и прозорливой начальникъ, предвидѣлъ, что скрывшаяся Французская кавалерія воспользуется отступившимъ нашихъ козаковъ, и за свою неудачу не упуститъ, ежели можно, отместить намъ, послалъ Подполковника Лопухина къ Маіору Бедрягъ, стоящему для наблюденія съ двумя эскадронами своихъ гусаръ, склонить его присоединиться къ намъ, для прикрытія нашего отступления; предвѣденіе его сбылось: Французская кавалерія пробравшись чрезъ чащу рощицы, появилась противъ праваго

крыла нашей колонны, съ тѣмъ, чтобы пресѣкши намъ путь, замедлишь отступленіе, и дашь время преслѣдующимъ насъ Шасерамъ насстигнуть (*); но пущеннымъ по ней ружейнымъ огнемъ была остановлена, однакожь должна была остановиться и наша колонна; но почти въ то же самое время подоспѣли наши гусары и храброй Роммистрѣ Горскинѣ первой ударилъ на смѣшавшагося нѣсколько отъ выстрѣловъ нашихъ непріятели, и Французскіе экакадроны были опрокинуты. Глубокая ночь опустила мрачной покровъ свой, и тѣмъ кончилось для насъ незабвенное 30 Января 1814 года. Потерявъ двѣ трети храбрыхъ нашихъ сподвижниковъ, и большую часть Офицеровъ, 13 съ ряду часовъ не позволили непріятелю у насъ завладѣть и однимъ шагомъ земли; поля Монсмиральскія были свидѣтели упорной битвы и непреодолимаго мужества! Такъ во время морской бури, скала граничная вспрѣчаешь удары валовъ ревущихъ: они съ шумомъ стремятся къ ней и съ трескомъ разбиваясь, опять упадаютъ въ пучину. Пали ряды и на-

(*) Дѣйствительно Наполеонъ приказалъ своимъ воинамъ снять башмаки и босымъ насъ преслѣдовать, чтобы скорѣй насстигнуть по узкой и топкой дорогѣ.

шихъ храбрыхъ воиновъ—но смерть героевъ завидна! они паденіемъ своимъ ужаснули изумленнаго непріятеля!... Опшупая всю ночь, мы въ 7 часовъ поутру прибыли на высоты Шапоперскія, подъ команду нашихъ Гг. Генераловъ и получили новое назначеніе.

Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что прошивъ его было такое число Русскихъ, предводимыхъ Подполковникомъ; но убѣдясь въ продолженіи дѣла въ истиннѣ, въ дневномъ приказѣ своемъ, поставилъ насъ въ примѣръ своей арміи, и назвалъ Львами (*).

Маіоръ Михаилъ Кузминъ.

(*) Сіе извѣстіе получено по взятіи Парижа отъ самихъ Французовъ, которые участвовали въ ономъ дѣлѣ и были очевидными свидѣтелями того и другаго.

НОВЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПОД-
ВИГЪ ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВАР-
ГИНА.

Благодѣяніе есть отличительное качество души благородной. Предстоя у гроба ближнихъ, благодѣяніе даетъ новое бытіе тому, кто едва ли былъ извѣстенъ въ сей жизни скоротечной. Вотъ тому примѣръ.

Въ Октябрѣ 1823 года получилъ я слѣдующій билетъ: „Василій Васильевичъ Варгинъ, извѣщая о кончинѣ Коммиссаріатскаго Коммиссіонера 10 класса Алексѣя Ивановича Лазарева, послѣдовавшей сего Октября 29 дня въ 7 ч. по полудни, приглашаетъ всѣхъ друзей и знакомыхъ покойнаго: не угодноль имъ будетъ сдѣлать ему послѣднею честь, пожаловать на опѣваніе пѣла его сегожѣ Октября 31 дня въ 9 ч. утра, въ приходскую церковь Св. Черниговскихъ Чудотворцевъ, что на Пятницкой. Погребеніежѣ будетъ въ Донскомъ монастырѣ.“

Съ покойнымъ А. И. Лазаревымъ познакомился я лѣтъ двадцать тому назадъ, въ домѣ Алексѣя Ивановича Кусова, гдѣ я жилъ по ласкѣ гостепріимнаго хозяина. Онъ находился въ компо-

рѣ его *Бухгалтеромъ*, а опшуда перешелъ въ Коммиссаріатъ. Въ цѣломъ мірѣ у покойнаго Алексѣя Ивановича Лазарева не было ни одного родственника. И такъ благошвореніе доставило ему у гроба и друзей и знакомыхъ и родныхъ. По всей справедливости можно сказать, что Василій Васильевичъ Варгинъ употребилъ къ погребенію сего сироты все то, что можетъ при такомъ случаѣ оказать нѣжнѣйшій родственникъ.

При оппѣваніи присутствовалъ Архимандритъ. Въ Донской монастырь провожали покойника всѣ приглашенные друзья и знакомые. Могила его находится подлѣ могилы роднаго брата Василья Васильевича Варгина и почти насупротивъ памятника благодѣтельнаго Графа Льва Кириловича Разумовскаго.

Видя великолѣпное погребеніе бѣднаго сироты, любопытные зрители спрашивали: *кого погребаютъ?* Удивились бы они, еслибъ имъ сказали, что погребаютъ странника сего міра, которъй дошелъ до сорока трехъ лѣтъ, ничего послѣ себя не оставилъ.

И такъ честь и слава Василью Васильевичу Варгину, которъй горестному сиротѣ воздалъ всѣ тѣ почести, какія оказываютъ и бывшимъ любимцамъ сего преходящаго міра. При воззрѣніи на сіе погребеніе, не лзя было не при-

помнишь сердечнаго изреченія Царя Давида: *отецъ и матъ оставили меня; но Богъ меня воспріялъ.*

Такъ! небесный Отецъ сиротъ посылаетъ людей благодушельныхъ, которые злополучнымъ сиротамъ замѣняютъ отцевъ и матерей. Чѣмъ рѣже встрѣчаются сіи *безкорыстные благотворцы*, тѣмъ болѣе достойны они уваженія. В. В. Варгинъ по подвигамъ своимъ заслужилъ сіе душевное уваженіе. Трудное, заботливое и обширное производство его дѣлъ никогда не опдалаетъ его отъ спраждущаго челоуѣчества. Ни одинъ изъ спрадальцевъ, прибѣгавшихъ къ его помощи, не отходилъ безъ утѣшенія; онъ полезенъ для живыхъ своихъ друзей и онъ не забываетъ праха своихъ знакомыхъ.

Я повторю здѣсь и то, что сказалъ въ моихъ *Рускихъ Анекдотахъ* относительно къ Василью Васильевичу Варгину. „Счасіе сего міра и ненадежно и превратно; но добрыя дѣла и въ буряхъ злополучія сіяютъ собственнымъ своимъ блескомъ. Василій Васильевичъ Варгинъ ни въ какихъ обстоятельствахъ своей жизни не изгладится изъ сердецъ тѣхъ, которые умѣютъ цѣнить добрыя дѣла, произтекающія изъ души, живошворимой вѣрою и добродѣшью.

БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ ВЕНГЕРСКІЙ УРО-
ЖЕНЕЦЪ АЛБЕРТЪ ФИШЕРЪ.

„Сколько сладостно упѣшеніе, говоришь знаменитый *Боссюетъ*, оставишь по смерти своей между людьми имя свое въ уваженіи! изъ всѣхъ сокровищъ человѣческихъ, одного сего сокровища смерть не можетъ похитить.“

Напоминаніе о *Албертѣ Фишерѣ* увѣнчано общимъ уваженіемъ его друзей.

Около тринадцати лѣтъ былъ я знакомъ съ почтеннымъ Венгерскимъ уроженцемъ *Албертомъ Фишеромъ*, который занимался въ Москвѣ ученіемъ на арфѣ. Онъ былъ вездѣ уважаемъ за прекрасныя качества души своей; а я любилъ его за превосходное его дарованіе въ музыкѣ и за страсть его къ Словесности. Послѣ нашествія враговъ онъ оставилъ уроки, и наслаждался Словесностію, природой и бесѣдою съ друзьями. Онъ бывалъ у меня разъ по шести въ годъ; во время же семейственнаго моего заведенія въ пользу воспитанія юношей Донскаго края, онъ посѣщалъ меня чаще, любя слушать отечественныя пѣсни Донскихъ юношей и перекладывая оныя на арфу и фортепіано. Впро-

чемъ онъ такой же охотникъ былъ бродить по улицамъ Московскимъ, какъ и я; слѣдственно мы встрѣчались почти каждый день. Вотъ все мое тридцатилѣтнее съ нимъ знакомство. Никогда не спрашивая я, есть ли у него что нибудь; а не бывъ охотникомъ до наследства, еще менѣе помышлялъ о наследствѣ.

На шестьдесятъ шестомъ году мирной жизни своей, онъ жестоко занемогъ. Узнавъ о томъ, я посѣтилъ его однажды по утру. Въ то время былъ у него врачъ его. Мнѣ показалось, что ему тягостны постороннія посѣщенія. Я и самъ люблю въ болѣзни глубокое уединеніе. Для спранниковъ сего міра, подверженныхъ шумнымъ бурямъ, болѣзнь есть нѣкошорымъ образомъ отдохновеніе.

Почтенный *Албертъ Фишеръ* томился болѣнію около шести мѣсяцовъ. Въ послѣднія недѣли своей жизни сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе. Я ничего о томъ не зналъ; меня извѣстили, что и я въ числѣ его наследниковъ.

Сильно поразило меня сіе извѣстіе. Я узналъ, что я искренно былъ любимъ человекомъ, которъ уже на краю гроба!—Но въ то же время я дивился судьбамъ Провидѣнія, Которое внушило мысль человеку, отходящему отъ сего

міра, простерть благодѣтельную длань къ отвлеченію моего семейства опіѣ пропасти, къ которой я часъ отъ часу болѣе приближался отъ долговъ, поспигшихъ меня по случаю внезапнаго отобранія Донскихъ юношей, воспитывавшихся въ моемъ семействѣ (*).

На другой день я рѣшился поспіишь вмѣстѣ съ женой моей умиравшаго нашего благодѣтеля. Тщешно изыскивалъ я въ головѣ моей оборотовъ рѣчей, какъ вступишь съ нимъ въ разговоръ. Никогда уста мои не могли бы произнести, что я *благодарю за наследство*. Одно сіе слово напомнило бы и смерть и гробъ и могилу и все то, что устрашаетъ насъ слабыхъ *смертныхъ*, рожденныхъ къ *смерти*! Къ счастью у меня тогда болѣла щека; я говорю къ счастью, ибо это послужило приступомъ къ обьясненію моему.

Сѣвъ съ женою въ коляску, мы поѣхали къ дому Г. *Бурелли*, гдѣ жилъ покойный *Албертъ Фишеръ*. Я оста-

(*) О семъ заведеніи упомянуто было въ Учебной книгѣ Русской Словесности на стр 342; также и въ Опытѣ Русской Литературы, на стр. 270. Въ письмахъ къ моему старинному сопитомцу означу я, кто былъ *первымъ* благодѣтелемъ моего семейства по уничтоженіи вышеозначеннаго заведенія.

вилъ жену у крыльца въ коляскѣ, а самъ пошелъ освѣдомиться, можно ли видѣть больного. Меня пошѣ-часъ пропустили. „Почтенный Господинъ Фишеръ, сказалъ я, указывая на мою подвязанную щеку: больной прѣхалъ посѣпить больного.“ Остроумный мой благодѣтель догадался, что я хотѣлъ сказать. Онъ подалъ мнѣ руку и отвѣчалъ: „Извините, что я осмѣлился помѣспить васъ въ духовномъ моемъ завѣщаніи. Но любя и уважая васъ около тридцати лѣтъ, я не могъ приближаясь къ гробу, опказать сего удовольствія моему сердцу.“

Не нужно говорить, что чувствовалъ я при сихъ словахъ, исходившихъ изъ устъ человека, занесшаго ногу въ могилу. „Добродѣтель ваша, сказалъ я, меня не удивляетъ. Но, какъ отецъ многочисленнаго и разореннаго семейства, я не отвергаю вашего благодѣянія. Вы приняли въ родство меня и жену мою; и такъ позвольте ей придти. Она въ коляскѣ у вашего крыльца.“

Съ сими словами пошелъ я къ женѣ моей. „Пойдемъ, сказалъ я, пойдемъ къ благодѣтельному Фишеру: онъ смѣлѣе меня. Онъ умѣлъ жить и умѣетъ умирать.“

При входѣ моей жены, онъ привсталъ со смершнаго одра своего, поцѣловалъ руку ея и повторилъ: „Извините,

сударыня, что я осмѣлился включить мужа вашего въ число моихъ наследниковъ!“ Слабый голосъ его на нѣсколько минутъ прервался. Онъ собрался съ духомъ и продолжалъ: „Вашъ мужъ живетъ своими трудами; я самъ жилъ трудами моими. Я испыталъ, какое это тяжелое поприще! А при томъ я знаю, что мужъ вашъ разорился отъ усердія къ воспитанію юношей Донскаго края. Примите искреннюю жертву отъ умирающаго челоука!“

Онъ угощалъ насъ съ тою же любезностію, какою украшались всѣ дни его жизни.

15 Сентября 1823 года не спало благодѣтельнаго *Алберта Фишера* на землѣ; но память о немъ напечатлѣлась навсегда въ сердцахъ моего семейства.

Изъ рукъ Священника Каполической церкви *Петра и Павла*, получилъ я *шеститысячный* завѣщанный мнѣ ломбардный билетъ. Принимая оный, я сказалъ: „Почтенный Служитель алпайской вѣры! Иностранцы печатаютъ, будто бы я ненавижу Иностранцевъ; но само Провидѣніе опровергаетъ сей несправедливый упрекъ. Сердце мое способно къ любви, а не къ ненависти. Въ любѣйшемъ, въ опчаянномъ состояніи моего семейства, благодѣтельный

иностраниць завѣщаль мнѣ великодушное вспомошествованію, и я получаю оное изъ рукъ иностраннаго Служителя алшарей вѣры.“

Другѣ и благодѣтель моего семейства! Когда разцвѣтешъ Майская природа, копорую ты такъ спраспно любилъ; когда заструятся вѣ зеленыхъ берегахъ испочники прозрачные, и когда разольются по рощамъ очаровательные звуки соловьевъ, копорымъ продражали звуки арфы твоей: тогда пойду я съ семействомъ моимъ навмѣспилище твоего праха, и воздвигая на немъ дружескій памятникъ, изображу собспвенное твое изреченіе: *Добродѣтель не умираетъ!*

С Т И Х И

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА,
ГРАФА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ШУ-
ВАЛОБА.

Скорби, Опечественна слава!
Еще одинъ изъ чадъ твоихъ
Сталъ жертвой смертнаго ушва:
Онъ палъ въ семьѣ друзей, родныхъ!—
Онъ палъ не тамъ, гдѣ смерть грозила;
Неумолимой смерти сила
Постигла въ мирны дни его!—
Скорби, сопутница Героевъ!
Оплачь питомца грозныхъ боевъ:
Оплачь любимца своего!

✻

Смерть съ нами въ колыбель вступаешъ;
Подъ дланю мы ея ростемъ;
Какъ тѣнь—она насъ провождаетъ:
Увы! для смерти мы живемъ!—
Въ битвахъ кровавыхъ и ужасныхъ,
Средь бурныхъ случаевъ опасныхъ,
Шуваловъ жилъ, торжествовалъ.
Тамъ смерть—зря Рускаго Героя,
Предъ нимъ нѣмѣла среди боя;
Казалось, смерть Онъ успрашалъ!

*

Склонился Онъ къ отдохновенью;
 Пріятность тишины вкусилъ;
 Дни посвятилъ благотворенью,
 И для семьи любезной жилъ.
 Жилъ Онъ въ опрадѣ безмятежной;
 Душой чувствительной и нѣжной
 Съ собою страждущихъ сближалъ.
 Они въ Немъ Ангела встрѣчали
 И въ радостной душѣ вѣщали:
 „Отцемъ вторымъ Онъ нашимъ сталъ!“

*

Рыдайте! вашъ отецъ во гробѣ;
 Его зашмылся ясный взглядъ;
 И Онъ подвергся смерти злобѣ;—
 И съ Нимъ лишились вы опрадѣ.
 Ужь охладѣла та десница,
 Которой сирота, вдовица
 Крѣпились въ горести своей!—
 Рыдайте! слезы проливайте!
 И горестной душой вѣщайте:
 „Другъ умеръ страждущихъ людей!“

*

Нѣтъ! нѣтъ! Герой не умираетъ!
 Онъ побѣждаетъ гробъ и смерть:
 Его Исторья оживляетъ,
 И будетъ Онъ въ вѣкахъ гремѣть.
 На поприщѣ воинской славы,
 Шуваловъ подавалъ ушавы
 Въ цвѣтущей юности своей.
 Въ безсмертной вѣкѣ Екатерины,

Летѣлъ на грозныя швердыни,—
И храбрыхъ крестъ пріялъ отъ Ней (*).

*

Въ какой, въ какой край отдаленной
Орлы Россійскіе парятъ?—
Гдѣ жилъ народъ, Царь полвселенной,
Уже они и шамъ гремятъ.
Ишалія! Ты Россовъ зрѣла!
Предъ ними яросъ онѣмѣла.
Гдѣ Рымникскій разилъ Герой,
Шуваловъ шамъ блиспалъ, сражался;
Охотно смерти подвергался.
И славою питалъ духъ свой (**).

*

Уже подъ облака вступаешъ
Побѣдоносный Русскій сонмъ;
Онъ ночь дремучю встрѣчаетъ:
Гремитъ повсюду звучный громъ.
Но Сѣверныя Исполины,
Черезъ Сентъ-Готарскія вершины
Прорвались мужествомъ своимъ.
И шамъ опважныхъ, гордыхъ Галловъ
Разилъ безшрепешно Шуваловъ;
Хотя смерть самая боролась съ Нимъ (***)).

*

(*) За Прагской приступъ, Графъ Шуваловъ получилъ Георгія.

(**) Графъ Шуваловъ охотою вызвался въ Итальянскій походъ.

(**) Прорываясь черезъ вершины Сентъ-Гошарскія, Графъ Шуваловъ былъ раненъ.

Возсталъ Египта побѣдитель;
 Возсталъ, возсталъ Наполеонъ!
 Возсталъ народовъ истребитель;
 Владѣть вселенной алчешъ онъ.
 Въ предѣлы Пруссіи стремился;
 Отшоль Россіи онъ грозился;
 Но Россѣ въ отпоръ ему предсталъ.
 Шувалову тамъ лавры новы
 На всѣхъ пусяхъ Его готовы:
 Орломъ Онъ на враговъ леталъ (*).

*

По грознымъ ледянымъ равнинамъ
 Умѣлъ пуши Онъ пролагать;
 Явилъ,—что Россамъ-Исполинамъ
 Природу можно побѣждать (**).
 Съ мечемъ перо соединяя,
 Въ полипику умовъ вникая,
 Умѣлъ уставъ давать умамъ.
 На полѣ битвъ—Онъ былъ Героемъ;

(*) Начальствуя Глуховскимъ Кирасирскимъ полкомъ, Графъ Шуваловъ во всѣхъ случаяхъ мужественно отражалъ враговъ.

(**) Въ Шведскую войну 1809 года, начальствуя отдѣльнымъ корпусомъ, онъ первый изъ Русскихъ вошелъ въ Швецію черезъ *Торнео*, которою и овладѣлъ послѣ жаркой битвы. Вскорѣ потомъ при *Шефелтѣ*, сообразя все отважнымъ умомъ, онъ провелъ отрядъ по льду, окружилъ 8000 Шведовъ, принудилъ ихъ положить оружіе, взялъ 121 пушку и 24 знамени. За сей подвигъ произведенъ онъ былъ Генералъ-Лейтенантомъ.

А разлучась съ кровавымъ боемъ,
Онъ пролагалъ стези къ сердцамъ (*).

*

Когда врага всемірна сила
Нашъ край алкала поглотить;
Герой! болѣзнь Тебя сразила;
Но не надолго!—Снова жить
Ты спалъ для славы незабвенной;
Ты зрѣлъ, какъ гордый врагъ вселенной
Престолъ, вѣнецъ и все терялъ!—
Ты зрѣлъ его униженье,
Гордыни дерзостной паденье,—
И новой славой возблисталъ (**).

*

Безъ добродѣтели—ничто здѣсь слава;
Она мгновенный, смутный сонъ;
Она ничтожныхъ душъ отрава:
Намъ то явилъ Наполеонъ.
Но Ты подъ бременемъ недуга,
Ты не терялъ Геройска духа:
Ты вѣрой укрѣплялъ себя;
Живя другихъ—Ты самъ живился;
И съ Небомъ Ты соединился,
Спрадальцевъ горестныхъ любя.

(*) При одномъ изъ блистательнѣйшихъ Европейскихъ Дворовъ былъ онъ Посломъ и на семъ новомъ поприщѣ показалъ, что Герой умѣетъ быть и искуснымъ Полишикомъ.

(**) Графъ Шуваловъ присушествовалъ въ Фонтенебло при отреченіи Наполеона отъ престола и провожалъ сего знаменитаго плѣнника до пристани Фресуской.

Герой-Христiянинъ безсмертенъ;—
 Безсмертенъ здѣсь и въ небесахъ:
 Путь нечестивыхъ непримѣтенъ;
 А вѣры другъ—живешь въ сердцахъ.
 Безсмертіе! Твое наслѣдство!—
 Нѣтъ! не оставилъ Ты семейство;
 Въ его душахъ, живешь душой!—
 Живешь Ты славы озареньемъ;
 Живешь своимъ благошвореньемъ:
 И гробъ сталъ храмомъ славы Твой (*).

 XXXIII.

 ГРАФЪ ЛЕВЪ КИРИЛОВИЧЪ РАЗУ-
 МОВСКІЙ.

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій не долго служилъ на поприщѣ военномъ; но онъ служилъ со славою. При *Матинскомъ* сраженіи, одержанномъ подъ начальствомъ Князя Репнина, онъ оказалъ блистательнѣйшіе подвиги мужества. Да и кто же изъ Русскихъ, доспойныхъ сего имени, укрывается опъ пуль

(*) Погребеніе Графа Шувалова ознаменовано было присутствіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и Его Свѣшлости Принца Оранскаго.

и каршечей? Смерть на полѣ бившы
есть шоржештво Героевѣ.

Не могу достовѣрно обьяснить, по
какимѣ обстоятельствомѣ Графѣ Л.
К. вышелѣ въ отставку. Но уклонясь
въ мирное уединеніе, онѣ никогда не
оставлялѣ службы, посвященной Оте-
честву и соотечественниковѣ. Румян-
цевѣ-Задунайскій говорилѣ о немѣ:
„Графѣ Левѣ Кириловичѣ, оставя воен-
ную службу, и въ отставку полезѣ
Отечеству. Онѣ Герой человекѣлюбивый,
онѣ живѣтъ не для себя, а для другихѣ:
а тѣмѣ самымѣ и показываѣтъ примѣръ
испиннаго Русскаго Вельможи.“

И дѣйствительно Графѣ Левѣ Ки-
риловичѣ во все время своей отставки,
по естѣ до перехода онѣ сего міра
въ могилу, неушомимо служилѣ спраж-
дущему человекѣству. Знаменишый
Французскій духовный вишій Боссюѣтъ,
у гроба великаго *Конде*, славнѣйшаго
Героя своего вѣка, сказалѣ: „Да удалятѣся
онѣ насѣ Герои не благодѣшельные!
Они удивляющѣтъ, но не владычествующѣтъ
надѣ сердцами.“

Графѣ Левѣ Кириловичѣ Разумовскій
всегда владычествовалѣ надѣ сердцами.
Онѣ жилѣ для *благодѣренія*. Оставляя
великолѣпныя свои палаты, онѣ въ видѣ
честнаго человекѣка, *запросто* одѣшаго,
ходилѣ по улицамѣ Московскимѣ, ошис-

кивалъ спрадальцевъ и щедрою вельможескою рукою надблялъ ихъ. Онъ мирилъ нищету съ богатствомъ. Бѣдный просишель, получившій шаковую дачу, о какой и воображать не могъ, въ восторгъ своемъ мыслилъ, что самъ Ангелъ его хранишель ему благодѣшельствуешъ. Такое неожиданное благодѣяніе оживляло его не на *одинъ день*, но на *цѣлыя годы*, а можетъ быть и на все продолженіе странствованія въ семь мѣрѣ. Надежда есть благопворное солнце, озаряющее горестныя пуши бѣднаго смершнаго. Получа однажды внезапную помощь, мы думаемъ, что она и впредь встрѣшитъ насъ.

Наканунъ годовыхъ праздниковъ, по старинному Русскому обычаю, Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій самъ обходилъ и шюремный замокъ и Губернскую яму, гдѣ содержатся несостоятельные должники. Внимательною благопворительностію умѣлъ онъ вывѣдывать обстоятельство спрадальцевъ; и рука неизвѣснаго благопворителя изводила ихъ изъ заключенія; и спрадальцы, возвращаясь въ нѣдра семействъ, съ радостными слезами молились Богу о своемъ Ангелѣ искупишелъ. Что же чувствовалъ тогда благодѣшельный Графъ; что же чувствовалъ тотъ, кто

спрадальцевъ безнадежныхъ одушевлялъ новою жизнію?

Въ первой пѣснѣ *нотей* своихъ, *Юнеѣ*, обращаясь къ любимцамъ щастія, которые должны были въ семъ преволненномъ мірѣ *вторымъ Провидѣніемъ* для бѣдныхъ, говоритъ.

„Любимцы щастія! изъ пышныхъ тѣхъ
палатъ,
Гдѣ роскошь съ нѣгою отрады вамъ сулятъ,
И часно лишь одно приносятъ пресыщенье;
Подъ бѣдный кровъ даютъ сибшити утѣшенье.
Кто горькой участью спалъ въ мірѣ пораженъ,
Пусть будетъ вашею рукой тотъ подкрѣ-
пленъ.“

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій по собственному побужденію сердца своего, любилъ добро и искалъ случая утѣшать спрадальцевъ. Однажды на Тверскомъ бульварѣ подалъ онъ одной бѣдной и престарѣлой женщинѣ щедрую милостиню, и услышалъ сіи слова: *Батюшка! Да не Графъ ли ты Левъ Кириловичъ! Всѣ говорятъ, что онъ такой же милостивецъ, какъ и ты.— Молись Богу, отвѣчалъ Графъ, и не рассказывай никому о Графѣ.*

Съ нимъ много было такихъ случаевъ. Собственно онъ жилъ для добра, дѣлалъ добро и наслаждался прелестію добра

„Почувствовать добра пріятство,
 Такое есть души богатство,
 Какого Крезъ не собиралъ.

Крезъ, Царь *Лидійскій*, среди не-
 смѣнныхъ своихъ сокровищъ, мертвъ
 былъ душою; а Русской благодѣшительный
 Графъ собиралъ то, чего не имѣлъ сей
 вѣнценосный злолюбецъ: онъ соби-
 ралъ благословенія спрадальцевъ.

Не нужно говорить, что Графъ
 Левъ Кириловичъ былъ опцемъ поселянъ
 своихъ. Опѣ *Петровскаго* до Москвы
 несли они гробъ его на плечахъ своихъ
 и со слезами восклицали: *ты оставилъ*
насъ, отецъ нашъ!

Ты оставилъ, Графъ благодѣшитель-
 ный, и сей міръ и семейство твое. Но
 напоминаніе о тебѣ до полъ будетъ
 существовать, доколѣ не погаснетъ
 въ сердцахъ послѣдняя искра добра. Но
 это никогда не случится: слѣдственно
 ты всегда будешь въ памяти людей,
 какъ другъ и благодѣшитель спрадальцевъ.

17 Ноября 1823.

ВОСТОРГЪ РОССІЯНИНА ПРИ ЛИЦЕ-
ЗРѢНІИ ГОСУДАРЯ.

„Вѣрнопоподданному, говорилъ Су-
воровъ, дорого лицезрѣніе МОНАРХА.“

Такимъ неоцѣненнымъ удовольствіемъ наслаждался въ проѣздѣ ГОСУДА-
РЯ ИМПЕРАТОРА 1823 года черезъ
Бѣлоруссію, долголѣтній служишель
временъ Екатерины, Пётръ Ивановичъ
Турчаниновъ (*).

Находясь двадцать семь лѣтъ въ
ошспавкѣ и далеко уже проспираясь
на пуши преклонной старости, онъ
оживотворился сладостною надеждою
еще разъ воззрѣть на ГОСУДАРЯ и за-
былъ бремя своей старости. Пронес-
лась молва, что ранній обѣдъ МОНАР-
ХА будетъ въ *Поболовѣ*, на почтѣ *Угре-*
невица. Немедленно ошправилъ шуда

(*) Проходя поприще Гражданской службы, П. И.
Турчаниновъ извѣщенъ былъ и по военной час-
ти. Въ 1789 г. сказано: „Генералъ-Маіоръ Тур-
чаниновъ по Высочайшему соизволенію при галер-
номъ флотѣ находился: снабжалъ тотъ флотъ
всѣмъ нужнымъ; въ дѣлѣ былъ неослочно съ
Вице-адмираломъ; повсюду поспѣшалъ, гдѣ при-
сущствіе его было нужно, и являлъ опышы ош-
личнаго усердія и неустрашимости.“

Петръ Ивановичъ хлѣбъ-соль, состоявшую въ садовыхъ плодахъ, виноградѣ и ананасахъ; а самъ выѣхалъ на большую дорогу, къ постоялому двору. Вдругъ появилась ГОСУДАРЕВА коляска. Зрѣніе стародавняго Чиновника, ослабѣвшее отъ лѣтъ и трудовъ, не могло распознать МОНАРХА, но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по ангельской внимательности своей, тотъ часъ примѣтилъ Турчанинова и вскричалъ: „эшо Петръ Ивановичъ!“ Восклицаніе сіе опозвалось въ душѣ его; онъ собралъ всѣ силы, чтобы поспѣшнѣе идти къ ГОСУДАРЮ. Но МОНАРХЪ милосердый выскочилъ изъ коляски, обнялъ усерднаго своего подданнаго и поцѣловалъ его нѣсколько разъ. Въ радостномъ восторгѣ Турчаниновъ предался такому же душевному влеченію. Казалось, что Петръ Великій обнимаетъ кого нибудь изъ со-трудниковъ своихъ. Ласковость Государей украшаетъ ихъ величіе. Но тутъ ГОСУДАРЬ предался одной благости своего сердца. Увидя Чиновника, котораго зналъ еще въ юности своей и котораго привыкъ любить за его честность и заслуги къ престолу, ОНЪ обошелся съ нимъ какъ съ давнишнимъ знакомцемъ.

Вступя въ разговоръ съ благосклоннымъ МОНАРХОМЪ, Турчаниновъ въ полной откровенности сердечной, сказалъ: „примите, ГОСУДАРЬ! отъ спа-

рика при Рускіе спасиба за шо, что вошедъ въ Парижъ, какъ побѣдитель, предписали изъ стѣнъ сей столицы Франціи, Духовной нашей Академіи почерпашь просвѣщеніе народа въ истинахъ Евангельскихъ. Вы симъ подвигомъ увѣнчали благодѣаніе. Служба вѣрныхъ служителей Престола идетъ тамъ ревностно, гдѣ начальники и подчиненные соблюдаютъ взаимныя свои обязанности. Вы, ГОСУДАРЬ! какъ попечительный Отецъ, посѣщая чадъ своихъ, видите, гдѣ какъ живущъ и что должно исправить. Бѣло-руссія вполне это чувствовала въ проздѣ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ Берлина.“

ГОСУДАРЬ хвалилъ Петру Ивановичу сына его, служащаго въ арміи Генералъ-Маіоромъ, и давая замѣшить, что и ОНЪ постарѣлъ, указалъ на свою голову. „Вижу, ГОСУДАРЬ! сказалъ Турчаниновъ, что и Вы постарѣли, но за шо много сдѣлали.“

Съ такими же чувствами просился ГОСУДАРЬ съ давнишнимъ своимъ знакомцемъ, съ какими и свидѣлся. ГОСУДАРЬ уже сѣлъ въ коляску, а восхищенный Турчаниновъ, не спуская съ Него глазъ, поднесъ виноградъ. При чемъ подчивалъ также Государевыхъ соопшниковъ Графа Аракчеева и Барона Дибича.

Я питаю къ нимъ истинное уваженіе, сказалъ онъ, за заслуги ихъ Отечеству.“

Долго, долго смотрѣлъ оживошворенный старецъ на ГОСУДАРЕВУ коляску. Все скрылось изъ виду; но образъ ласковаго и благосклоннаго ГОСУДАРЯ снова начертался въ душѣ его и какъ онъ самъ говоритъ: „Сей радостный случай украситъ послѣдніе годы и послѣдніе дни его жизни.“

XXXV.

ОПИСАНІЕ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ ЛЬВОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ НАРЫШКИНЫМЪ 29 ІЮЛЯ 1772 ГОДА, ВЪ ПРИМОРСКОМЪ ЕГО ДОМѢ ЛЕВЕНДАЛѢ.

Воспоминаніемъ живетъ душа, воспоминаніемъ живетъ сердце. Воспоминаніе есть дѣйствительно *второе бытіе* для того, кто живетъ въ сельскомъ уединеніи. Въ шумныхъ столицахъ некогда *вспоминаютъ*; въ вихрѣ разсѣянности ловятъ одну настоящую минуту. И такъ, живучи въ глуши и роясь въ мирной хижинѣ въ старинныхъ моихъ бумагахъ, отыскалъ я описаніе и вели-

колѣннаго и сердетнаго праздника, даннаго Великой Екатвринѣ Рускимъ Вельможею.

Я предложу сіе описаніе съ нѣкоторыми собственными прибавленіями.

Въ приморскомъ своемъ домѣ *Левендалъ*, осѣненномъ обширною рощею, Л. А. Нарышкинъ назначилъ празднество 29 Іюля 1772 года. По предварительному приглашенію съѣхались въ рощу и чужестранные Министры и знаменитыя особы и купцы. Народъ самъ собою спекался; входъ былъ всемъ открытъ и сердечная ласка всехъ принимала. Казалось, что одно изъ *предмѣстій Китайскихъ* переселилось на Петербургскую приморскую дачу. Прелестные домики, построенные на образецъ Китайскій, плѣняли взоры; а слѣдующая надпись, начертанная на разныхъ языкахъ, возбуждала искреннюю благодарность къ гостепріимному хозяину: *хозяинъ весьма будетъ радъ, если прїѣзжіе будутъ посѣщать сіе мѣсто, когда угодно.* Прекрасная мысль и прекрасное приглашеніе! не все осыпаны дарами щастія, но томъ истинно щасливъ, кто свое предлагаетъ *другимъ*.

На каждомъ шагу встрѣчались новые очаровательные предметы. Тутъ пестрѣлись въ пріятномъ разнообразіи

различные цвѣты и возвышались кусты; шамъ свѣтлая излучистая рѣчка влекла за собою восхищенные взоры; шамъ являлась цѣпь острововъ; шутъ представлялись дикіе буераки; а шамъ взоръ шерялся въ неизмѣримомъ пропятии дорогъ и въ густотѣ лѣса; а шутъ встрѣчались мрачныя пещеры и горы, возвышавшіяся уступами.

Въ семь часовъ вечера все еще болѣе оживилось присутствіемъ Екатерины и Наслѣдника Престола. Не нужно говорить, что громкіе звуки музыки и сердечныя восклицанія повсемѣстно привѣтствовали Царицу—Посѣтительницу. Изъ дома хозяйна Императрица вошла въ рошу. Вездѣ раздавалась музыка, и каждое мѣсто представляло новыя забавы; особенно островъ, гдѣ были качели, казался островомъ волшебнымъ. Излучистая дорога, обсаженная различными кустами, провела Екатерину въ чащу мрачнаго лѣса, гдѣ представлялась дикая пещера, обросшая мохомъ и дерномъ; поверхность ея украшалась цвѣтами и плодами, служащими опрадой пустыннымъ. Вдали раздавались паспущечьи свирѣли. По звуку ихъ нечувствительно приближались къ холму, осѣненному лѣсомъ и испещренному цвѣтами; на вершинѣ его стояла хижина; подъ нею на скатѣ горы паспу-

хи пасли спада свои, а паспушки соби-
рали цвѣшны для украшенія сельскаго
своего жилища. При приближеніи Цари-
цы, музыка умолкла, и двѣ первенствующія
паспушки *Филида* и *Лица* въ про-
спомѣ паспушескомѣ одѣяніи и съ по-
сохами, обвѣшанными цвѣшными, поспѣ-
шили на лугѣ на встрѣчу къ Вѣщенос-
ной Госпѣ.

Ф и л и д а (*).

„Царица душъ, сердець! приди подѣ кровь
смиреной;
Хотябъ здѣсь пышности спеклися всей все-
ленноу,
То мало было бы, чтобы тебя приняшь:
Что можешь удивить народа нѣжну мать?..
Олшарь ея—сердца; вѣнецъ—любовь народа:
Воззрѣніемъ ея украсится природа:

(*) По случаю сего празднества издана была Фран-
цузская книжка, въ которой предложены были
рѣчи, произнесенныя Екатериноу. У меня нѣтъ
этой книжки. Я предлагаю стихи по дѣгадкѣ.
Русская Царица съ ласкою принимала всѣ изъ-
явленія сердечныя и въ прозѣ и въ стихахъ. Въ
бытность Ея въ Казани, *Лузинъ* читалъ Ей на
расчѣтѣ длинную и нескладную оду. Екатерина
слушала ее благосклонно, ибо слышала голосъ
усердія. И шакъ и праху сей ласковой Государы-
ни пріятно посвящашъ новыя изліянія усердія.

Л и з а.

„Приди, Царица душъ! подъ сельскій скром-
 ный кровъ;
 Не стелемъ для тебя мы пышныхъ здѣсь ко-
 вровъ;
 Душистыми швой путь усѣемъ лишь цвѣтами;
 А встрѣтимъ въ хижинѣ усердными сердцами.
 Присутствіемъ своимъ ты дашь жизнь нову
 намъ;
 И скромна хижина преобразится въ храмъ.“

И вдругъ—какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла, смиренная хижина преобразилась въ великолѣпный храмъ побѣды. Два крыльца вели въ оный. При дверяхъ каждаго входа стояли спяшии, предшавлявшія побѣды, увѣнчавшія оружіе Россіянъ. Въ срединѣ свода парилъ орелъ съ распроспершими крыльями; на груди его сіяло имя Императрицы, а въ когтяхъ держалъ онъ свитокъ съ надписью: *Екатериинѣ Второй Побѣдительницѣ.*

Учредишель празднества, сообразуясь съ качествами Русской Царицы, которая съ *малыми средствами* достигла *великой цѣли*, скромную хижину преобразилъ въ храмъ побѣды.

Два перехода, наполненные воинами, окружали храмъ. Гремѣла музыка воинская, и блистало бранное оружіе. Столбы обвишы были лаврами, пальмами и

ни надъ городомъ, гласилъ: *сопротивленіе было бы тщетно.*

Вторая. Сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ 7 Іюля 1770 года. Слава, парившая на облакахъ, вѣщала: *не силѣ однимъ кончится.*

Третья. Кагульская битва 21 Іюля 1770 года. Минерва, взиравшая съ превыспренняго свода, показывала свитокъ съ симъ начертаніемъ: *число преодолено храбростію.*

Четвертая. Сожженіе Ошпоманскаго флота при Чесмѣ. Орелъ, парившій въ небесахъ и испускавшій молніи, держалъ свитокъ съ надписью: *небывалое исполнилось.*

Пятая. Взятіе Бендеръ 16 Сентября 1770 года. На шверди небесной являлась Беллона, мешавшая на городъ стрѣлы. Въ одной рукѣ держала она пылавшій факелъ, а въ другой хартію съ надписью: *что можетъ устоять?*

Шестая. Покореніе Кафы и всего Крыма 1771 года. Слава, парившая среди лучезарныхъ облаковъ, держала въ рукахъ лавры для увѣнчанія Героевъ-Россовъ. Крымъ, восхищенный владычествомъ Екатерины, показывалъ свитокъ съ надписью: *Коль сладокъ ничѣ жребій мой!*

Отъ Русскихъ памяшниковъ славы и побѣдъ, Екатерина перешла въ Ки-

тайское урочище. Дома, сады и ппичники,—все было шамъ во вкусъ Кишайскомъ. Домашніе служители были въ Кишайской одеждѣ, музыка играла Кишайская; среди домовъ возвышалась горка, сошавленная изъ рѣдкихъ морскихъ раковинъ, разноцвѣтныхъ камней и окаменѣлыхъ растѣній. На площади возвышались мачты, украшенныя Кишайскими *пагодами*, съ колокольчиками и разноцвѣтными флагами.

„Усердье всѣ мѣста сближаетъ;
Властитель щасливыхъ сердецъ
Всѣ части міра шамъ встрѣчаетъ,
Гдѣ даръ небесъ—его вѣнецъ.“

Опдохнувъ нѣсколько въ *Китайскомъ урочищѣ*, ЕКАТЕРИНА черезъ небольшой мостъ перешла въ правую сторону рощи.

„И вдругъ—раздался звукъ рожковъ,
Предстало поселянъ селенье;
Опозвалось сердечно пѣнье;
Изчезъ *узорчатый* Кишай,
Родной явился Русской край.
Тамъ хижины обгорожены,
Привольемъ щасливымъ снабжены,
Своею милой простотой
Сердца и взоръ обворожали.
Тамъ нивы жатвой золотой
При солнечныхъ лучахъ блистали;
Тамъ пчельниковъ являлся рядъ;

Тамъ всѣхъ стеченіе отрадъ
 Безъ блеска — сердце восхищало,
 И вѣкъ злашюй напоминало.“

Словомъ: въ семъ мѣстѣ устроено было селеніе *зажиточныхъ Русскихъ крестьянъ*. Полюбовавшись симъ сельскимъ щаспіемъ, копорое Русская Царица искренно желала водворить повсемѣстно, она возвратилась къ Кипайскимъ домикамъ, а опшуда направила пушь къ площади храма, намощенной досками. Загремѣла огромная музыка, и начались различныя пляски.

Великолѣпный ужинъ пригошовленъ былъ Екатеринѣ въ домѣ хозяина, а двѣ тысячи посѣщителей угощаемы были въ разныхъ бесѣдкахъ. Освѣщеніе было повсемѣстное и разноцвѣтное. Наружный блескъ сливался съ блескомъ, озарявшимъ всѣ души. Не одинъ блестящій санъ Екатерины, но ея слава, а еще болѣе любовь ея къ народу, возбуждали во всѣхъ сердцахъ непришворный восторгъ. Тогда слава ея была въ полномъ сіяніи. Но сія слава блеснула, мелькнула и — исчезла. Громы новыхъ побѣдъ заглушили громы дней прошедшихъ. Что же осталось съ Екатериною? Любовь, кошо-рою она опъ чистаго сердца дарила свой народъ; и по праву сей любви, она всегда будешъ жить въ сердцахъ: сія

неутирающая жизнь принадлежишь
ЕКАТЕРИНЬ.

Послѣ ужина при рѣкѣ *Красной* зажженъ былъ фейерверкъ. На щитѣ являлась *Астрея*, въ одной рукѣ державшая рогъ изобилія, а въ другой *вѣсы правосудія*. Въ низу изображены были пастухи со стадами своими. Распри и раздоры бѣжали отъ сихъ счастливыхъ мѣстъ. То было изображеніе золотого вѣка.

„Нѣтъ вѣка на землѣ златова,
Нѣтъ тамъ его, гдѣ мрачность бурь
Темнитъ небесную лазурь;
Гдѣ съ жизнью вмѣстѣ—смерть сурова;
Гдѣ добродѣшель слезы льетъ;
Гдѣ сильный слабого гнететъ;
Гдѣ все дано—на мигъ единый....
Но вѣкъ златой Екатерины
Былъ вѣкомъ по любви златымъ;
И мы его въ душахъ хранимъ.“

По сожженіи щипа, Екатерина вышла изъ палатки, откуда смотрѣла на *фейерверкъ*. Новое зрѣлище поразило изумленныхъ посѣщителей. Подъ тѣнью древесной открылось прозрачное огненное явленіе, представлявшее на колесницѣ *Фсба*, державшаго въ рукахъ вензелевое Императрицы имя, озарявшее всѣхъ лучами своими. Подъ симъ лучезарнымъ именемъ изображенъ былъ преспарблый *Браминъ*, сплывшій между пальмою и алоемъ. Воздѣвъ руки къ

небесамъ, и покланяясь сему блестящему свѣтилу, казалось, онъ вѣщалъ:

„Какъ солнце все живитъ и мѣръ весь освѣщаетъ,
 Такъ вѣнценосная все благость оживляетъ,
 И кровъ толоменный и пышности чертогъ
 Сіяньемъ солнечнымъ все озаряетъ Богъ.
 И власть такъ Царская съ любовью сопряжена,
 Все озарять собой бываетъ устремлена;
 Величье безъ любви дивитъ, а не живитъ;
 Средь мрака и средь бурь любовь всегда блеститъ.
 О солнце нашихъ дней, источникъ оживленья!
 Блиспай, свѣши, сіяй, не вѣдай захожденья.“

Уже посѣщивши воображали, что все кончилось, и готовились развѣзжаться; но внезапно открылся мраморный столбъ, освѣщенный среди перспективы. На вершинѣ его парилъ двуглавый орелъ съ лучезарнымъ именемъ Екатерины. На подножии, сооруженномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ бронзовыми буквами изображена была слѣдующая надпись: *Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора сдѣланный и отъ всещедрой Екатерины Второй въ даръ полученный столбъ, въ залогъ незабвенной своей благодарности къ Ея Императорскому Величеству, на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ, въ годъ прибытія Россійскаго флота въ*

Морею и истребленія Турецкихъ морскихъ силъ.

Къ увѣнчанію сего торжества, на верху сполба блеснуло искусственное восходившее солнце, и озарило рощу лучами своими. Еслибъ не было тогда полуночи, то можнобъ было подумать, что наступилъ день.

Одинъ изъ стихотворцевъ того времени тогда же написалъ карандашемъ слѣдующіе стихи:

„О чудо новое! что видишь здѣсь народъ?
Въ необычайный часъ зрима солнечный восходъ.
Конечно Фебъ, узнавъ приходъ Екатерины,
Вознесся въ полночь здѣсь изъ влажныхъ пучи-
ны,
И не хотя еще взойти на твердь небесъ,
Урѣшь ее снѣжилъ онъ въ Левендальской дѣсь.“

XXXVI.

МОСКОВСКІЯ ЯМСКІЯ СЛОБОДЫ.

По преданію изустному, то есть, по сему первоначальному основанію всемірныхъ лѣтописей, и теперь еще существуетъ сказаніе въ семействахъ Московскихъ ямщиковъ, что учрежденіе ихъ относится ко времени перваго и

достопамятнаго похода подъ Казань Царя Ивана Васильевича.

Нѣтъ писменныхъ сему свидѣтельствъ, но есть правдоподобіе.

Первый походъ перваго Русскаго Царя, предпринятый подъ Казань 1550 года, сопровождаемъ былъ непогодливою и бурною зимою. Войско прешерпѣвало сильный уронъ въ людяхъ, и сверхъ того надлежало преодолевать и трудности бездорожья (*).

Необычайныя обстоятельства требуютъ и необычайныхъ мѣръ. И такъ къ сбереженію войска, огнестрѣльныхъ орудій, снарядовъ и продовольствія, надлежало учредить особенныхъ подводчиковъ или ямщиковъ.

Сочинитель книжки: *О старинныхъ Московскихъ приказахъ*, предполагаетъ, что *Ямскія Московскія слободы* воспріяли существованіе свое при Царѣ Борисѣ Годуновѣ или тогда, когда онъ былъ полновластнымъ Правителемъ Россіи при Царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ (**). Хотя и сего не лзя утвердить писменными памятниками; но сіе сближеніе съ царствованіемъ Ивана Васильевича,

(*) Смол. Опытъ Казанской Исторіи Рычкова, глава 10, стран. 126.

(**) Смол. Древнюю Россійскую Визіюнку, Часъ 20, стран. 413.

покорителя Казани, свидѣтельствуетъ, что ямщики могли быть и въ его время.

Въ трех-лѣтнее междуцарствіе, когда, по словамъ Русскихъ Лѣтописцевъ, вдовствовалъ Царскій престолъ и сиротѣла земля Русская, ямщики или подводчики съ неупомимымъ раченіемъ и скоростію развозили порохъ и оружіе, служившія къ защитѣ земли Русской (*).

„Важное происшествіе, сказано въ вышеупомянутой книжкѣ, преобразившее значительное число гражданъ и крестьянъ въ ямщики, и въ слѣдствіе того снабженіе ихъ изобильнымъ владѣніемъ земель, почши утвердительно можно отнести къ царствованію Михаила Теодоровича. Изъ записной книги 1627 года, Марта 8 явствуетъ, что сей Государь и Великій его родителъ, Свяшѣйшій Папріархъ Филаретъ Никитичъ, указали давать опредѣленное число подводъ и Властемъ и Бояромъ и Околнѣтимъ и Думнымъ и всякихъ тиновъ людемъ по сеоему Государскому положенію (**).

Весьма вѣроятно, что Папріархъ Филаретъ Никитичъ, знавшій о важныхъ пользахъ, доставленныхъ въ трех-лѣтнемъ междуцарствіи подводчиками

(*) Смол. Грамоты того времени.

(**) Смол. Древнюю Россійскую Вивлію, Часъ 20, стран. 415.

или ямщиками, содѣйствовавъ къ учрежденію ихъ слободъ. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ оныхъ основался и *Ямской Приказъ*. Въ сей Приказѣ назначились чиновники, изъ *знатнѣйшихъ чиновъ*, съ копорыми засѣдали и *Дьяки*. Въ 1628 и 1629 годахъ засѣдалъ въ Ямскомъ Приказѣ незабвенный сынъ Отечеству, защитникъ Москвы и Россіи Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Царь Алексѣй Михайловичъ, ограждая безопасностью почтовую гоньбу и въ изъявленіе довѣренности своей къ ямщикамъ, приказалъ сшить имъ *шесть кафтановъ* суконныхъ, *Амбурскаго сукна цвѣта*, и нашить на оныхъ орлы, изображенные на красномъ сукнѣ. Симъ почетнымъ ямщикамъ поручено было надзираеть, чтобы за границу не провозили изъ Россіи ни золота, ни серебра, ни жемчуга. Такимъ образомъ ямщики были охранителями сокровищъ Государственныхъ (*).

Благотворное вниманіе Русскихъ Государей ко всѣмъ сословіямъ Русскаго народа и нынѣ еще въ полной мѣрѣ продолжается.

1818 Года Іюня 15 дня, по соизволенію ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ, Тверской ямской

(*) Смори *Древ. Рос. Ист.* стр. 348.

слободы ямщикъ Яковъ Семеновъ Ершовъ за усердный десяти-лѣтній подрядъ для отвоза кормилицъ съ пипомцами, награжденъ бархатнымъ кафтаномъ съ золотымъ тасомъ. Тотъ же самый ямщикъ удостоился получить 1822 Декабря 29 серебряную медаль за различные усердные подвиги, оказанные въ отношеніи къ Воспитательному Дому.

1820 Года, по представленію бывшего Почтв-Директора, Его Превосходительства Константина Яковлевича Булгакова, ямщики Тверской слободы Пётръ Ивановъ Сочкинъ и Егоръ Васильевъ Какоринъ, за почное и ревностное исправленіе обязанностей по почтовымъ станціямъ Московской Губерніи, пожалованы Милосердымъ ГОСУДАРЕМЪ богатыми суконными малиноваго цвѣта кафтанами съ позументомъ.

Предложимъ здѣсь о ямскихъ Московскихъ слободахъ изъ прошенія къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, лично поданнаго ямщиками 1816 года.

„Московскія ямскія пять слободъ: Тверская, Драгомиловская, Коломенская, Переславская и Рогожская, со времени населенія ихъ по мѣстоположенію своему за Землянымъ городомъ Москвы, сосполяли въ предмѣстїяхъ города на

правѣ уѣздныхъ жителей. Въ тѣ времена, въ царствованіе вѣчно достойной памяти Великихъ Князей, Царей и Государей Всероссійскихъ, за нашихъ предковъ усердную и вѣрную службу пожалованы удѣломъ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе, и при томъ отъ всѣхъ податей, налоговъ и отъ рекрутской повинности были освобождены.

„Отъ времени до времени Москва распространилась своимъ населеніемъ до того, что черта города, бывшая по земляному валу, назначена по другому, такъ называемому Камеръ-Коллежскому валу.—И ямскія слободы, войдя такимъ образомъ въ существенную окружность города, содѣлались настоящими его улицами.“

Предусмотрительный Государь, неусыпно сохраняя и соблюдая благо и собственность каждаго изъ подданныхъ, врученныхъ ему Провидѣніемъ, излилъ на ямскія слободы слѣдующія новыя благодѣянія, означенныя въ предписаніи отъ 16 Марша 1817 года, бывшему Московскому Генералъ-Губернатору, Генералу отъ Кавалеріи Графу Тормасову:

1) Числющуюся на ямщикахъ недоимку поземельнаго сбора съ заспроенной и незаспроенной земли, а равно и пѣню по сей недоимкѣ, сложишь съ нихъ

по 1817й годѣ не въ примѣрѣ другимѣ обывателямѣ, съ которыми не имѣюшѣ они равнаго права пріобрѣтать въ собственность землю и располагать ею.

2) Въ замѣну поземельнаго сбора и въ замѣну предполагаемаго съ оцѣнки домовѣ, брать съ ямщиковѣ въ пользу города проценныя деньги съ получаемаго ими дохода, съ лавокѣ по шести, а съ постоялыхѣ дворовѣ по три процента съ рубля. Сего требуетъ справедливость, ибо съ одной стороны земля, ямщикомѣ занимаемая, не есть собственность его, какѣ выше сказано. Слѣдовательно и самая оцѣнка дома, на такой землѣ находящагося, будетъ ничтожна, когда не можетъ домѣ быть проданѣ въ другіе руки иначе, какѣ на свозѣ; а съ другой не лзя не принять въ уваженіе и того, что ямщикѣ платитѣ подаши и повинности вдвое противу мѣщанина.

3) Купеческимѣ акцизомѣ облагать тѣхѣ только ямщиковѣ, кои производятѣ торговлю, купеческѣ присвоенную; но тѣхѣ изѣ нихѣ, кои занимаютѣся мѣлочнымѣ торгомѣ менѣе суммы, опредѣленной для купца 3 ей гильдіи, или кои занимаютѣся торгомѣ и промысломѣ крестьянамѣ дозволенными, обложить акцизомѣ, равнымѣ съ крестьянами, не принуждая къ плашежу прошивѣ

купца 5 ей гильдіи, когда у шаковаго ямщика и повару находится едва на равную сумму требуемой Градскою Думою подаши.

4) Ямщиковъ, занимающихся ремесломъ, на примѣрѣ: кузнецовъ, колесниковъ и тому подобныхъ, не облагаютъ другимъ какимъ акцизомъ, кромѣ причисленія въ ремесленные цехи.

5) Впрочемъ, не взирая на распоряженіе сіе, облегченіе ямщиковъ единственно въ себѣ заключающее, они должны осматриваться въ настоящемъ ямскомъ состояніи и выполнятъ по оному безъ упущенія всѣ обязанности, равно содержатъ и мостовую въ своихъ слободахъ.“

По необычайному спеченію дивныхъ событій на лицѣ земли, благошворное вниманіе АЛЕКСАНДРА Перваго обращено было на ямскія Московскія слободы, послѣ разоренія, претерпѣннаго Москвою 1812 года: послѣ шакого же 12 го, ш. е. 1612 года, воспослѣдовало льготное предписаніе въ пользу Московскихъ ямщиковъ. „А послѣ Московскаго раззоренія, сказано въ ономъ, которой гонецъ подводу надсади шѣмъ же обычаемъ, и за тѣ подводы правили на гонцахъ деньги прошивъ купли, справясь съ записными книгами на конной

площадкѣ, потому что предѣ прежними лѣшами лошади дороги.“

Вѣ подтвержденіе того, что я упомянулѣ о важныхъ заслугахъ ямщиковѣ вѣ шрехѣ-лѣтнее между-царствіе, вѣ воспослѣдовавшемѣ потомѣ Указѣ Царя Михаила Ѣеодоровича изображено: „Ямщикамѣ на Воеводѣ никакого сдѣля не дѣлашь, и городского и *осторожнаго дѣла* (*) сѣ посадскими людьми дѣлашь не велѣно, а велѣно ямщикамѣ гоняшь ямскую гоньбу.“

Благодѣшельные Самодержцы Россіи на все обращали отеческое вниманіе и шѣмѣ самимѣ подвигали сыновѣ Россіи кѣ душевнымѣ и неограниченнымѣ пожертвованіямѣ во всѣхъ случаяхъ, когда Вѣра, Престолѣ и Опечесшво того шребовали. Хотя, по Указу Царя Михаила Ѣеодоровича, ямщики уволены были отѣ *сторожеваго дѣла*, ш. е. отѣ спражи военной; но вѣ 1790 году, когда Шведскій Король, предпологая, что Россія, озабоченная войною сѣ Опшоманскою Порпою, не вѣ силахъ будетѣ ему прошивусшоять, вознамѣрился овладѣшь Пешербургомѣ: ямщики вызваны были на службу. Полкѣ, изв нихъ составленный, дѣйствовалѣ на по-

(*) *Осторожнаго дѣла*, кажется, означаетѣ дѣло, относящееся кѣ военной службѣ.

лѣ грозныхъ битвѣ, и Русскіе ямщики раздѣлили славу и честь съ воинами. Въ достопамятный 1812й годѣ ямщики новыми пожертвованіями ознаменовали рвеніе свое къ Престолу и Отечеству. Соревнуя Дворянамѣ, Ямская Рогожская слобода выспавила въ рашники 20 человекѣ; а подражая купечеству, пожертвовала *пятью тысячами* рублей, которые тогдашнему Московскому Градоначальнику Графу Теодору Васильевичу Распопчину вручилъ престарѣлый житель ямской Рогожской слободы, Иванѣ Семеновѣ Ширяевѣ, извѣстный долготными заслугами по званію своему. Онѣ имѣлъ счастье вспрѣчь съ хлѣбомѣ и солью и Императрицу Екатерину II и Императора Павла Перваго, и Императора АЛЕКСАНДРА Перваго.

Всѣ обстоятельство, относящіяся къ симѣ радостнымѣ и торжественнымѣ случаямѣ, и всѣ милости Царскія живо напечатлѣны въ памяти и въ сердцахъ Московскихъ ямщиковѣ.

Упомянемѣ о Высочайшей милости, оказанной ямскому сословію 1824 года. Преспарѣлый, но не охладѣвающій никогда въ ревности къ пользѣ общей, житель слободы Рогожской, Иванѣ Семеновѣ Ширяевѣ съ товарищами, имѣлъ счастье вспрѣчь съ ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА въ одиннадцати верстахъ отъ Серпухова у села *Лушковъ*. Вмѣстѣ съ хлѣбъ-солью ямщики удостоились подать прошеніе. „Это что такое? спросилъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ обыкновенною Своею Отеческою снисходительностію. Престарѣлый Ширяевъ отвѣчалъ: „Просимъ Тебя, Милосердый ГОСУДАРЬ, о вѣпоричной отсрочкѣ ссудной суммы. Если можно, яви сію милость.“—Можно, сказалъ ГОСУДАРЬ.—И симъ однимъ словомъ Вѣнценосный Ангелъ отсрочилъ сотни тысячъ. Награждая сею милостию ямщиковъ, ГОСУДАРЬ прибавилъ: „Пусть богатѣютъ, да Бога не забываютъ.“

XXXVII.

ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ ЛАНКОРАНА
31 Декабря 1812 года Генераломъ
Котляревскимъ.

Герой Грузіи, увѣнчанный свѣжими лаврами, пожалыми за *Араколъ*, при отважномъ нападеніи на *Абасъ-Мирзю* и при взятіи его стана, Генералъ *Котляревскій* съ храброю дружиною Русскихъ воиновъ приступилъ 26 Декабря 1812 года къ *Ланкорану*, укрѣпленному

по образцу Европейскихъ крѣпостей, и гдѣ было около пяти тысячъ Персіянъ. Котляревскій пребоваѣ сдачи крѣпости у *Сардара Садыхъ Хана*. Кичливый Ханъ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищаться. Къ нанесенію важнѣйшаго вреда крѣпости, 27 Декабря свезена была съ корабля трехпудовая *мортира*, изъ копорой продолжалась бомбандировка до 29 числа. Слава украшается челоблюбіемъ. По опыту предшествовавшихъ побѣдъ, *Котляревскій* увѣренъ былъ, что Персіяне не успоятъ, и что оружіе Русскихъ снова сбаврипся ихъ кровію. И такъ вшорично отправилъ онъ чиновника ко всѣмъ *Ханамъ* и убѣждалъ ихъ: «чтобы они пощадили себя, женъ, дѣтей, имущества и не упорствоваѣ бѣ защищаться противъ войскъ побѣдоносныхъ.» Гордый врагъ отвѣчалъ—однимъ безмолвіемъ.

Между тѣмъ снаряды истощались. Малочисленной дружинѣ Русскихъ оставалось или *побѣдить* или *умереть*. Ошсипупленіе повлекло бы за собою голодъ и бесполезную гибель: ибо неприятель безпокоилъ бы наши войска по всѣмъ дорогамъ. Сверхъ того въ руки Персіянъ навсегда бы досталось *Талышинское владѣніе*. Въ сихъ обстоятельствахъ Герой, призвавъ на помощь Бога, рѣшился штурмовать:

„Воины!“ сказалъ онъ: „щещно убѣждали мы непріятеля къ сдачѣ крѣпости. Мы не желали его гибели, онъ самъ спремился къ ней. Намъ остался одинъ *штурмъ*. Опсупленія не будетъ. Намъ должно или взять *Ланкоранъ*, или умереть. Мы за тѣмъ сюда пришли. Непритель два раза опвергъ наши предложенія: онъ узнаетъ силу Русскаго шпыка. Русскіе брали и не такія крѣпости. Воины! послушаніе и быспрый полетъ на стѣны сохранятъ людей и скорѣе рѣшатъ жребій приступа. Въ царствованіе Александра Перваго правило Русскихъ: побѣждать, или умереть. Умереть, или побѣдимъ! съ нами Богъ!“

Декабря 31 начался *штурмъ* и продолжался три часа. Персіяне употребляли всѣ неисповыя средства, рогатины, пики, ручныя гранаты; употребляли все—но щещно. Самъ Богъ вступился за правоту и невинность. Онъ наказалъ Персіянъ, захватившихъ *Талышинское владѣніе*. Непритель погибалъ и въ стѣнахъ крѣпости и въ рѣчкѣ *Алькоранъ*, гдѣ думалъ спастися вплавъ. Пули и шпыки вездѣ его настигали. Высокомѣрный *Срадаръ Садыхъ Ханъ*, родственникъ *Баба-Хана*, за упорство свое заплашилъ жизнью. Тысяча пятьсотъ Русскихъ низложили и стѣны крѣпости и четыре тысячи Персіянъ. Въ

числѣ Русскихъ чиновниковъ убитѣ былъ храбрый Полковникъ *Ушаковъ*, а Генералъ *Котляревскій* получилъ три раны: „Но, писалъ Герой, я благодарю Бога, запечатавшаго успѣхъ сего дѣла собственною моею кровію; надѣюсь, что сейже самый успѣхъ облегчитъ мои страданія (1).“

Персіяне почитали неприступною крѣпость *Ланкорань*, устроенную на Каспійскомъ морѣ, при впаденіи въ оное рѣчки *Ланкорани*. Абасъ-Мирза предписывалъ защищать до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи. Онъ самъ поспѣшалъ къ ней на помощь. Но узнавъ, что нѣтъ *Ланкорана*, нѣтъ ключа Персіи, онъ устремился въ быстрое бѣгство.

Не лзя пропустишь безъ вниманія и того, что сія крѣпость взята была наканунѣ перехода Русскихъ войскъ за границу 1 Января 1813 года. Сколько воспоминаній сливаются въ однѣ сущки! Въ то самое время, когда *Наполеонъ* бѣжалъ изъ Россіи, Опечесство наше озарилось и новою славою въ предѣлахъ Персіи и предпріятымъ подвигомъ къ спасенію Европы и чловѣчества.

(1) Подлинныя слова Генерала Котляревскаго, изъ донесенія его тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи Н. Ѳ. Ршищеву.

XXXVIII.

О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ
И ВЕЛИКОЛѢПІИ ДВОРА
ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

„Вступая въ Царскую палату, говоритъ Издапель Записокъ о *Графѣ Карлилѣ*, мы то же ощутили, что случается съ тѣми, которые послѣ мрака внезапно поражаются солнечными лучами: чрезвычайное сіяніе ослѣпило взоры наши. Кабалось, что блескъ драгоценныхъ камней спорилъ въ превосходствѣ съ блескомъ дневнаго свѣтила. Мы какъ будто бы исчезли въ сліяніи свѣта и славы! Русской Царь, подобно солнцу свѣтозарному, сіяя и разпространяя повсемѣстно лучи, величественно сидѣлъ на престолахъ: вънецѣ, скипетрѣ, порфира, все изумляло взоры и воображеніе; по сторонамъ, у подножія престола, шестью или семью ступенями возвышеннаго отъ помоспа, стояли чешыре Боярина, держа на плечахъ сѣкиры. Одѣяніе соотвѣтствовало величественному ихъ виду. Взглядывая по временамъ то на насъ, то на Царя своего, они какъ будто бы говорили: *кто величественнѣе Царя нашего? Взирайте и*

благоговѣйте! Сонмъ Царскихъ Боярѣ еще болѣе поразилъ насъ удивленіемъ; они представлялись намъ лучами, отдѣляющимися отъ солнца, возносящагося на торжественной колесницѣ, и опять съ благоговѣніемъ возвращающимися къ лучезарному источнику, откуда испекли... У входа палаты было нѣсколько *гостей*, или купцовъ.“

«Въ такомъ величїи обрѣли мы Царя, важнаго видомъ, величественнаго осанкой, цвѣщущаго красою и мужествомъ. Величїе Царя, пышность Двора, всеобщее благоустройство не только восхищали насъ, но даже исполнили прелесть и удивленїя; словомъ, казалось, что намъ предстало не собранїе людей, но боговъ (1)!“

(1) Записки о посольствѣ Графа Карлиля въ Россію, стр. 160.

11

The first thing I noticed when I stepped
 out of the car was the smell of
 fresh air. It was a relief after
 being stuck in traffic for hours.
 The sun was shining brightly, and
 the birds were chirping happily.
 I took a deep breath and felt
 a sense of peace wash over me.
 The world seemed so much better
 when I was finally free to go.
 I walked towards the park, and
 the children's laughter was
 everywhere. It was a beautiful
 scene, and I felt like I had
 found a piece of heaven on earth.
 I sat on a bench and watched
 the children play. They were
 so full of life and energy, and
 it was contagious. I felt like
 I was part of something special.
 The day was perfect, and I
 felt like I had found a new
 purpose in life. I was going
 to spend the rest of my days
 here, and I was going to love
 every minute of it.

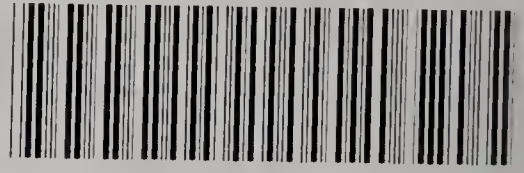
The second thing I noticed was
 the sound of the water. It was
 a gentle, soothing sound that
 made me feel like I was in a
 dream. The water was so clear
 and so pure, and it was a
 relief after being in the car for
 so long. I took a deep breath
 and felt a sense of peace wash
 over me. The world seemed so
 much better when I was finally
 free to go. I walked towards
 the park, and the children's
 laughter was everywhere. It was
 a beautiful scene, and I felt
 like I had found a piece of
 heaven on earth. I sat on a
 bench and watched the children
 play. They were so full of life
 and energy, and it was
 contagious. I felt like I was
 part of something special. The
 day was perfect, and I felt like
 I had found a new purpose in
 life. I was going to spend the
 rest of my days here, and I was
 going to love every minute of
 it.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS

0 009 192 467 5

